ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ и ПРЕСТУПНИКА

ИВ 145
И 693

РАСТРАТЫ
и
РАСТРАТЧИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР
Москва — 1926

Издательство Народн. Комиссар. Внутренних Дел РСФСР
(б. Издательство НКВД при Заготхозе Милиции)
Москва, Ильинка, 21, Телефон 4-09-60, доб. 54.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1926 год:

I.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

„БЮЛЛЕТЕНЬ НКВД"

БЮЛЛЕТЕНЬ является официальным органом НКВД РСФСР.

БЮЛЛЕТЕНЬ содержит следующие отделы:

1. Действия и распоряжения Р.-К. Правительства в области обще-административной деятельности, работы низового аппарата, милиции, коммунального хозяйства и мест заключения.

2. Приказы, распоряжения и циркуляры междуведомственные и ведомственные по вопросам: а) обще-административной деятельности местных Советов и Исполкомов, б) деятельности милиции и розыска, в) коммунального хозяйства: жилищный вопрос, благоустройство, пожарное дело и пр., г) управление местами заключения, д) постановления Административной Комиссии ВЦИК.

3. Важнейшие законопроекты, разработанные НКВД и вносимые на утверждение законодательных органов.

4. Сведения о ходе избирательной кампании.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на весь 1926 год—4 р. 80 к., на 6 мес.—2 руб. 40 к., на 3 мес.—1 руб. 20 коп.

II.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВЕСТНИК"

Журнал ставит своей задачей в популярной, общедоступной форме освещать вопросы деятельности НКВД и Исполкомов.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на весь 1926 год—6 руб., на 6 мес.—3 руб., на 3 мес.—1 руб. 60 коп.

ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:
МОСКВА, Ильинка, 21. Издательству Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ и ПРЕСТУПНИКА.

РАСТРАТЫ
И
РАСТРАТЧИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР.
Москва — 1926

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009

Типография МКХ им. Ф. Я. Лаврова, Бородинский мост, Варгунихина горв, 8. Главлит № 69017, Тираж 3.000 экз. Москва, 1926 г.

ИВ145
И693
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
1113
37 13420

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Волна дел о растрате, широкой полосой прокатившаяся по всем органам, имеющим задачей борьбу с преступностью в РСФСР, не могла не остановить на себе внимания Государственного Института по изучению преступности и преступника.

Если преступность, как общественное явление, всеми своими корнями лежащее в социальных и экономических условиях данного времени и места, является об'ектом специального теоретического и практического интересов Государственного Института, то такое явление в области преступности, как повсеместный, бурный и устойчивый рост растрат, обнаружившийся во всех областях государственной, хозяйственной и общественной жизни страны, должен был подвергнуться самому широкому и углубленному изучению со стороны всех секций Института. Этого требовали не только теоретический интерес, не только соблазнительная для научного исследователя возможность изучения больших масс «человеческого материала», но и соображения практического порядка: необходимость найти основные причины «растратной эпидемии», выяснить те пункты, в которых зарождается это явление, изучить его возникновение и рост, питающие его и благоприятствующие ему моменты и целый ряд других факторов, ясное и точное знание которых необходимо не только для органов, ведущих непосредственную борьбу с преступностью, но и для принятия предупредительных мер и максимального устранения обстоятельств, вызывающих и благоприятствующих растратам.

При выполнении взятой им на себя задачи Государственному Институту надлежало прежде всего установить метод исследования. В этом отношении Институт встал на путь массового обследования лиц, осужденных за растраты и находящихся в местах заключения. Социально-экономической секцией Института, совместно со статистическим бюро Института был составлен проект опросного листа. Листки были разосланы по всем местам заключения РСФСР и заполнялись самими растратчиками под наблюдением учебно-воспита-

тельных частей мест заключения. В Москве листки заполнялись под наблюдением сотрудников Института, и точность получаемых ответов проверялась по имеющимся в местах заключения материалам.

Заполненные и полученные в числе 2600 опросные листки были просмотрены и выверены, при чем оказались пригодными к обработке и были обработаны 2273 опросных листка. Полученные позже, во время работы, еще 600 опросных листков, не могли уже быть использованы. Листки были разделены для обработки на три части и были обработаны отдельно «по Москве, другим городам и сельским местностям», при чем растратчики были разделены на 11 групп: 1) в фабкомах и месткомах, 2) в профсоюзах, 3) в первичных кооперативах, 4) в кооперативных союзах, 5) в административных органах, 6) в государственных торговых органах, 7) в государственных хозяйственных органах, 8) в жилищных товариществах, 9) в Красной армии, 10) в общественных организациях и 11) прочие растратчики.

Каждая группа разрабатывалась по следующим таблицам:

1) Комбинация возраста с жилищными условиями;
2) » » » брачным положением и колич. детей;
3) » » » отношением к семье и числом иждивенцев.
4) Комбинация возраста с наркоманией;
5) » » » началом употребления алкоголя;
6) » » » посещением игорных домов и т. д.;
7) » родной, чужой семьи с отношением родителей;
8) » » » » » местом жительства до школы.
9) Комбинация родной, чужой семьи с образованием;
10) » » » » » обучением ремеслам;
11) » » » » » началом работы на дому;
12) » » » » » » » вне семьи.
13) Комбинация родной, чужой семьи с возрастом самостоят. жизни.
14) Комбинации возраста самостоятельного заработка и возраста получения подотчетных сумм.
15) Репрессии в комбинации с судимостью.
16) » » » » партийностью.
17) » » » » растраченной суммой и бюджетом.

18) Комбинации времени ревизий, наличия на руках подотчетных сумм, кем обнаружено, растрачено единолично, совместно и состояние опьянения во время растраты.
19) Те же комбинации, но вместо времени производства растраты—растраченная сумма.
20) Состояние опьянения, растраченная сумма, состояние отчетности, мотивы растрат, произведено единолично, совместно.
21) Изменение занятий растратчиками с довоенного времени до растраты (занятие во время преступления, 3 года назад, 6 лет назад и обычно).
22) Годы получения подотчетных сумм и партстаж.
23) » » » » » занятие до войны.
24) Занятие во время совершения преступления и образование.
25) » » » » » с возрастом первого получения подотчетных сумм.
26) Занятие во время совершения преступления в связи с растраченными суммами.

Помимо социологического обследования, произведенного путем изучения опросных листков, в г. Москве было произведено психологическое обследование группы заключенных растратчиков (85 человек), а Главным Управлением местами заключения были опрошены все губернские инспекции мест заключения об общем количестве и о составе заключенных растратчиков.

Полученный материал был с различных точек зрения систематизирован и исследован научными сотрудниками Института—авторами настоящего сборника. Обилие научного материала не дало, конечно, возможности исчерпывающего его изучения в предлагаемых статьях. Вряд ли можно было требовать от настоящего сборника и окончательных, бесспорных выводов из данных обследования. Государственный Институт считал бы свою задачу выполненной, если бы этот сборник дал в руки заинтересованных лиц и учреждений полный и достаточно систематизированный статистический материал и те первые выводы, которые слишком очевидно проглядывают сквозь статистические таблицы, приводимые в сборнике. Но Государственный Институт с тем большим сознанием полезности настоящего сборника приступает к его изданию, что кроме статистического материала и первых общих выводов авторы сборника делятся в своих статьях и с результатами хотя и не исчерпывающего, но все же углубленного и детального его изучения с разных точек зрения.

В отношении выводов из этого изучения Государственный Институт стал на точку зрения необходимости предоставить каждому автору возможность самостоятельного независимого суждения. Необходимо поэтому иметь в виду, что эти суждения представляют собою не точку зрения Государственного Института в целом, а каждого из авторов в отдельности.

Ограничиваясь этими краткими замечаниями, Государственный Институт надеется, что материал, содержащийся в настоящем сборнике, помимо теоретического интереса, который он, несомненно, представляет, послужит и чисто практическим задачам и будет широко использован всеми учреждениями, на долю которых выпала трудная задача борьбы с социальным злом—растратами и растратчиками.

Е. Г. Ширвиндт.

113-ая и 185-ая статьи Уголовного Кодекса.

Юридический очерк.

I.

Задача настоящего очерка—дать юридический анализ постановления нашего уголовного законодательства о растратах, или, выражаясь точнее, о присвоении. Хотя термин «растраты» пользуется широким распространением для обозначения преступлений, предусмотренных ст.ст. 113 и 185 У. К., однако, он не отличается достаточной точностью. Растраты, как мы увидим в дальнейшем, являются одним из способов присвоения. Может быть налицо состав интересующих нас преступлений (ст.ст. 113 и 185) и без растраты чужого имущества. Поэтому мы считаем более правильным пользоваться в дальнейшем термином «присвоение», вместо термина «растрата».

Включение юридического очерка о присвоении в настоящий сборник вызывается необходимостью дать представление читателю о круге тех действий, которые охватываются составами преступлений, обрисованными в ст.ст. 113 и 185 У. К. Это даст читателю понятие о том преступлении, которое является на основании собранного анкетного материала об'ектом уголовно-социологического изучения в других статьях настоящего сборника. Изучение постановлений нашего права о присвоении мы ограничиваем лишь анализом соответствующих норм материально-уголовного права. Исследование вопросов уголовно-процессуального характера, связанных с рассматриваемыми преступлениями, не входит в нашу задачу.

Уголовный Кодекс 1922 года в его последней редакции посвящает присвоению две статьи: 113 и 185.

Ст. 113 гласит: «Присвоение или растрата должностным лицом денег, ценностей или иного имущества, находящихся в его ведении в силу его служебного положения, карается—

лишением свободы на срок не ниже одного года и увольнением от должности.

Те же действия, совершенные должностным лицом, облеченным особыми полномочиями, или присвоения особо важных государственных ценностей карается—

наказаниями, предусмотренными 2 частью статьи 106».

Статья 185 гласит: «Присвоение, т.-е. самовольное удержание с корыстной целью, а также растрата имущества, вверенного для определенной цели, учиненное частным лицом, карается—

принудительными работами или лишением свободы на срок до 6 месяцев».

Громадное большинство осужденных, заполнивших нашу анкету, были осуждены по 113 статье У. К.

Из 2.273 лиц, заполнивших анкету о растратчиках:

По ст. 113 было осуждено	2.192
По ст. ст. 16 и 113 было осуждено	17
По ст. 185 было осуждено	21
Неизвестно точно по какой статье (113 или 185) было осуждено	43
Всего	2.273

Незначительное количество осужденных по ст. 185 У. К. об'ясняется, во-первых, сравнительно редким применением ее на практике, а во-вторых, тем, что осужденные по ней лишь незначительный срок находились в местах заключения.

Как видно из приведенных статей 113 и 185 У. К., определение понятия «присвоение» дано в ст. 185. Присвоение с точки зрения Уголовного Кодекса есть *самовольное удержание с корыстной целью или растрата имущества, вверенного для определенной цели.* Понятие присвоения, даваемое нашим У. К., охватывает лишь присвоение предметов, вверенных для определенной цели, и не охватывает собой присвоения предметов, так или иначе случайно попавших в обладание данного лица (присвоение находки, присвоение имущества, попавшего в ведение данного лица по ошибке и т. д.). Буржуазно-уголовное законодательство в своих постановлениях о присвоении охватывает более широкий круг действий. Оно относит к присвоению наряду с присвоением вверенного имущества также и присвоение имущества, случайно попавшего во владение данного лица. Французское уголовное законодательство в отличие от других буржуазных уголовных кодексов рассматривает обращение находки в свою пользу не как присвоение, а как кражу. Как мы увидим ниже, наша судебная практика и отдельные законодательные акты расширяют данное У. К. понятие о присвоении, относя к присвоению не только самовольное удержание или растрату предметов, вверенных данному лицу для определенной цели, но также и предметов, случайно попавших в его владение. Проект Уголовного Кодекса 1925 г., идя навстречу потребностям практики, ввел в главе об имущественных преступлениях специальную статью, предусматривающую присвоение находки. Поэтому с точки зрения нашего законодательства и судебной практики правильнее будет дать следующее понятие о присвоении: ***присвоение есть умышленное противоправное обращение в свою собственность чужого имущества, находящегося в правомерном обладании данного лица.***

Социально-хозяйственное назначение составов преступлений, предусматривающих присвоение, заключается в предупреждении противоправного превращения временно установленных хозяйственных связей

лица с вещью (владение) в полную исключительную хозяйственную зависимость вещи от данного лица (собственность). Присвоение нарушает не чужое владение, а чужое право собственности. Этим присвоение может нарушать интересы различных экономических укладов, существующих в хозяйстве СССР. Присвоение является особо социально-опасным в тех случаях, когда его об'ектом оказываются социалистические элементы нашего хозяйства—государственное, общественное или кооперативное имущество. Такое присвоение ведет к перераспределению хозяйственных ресурсов между социалистическим и частно-хозяйственным секторами нашего хозяйства. Массовое распространение должностного присвоения серьезно ослабляет социалистические элементы нашего хозяйства. Особой социальной опасностью массового распространения должностного присвоения для социалистических элементов нашего хозяйства об'ясняются как особенность построения этого состава преступления, так и те меры социальной защиты, которыми угрожает Уголовный Кодекс за его совершение.

В связи с поставленными нами задачами наше дальнейшее изложение должно быть разделено на две части: 1) юридический анализ содержания общего понятия состава присвоения и 2) юридический анализ отдельных видов присвоения.

II.

Юридический анализ любого состава преступления предполагает уяснение содержания следующих его элементов: а) об'екта преступления; б) об'ективных свойств преступных действий; в) суб'ективных свойств преступных действий и г) суб'екта преступления. К выяснению этих элементов состава присвоения мы и переходим.

А. Об'ект присвоения.

Об'ектом присвоения является чужое имущество, находящееся в правомерном владении суб'екта преступления.

а) Под *имуществом*, как об'ектом присвоения нужно понимать исключительно в е щ и, т.-е. материальные предметы внешнего мира. Поэтому не заключает в себе состава рассматриваемого преступления присвоение чужих мыслей. Такое «присвоение» при наличии определенных условий может заключать в себе нарушение авторских прав. Но, конечно, могут быть об'ектом присвоения предметы, в которых выражены чужие мысли (например, присвоение книг). Не заключает в себе состава рассматриваемого преступления присвоение каких-либо «прав», хотя бы и прав по имуществу без присвоения самой вещи. Поэтому «присвоение» себе права требовать с другого лица уплаты определенной суммы денег не заключает в себе состава присвоения, если оно не сопровождалось присвоением соответствующего документа. Если присвоение такого права основано на подлоге, оно заключает в себе лишь состав подлога; если оно основано на документе похищенного, оно заключает в себе лишь состав соответствующего похищения; присвоение себе такого

права в результате обмана даст состав мошенничества и т. д. Если такое право «присвоено» лицом без совершения каких-либо преступных действий, то оно не заключает в себе состава преступления. Предел такому присвоению будет положен решением суда, отвергнувшего исковые притязания такого лица. Но самовольное осуществление «присвоенного» себе в действительности несуществующего права даст состав самоуправства (ст. 103 УК). Не является в юридическом смысле присвоением—присвоение чужой фамилии, именования, присвоение власти и т. д. Об'ектом присвоения могут быть всякие предметы внешнего мира—твердые, жидкие, газообразные, одушевленные, неодушевленные, потребляемые или непотребляемые, индивидуально-определенные (незаменяемые) и индивидуально-неопределенные (заменяемые). Последнее деление вещей имеет особое значение для состава присвоения. Примером заменимых вещей—предметов индивидуально-неопределенных — могут служить деньги, бутылки с вином одного и того же сорта, мешки с мукой и т. д. Незаменимыми вещами—предметами индивидуально-определенными — являются предметы или незаменимые по своему существу (антикварная редкость, картины известного художника и т. д.) или в силу выраженной воли их собственника (например, отданные на хранение серебряные ложки с определенным описанием их примет). Отчуждение чужой незаменимой вещи само по себе составляет оконченный состав рассматриваемого преступления (например, продажа данной на сохранение картины). Отчуждение же суб'ектом чужой заменимой вещи лишь тогда заключает в себе состав присвоения, когда в определенный момент (например, в момент ревизии, в момент наступления срока возвращения принятых на хранение предметов) не оказалось налицо предметов данного рода. Поэтому, напр., покупка предметов должностным лицом для личной надобности на денежные знаки, полученные им на производство закупок для учреждения, не заключает в себе состава присвоения, если порученная закупка была произведена в нужный срок на личные деньги самого должностного лица.

То обстоятельство, что об'ектом присвоения могут быть лишь вещи, находит свое выражение и в тексте ст. 113 УК. Она называет в качестве об'екта присвоения деньги, ценности или иное имущество.

б) Об'ектом присвоения является *чужое* имущество. Чужим имуществом при присвоении является имущество, находящееся в чужой собственности, но во владении лица, присвоившего имущество. Поэтому логически невозможно присвоение собственного имущества. С этой точки зрения следует признать квалификацию по ст. 185 УК (§ 24 Инструкции ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июля 1923 г. о порядке привлечения к ответственности за нарушение декрета об едином сельско-хозяйственном налоге—«Вестник Финансов» 1923 г. № 23) растраты, произведенной собственником имущества в отношении его имущества, описанного за неплатеж единого сельско-хозяйственного налога и сданного ему на хранение до окончательного решения дела — применением ст. 185 УК по аналогии, производимым самим законодателем. Такой же характер, хотя и без ссылки на ст. 185 УК, носит и постановление ст. 14 «Положение о взимании налогов и сборов» (С. У. 1922 г. № 44, ст. 550), в силу которой растрата описанного имущества, переданного на хранение самому недоимщику, карается как присвоение вверенного государством имущества.

Так как по общему правилу невозможно присвоение собственных вещей, то невозвращение предметов, взятых в заем (предметом его могут быть лишь деньги или вещи заменимые, определенные родовыми признаками), не заключает в себе состава преступления, так как заем передает заемщику право собственности на эти предметы и лишь порождает обязательство передачи в определенное время определенного количества предметом данного рода. Но невозвращение предметов при имущественном найме (предметами его могут быть лишь предметы индивидуально-определенные) заключает в себе состав присвоения, так как имущественный наем не переносит на нанимателя права собственности на эти предметы. Однако, при покупке вещей в розницу с рассрочкой платежа наше законодательство, несмотря на то, что вещь переходит в собственность с момента совершения договора [1]), говорит о возможности привлечения за присвоение. На этой точке зрения стоит декрет ВЦИК'а РСФСР от 10 октября 1923 г. «О купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа» (С. У. 1923 г. № 79, ст. 770).

Он устанавливает в дополнение к общим положениям Гражданского Кодекса о купле и продаже (ст.ст. 180—205) ряд специальных правил, касающихся розничной продажи с рассрочкой платежа предметов домашнего обихода, ремесла, профессионального оборудования, сельского хозяйства, домовладения, кооперативного и мелко-промышленного предприятия в тех случаях, когда предмет продажи предназначается для личного пользования покупателя, а не для иного назначения. Статья третья этого декрета гласит: «До полной уплаты продавцу цены за проданное в рассрочку имущество запрещается перепродавать, закладывать или другими какими-либо способами передавать третьим лицам это имущество, а равно пользоваться имуществом такими способами, которые явно несвойственны природе имущества и ведут к его бесхозяйственному уничтожению или порче. Нарушение настоящего запрещения с корыстной целью карается по ст. 185 УК». Это указание следует рассматривать, как применение ст. 185 УК по аналогии, произведенное самим законодателем. Необходимость преследовать указанные действия в уголовном порядке вызывается потребностями охраны, главным образом, интересов государственной и кооперативной торговли, сбывающей потребителю в рассрочку платежа отдельные предметы (напр., машины), имеющие большую ценность.

в) Чужое имущество при присвоении должно находиться *во владении* лица, присвоившего имущество.

Владение вещью при присвоении может быть в результате различных оснований. Все основания владения при присвоении можно свести к следующим группам:

---

[1]) Это непосредственно указано в ст. 3-ей постановления ВУЦИК и СНК УССР «о купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа» (С. У. УССР—1924 г. № 40, ст. 261). В соответствующем декрете ВЦИК и СНК РСФСР это указание отсутствует.

1) Владение имуществом, вверенным данному лицу для определенной цели в силу распоряжения собственника или лица, его представляющего. Такое владение может быть в результате различных договоров. Вещь может быть передана данному лицу в пользование, для сохранения, для перевозки, для переработки, для передачи третьим лицам и т. д.

2) Владение имуществом, вверенным данному лицу для определенной цели, в силу распоряжения надлежащей государственной или общественной власти или в силу постановления закона. Сюда подойдут случаи нахождения вещей в ведении должностного лица для осуществления хозяйственных функций данного учреждения, передача частному лицу в силу распоряжения власти для сохранения вещей третьих лиц, на которые наложен арест и т. д.

3) Владение вещью, установившееся в силу каких-либо случайных обстоятельств. Сюда подойдут случаи владения вещью в результате действия сил природы, владение вещью найденной, владение вещью в результате ошибки ее собственника и т. д. УК при построении понятия присвоения говорит лишь о присвоении имущества, специально вверенного для определенной цели (ст. 185) или находящегося в ведении лица «в силу его служебного положения» (ст. 113), т.-е. предусматривает присвоение вещи, находящейся во владении данного лица в силу первого или второго из перечисленных оснований владения. Присвоение вещи, находящейся во владении лица в силу других оснований, непосредственно не предусмотрено УК. Однако, практическая потребность борьбы с этими социально-опасными действиями заставляет законодателя в отдельных случаях распространять постановления УК о присвоении также и на присвоение имущества, случайно попавшего во владение данного лица. Такая потребность особенно остро ощущалась в сельском быту. Этим был вызван декрет Совнаркома от 14 мая 1924 г. «О пригульном скоте» (С. У. 1924 г. № 46, ст. 442). Согласно статьи 12 этого декрета несообщение о задержании пригульного скота [1]) надлежащим органом считается присвоением и влечет уголовную ответственность по ст. 185 УК. Представляется целесообразным распространить по аналогии понятие присвоения и на все случаи присвоения имущества, находящегося во владении лица по перечисленным выше основаниям.

---

[1]) Из сопоставления 1 и 12 статей этого декрета видно, что законодатель желал преследовать по ст. 185 лишь задержателей пригульного скота. Однако, инструкция Наркомвнудела от 16 июля 1924 г. за № 298. (Бюлл. Наркомвнудела 1924 г. № 26), изданная в развитие этого декрета, идет еще дальше и предлагает распространить ответственность по ст. 185 УК не только на задержателей пригульного скота, но и на всех лиц, которые были осведомлены о состоявшемся задержании. Этим инструкция предлагает привлекать к уголовной ответственности даже недоносителей о происшедшем присвоении. Едва ли это предложение инструкции НКВД может быть признано имеющим юридическую силу. Оно противоречит основным положениям УК, признающим не преступным недоносительство, за исключением недоносительства при контр-революционных преступлениях, предусмотренных статьями 58-66 УК. Лица, которые были осведомлены о состоявшемся задержании, могут быть привлечены по ст. 185 лишь в тех случаях, когда они являлись соучастниками присвоения, но отнюдь не в тех случаях, когда они являлись лишь недоносителями.

Тем обстоятельством, что вещь при присвоении находится во владении субъекта преступления, присвоение отличается от похищения. Объектом похищения являются вещи, находящиеся в чужом владении. В некоторых случаях оказывается практически трудным разграничить оба состава преступления. При присвоении имущества, вверенного для определенной цели частному лицу (ст. 185), эти сомнения возникают относительно квалификации обращения в свою собственность имущества, находящегося лишь в простом держании данного лица и одновременно в фактическом владении другого лица. Такие случаи следует рассматривать как похищение (кража), так как здесь держатель, обращая имущество в свою собственность, нарушает фактически существовавшее хозяйственное господство над вещью другого лица. Поэтому, напр., не присвоением, а кражей будет утайка прислугой вверенных ей предметов домашнего хозяйства, так как наниматель прислуги не переносит на нее владения этими вещами, находящимися в его квартире. Но, напротив, присвоением, а не кражей будет обращение домашней прислугой в свою собственность денег, данных ей для закупки продовольствия, или продажа портным полученного им для починки костюма. В этих примерах вещь поступает в хозяйственное распоряжение (владение) указанных лиц и для определенной цели и вместе с тем утрачивается фактическое господство (владение) со стороны их прежнего собственника. Хотя санкция ст. 185 УК одинакова с санкцией, указанной в УК за простую кражу у частного лица (пункт «а» ст. 180), но, однако, разграничение между присвоением и кражей все же имеет существенное практическое значение, так как УК, кроме простой кражи у частного лица, знает еще другие виды простой кражи и ряд видов квалифицированной кражи и специальные виды кражи, санкции за которые значительно выше санкции ст. 185 УК. Присвоение же, произведенное частным лицом, известно УК лишь в одной общей форме (ст. 185).

При присвоении имущества, находящегося в ведении должностного лица, могут возникнуть сомнения относительно разграничения его и «кражи из государственных или общественных учреждений и складов, из вагонов и судов, совершенной лицом, которому поручено заведывание таковыми» (пункт «е» ст. 180) Нужно признать, что является едва ли возможным дать четкое разграничение этих двух составов преступлений. В качестве критерия для разграничения их нужно брать объем власти должностного лица в отношении вверенного ему имущества. В тех случаях, когда должностному лицу предоставлено лишь наблюдение за имуществом, следует признать, что он может совершить его похищение, но не его присвоение. В тех случаях, когда должностному лицу предоставлено не только наблюдение, но и в известной мере право распоряжения, он может совершить присвоение, а не похищение этого имущества. Проект Уголовного Кодекса 1925 года учел всю трудность и искусственность разграничения должностного присвоения и кражи, указанной в пункте «е» ст. 180 действующего кодекса. Проект Уголовного Кодекса 1925 года, перечисляя в ст. 180 отдельные виды краж, ничего не говорит о краже, совершенной лицом, которому поручено заведывание похищенным имуществом. Согласно проекта УК 1925 года,

в таких случаях может иметь место лишь присвоение имущества, а не его похищение (кража).

г) Владение имуществом при присвоении должно быть *правомерным*. Поэтому обращение в свою собственность вещей, находящихся во владении суб'екта в силу совершенных им ранее преступных деяний, не заключает в себе состава присвоения, а заключает в себе состав какого-либо другого ранее совершенного преступления. Поэтому, например, обращение в свою собственность должностным лицом имущества, полученного им в результате злоупотребления властью, не является должностным присвоением, а заключает в себе лишь состав злоупотребления властью. Судебная практика иногда ошибочно квалифицирует такие действия должностного лица, как должностное присвоение. В кассационной практике неоднократно приходилось выносить определение с указанием на ошибочность подобной квалификации (Опр. УКК ВС УССР от 11 ноября 1924 г. по делу Татаренко, от 14 октября 1924 г. по делу Пригары).

Б. Об'ективные свойства присвоения.

С об'ективной стороны преступное действие при присвоении состоит в противоправном *обращении в собственность* чужого имущества, находящегося в правомерном владении данного лица. Это обращение в собственность чужого имущества может быть совершено или путем активных действий или путем бездействия. Обращение чужого имущества в свою собственность путем активных действий состоит в растрате имущества, т.-е. в отчуждении или потреблении имущества. Отчуждение имущества может быть совершено в разнообразных формах: в форме продажи, мены, дарения и т. д. Спорным может являться вопрос о том, заключается ли с об'ективной стороны состав присвоения в отдаче имущества в залог. Так как залогодателем по нашему Гражд. Кодексу (ст. 86) может быть лишь собственник заложенного имущества, то отдача в залог есть такое активное действие, которое свидетельствует об обращении чужого имущества в свою собственность. На этой точке зрения стоит и наше законодательство. Так в приведенном выше пункте третьем Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1923 г. «О купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа» заклад имущества до полной уплаты цены его продавцу рассматривается как присвоение. В тех случаях, когда об'ектом растраты были предметы незаменимые, присвоение является оконченным с момента их отчуждения или потребления. При растрате незаменимых предметов является возможным говорить о покушении на присвоение. Покушение на отчуждение незаменимых вещей составит покушение на присвоение. В тех случаях, когда растрачены были заменимые предметы, присвоение будет совершенным лишь тогда, когда в момент, в который они должны быть на месте (напр., момент ревизии при должностной растрате) или, в который они должны быть возвращены собственнику, они не окажутся налицо. Так как здесь присвоение заключается в непредставлении нужных предметов в определенный момент, хотя и вследствие их растраты, то является невозможным в этих случаях конструировать покушение на

присвоение. Представление в нужный момент вместо растраченных заменимых предметов других совершенно тождественных с растраченными исключает возможность говорить о присвоении.

Обращение чужого имущества в свою собственность путем *бездействия* состоит в невозвращении владельцем предметов тогда, когда они должны быть возвращены их собственнику (физическому или юридическому лицу). Обязанность возвращения имущества в определенный срок может наступить или в силу заранее установленного договора или в силу существующего закона или в силу пред'явленного к лицу требования о возвращении имущества со стороны собственника, или его законного представителя. Состав преступления с об'ективной стороны осуществляется целиком в тот момент, когда данное лицо было обязано возвратить имущество и оно этого не сделало. Поэтому покушение на присвоение здесь по существу невозможно. Для состава присвоения является безразличным какими еще другими действиями суб'екта сопровождается невозвращение или растрата чужого имущества. Присвоение может сопровождаться отказом лица возвратить чужое имущество, может сопровождаться его полным молчанием, может сопровождаться ложным уверением об утере имущества, утайкой имущества, симуляцией ограбления, ложным уверением, что имущество и не поступало к нему во владение и т. д.

Обращение чужого имущества в свою собственность заключает в себе состав присвоения лишь постольку, поскольку оно является *противоправным*. Правомерное обращение чужого имущества, находящегося во владении данного лица (напр., вследствие согласия собственника, или в состоянии крайней необходимости), очевидно, не заключает в себе состава преступления.

Одного факта недостачи имущества мало для того, чтобы с об'ективной стороны констатировать наличие состава присвоения. Необходимо, чтобы недостача явилась результатом действий лица, направленных на обращение имущества в свою пользу. Между этим действием и недостачей должна существовать *причинная связь*. В судебной практике были нередки случаи, когда установление лишь факта недостачи имущества влекло за собой осуждение по ст. 113 УК. Кассационная практика Верхсуда и циркуляры НКЮ вели все время с этим решительную борьбу [1]).

---

[1]) Циркуляр Н. К. Ю. РСФСР от 1-го февраля 1926 г. за № 24 по этому вопросу писал: «совершенно недопустимо расширение понятия растраты и присвоения—один лишь факт недочета при неустановленности корысти нельзя отождествлять с растратой и присвоением». Подробно на этом вопросе останавливается инструктивное письмо УКК Верхсуда РСФСР 1926 г. № 1 (ЕСЮ 1926 № 8): «Для того, чтобы в борьбе с присвоениями и растратами найти правильную линию поведения, нужно прежде всего совершенно ясно понять, против чего именно ведется эта борьба. Борьба ведется против обращения в свою личную пользу должностными лицами вверенного им по службе имущества. Широкое распространение именно этого вида преступлений повысило степень их социальной опасности и требует поэтому применения суровых мер социальной защиты. Следовательно, следствием по делам о преступлениях, связанных с недостачей имущества, после установления факта недостачи имущества должно быть направлено на установление причин, вызвавших недостачу такового. Для установления же причин недо-

В. Суб'ективные свойства присвоения.

С суб'ективной стороны присвоение может быть совершено лишь с *прямым умыслом*. Умысел суб'екта должен заключать в себе: 1) сознание, что присвоенное имущество, хотя и находится в его владении, но не принадлежит ему по праву собственности и 2) желание, несмотря на это, обратить чужое имущество в свою собственность. УК в ст. 185 говорит *о корыстной цели*, как цели деятельности при присвоении. Корыстную цель при присвоении не следует понимать слишком узко. Это не только цель личного обогащения. Это цель обращения с чужим имуществом на правах собственника, хотя бы и без цели личного обогащения. Поэтому присвоение имущества для передачи другим лицам, для раздачи его нуждающимся, или пожертвования его от своего имени в музей и т. д. заключает в себе состав присвоения. Указанные мотивы деятельности могут приниматься во внимание лишь для определения степени социальной опасности преступника. Они могут служить основанием смягчения назначенной меры социальной защиты или даже для прекращения дела в порядке ст. 4а УПК. Отсутствует состав преступления и в тех случаях, когда суб'ект удерживает правомерно поступившее к нему во владение чужое имущество не с целью обращения его в свою собственность, а с какой-либо иной целью. Поэтому, напр., удержание чужого имущества с целью принудить его собственника к уплате причитающегося долга нужно рассматривать не как присвоение, а как самоуправство.

При присвоении не всегда легко констатировать наличие в действительности прямого умысла, направленного на присвоение имущества, так как далеко не всякое фактическое удержание в своем владении чужого имущества свидетельствует само по себе о наличии такого умысла. Поэтому в случае сомнения для решения вопроса о том, есть ли в данном конкретном случае просрочка исполнения обязательства передать собственнику его имущество или же присвоение чужого имущества, следует признать целесообразным пред'явление собственником, или лицом его заменяющим, категорического требования о возвращении имущества к лицу, обязанному его возвратить.

Присвоение неосторожное не может влечь за собой уголовной ответственности, оно может являться основанием лишь для ответственности в гражданском порядке. Поэтому ошибочное представление суб'екта, что отчуждаемое или потребляемое имущество является его собствен-

---

стачи имущества суды и следственные органы должны возможно более тщательно исследовать пути, по которым в данном конкретном случае была возможна утечка имущества (присвоение, хищение, кража, естественная убыль, убыль вследствие халатности и проч.). После детального расследования обвинительный приговор по ст. 113-й УК возможен только при наличии у суда уверенности в том, что недостающее имущество, вверенное по службе подсудимым, было обращено ими в свою личную пользу. Между тем, практика УКК с несомненностью устанавливает, что суды нередко по делам, связанным с недостачей имущества, ограничиваются установлением факта недостачи и без достаточного исследования причин, вызвавших недостачу, выносят обвинительные приговоры по ст. 113 УК. в отношении лиц, в ведении которых находилось недостающее имущество».

ным, устраняя умысел в совершенной растрате, устраняет тем самым и состав преступления в действиях суб'екта.

Специальное внимание на суб'ективную сторону состава присвоения было обращено в циркуляре НКЮ РСФСР от 1 февраля 1926 года за № 24 («ЕСЮ» 1926 год, № 11). Этот циркуляр предложил при расследовании дел о растратах и присвоении главное внимание обращать на «выявление основного признака преступлений этого рода—мотива корысти или личной заинтересованности. При отсутствии этого основного признака привлечение и осуждение по ст. 113 УК недопустимо, ибо нет состава преступления растраты (хотя и может быть состав другого преступления, например, 105—107, 128 и т. д.)».

Поскольку присвоение является оконченным, то последующее затем возвращение присвоенного предмета или возмещение ущерба соответствующим имущественным эквивалентом не может устранить по общему правилу уголовной ответственности за совершенное преступление. Это могло бы иметь место лишь в силу каких-либо специальных указаний закона. Таких указаний в УК нет. Однако, некоторые буржуазные уголовные кодексы содержат на этот счет специальные правила, не лишенные практической целесообразности. Так, напр., австрийское уголовное законодательство освобождает от уголовной ответственности за присвоение, поскольку потерпевшему было возвращено имущество до момента возбуждения уголовного преследования. Нам представлялось бы целесообразным следующим образом разрешить этот вопрос в нашем праве. При должностном присвоении, в виду особой социальной вредности этого преступления в условиях нашего строя, признать, что возвращение присвоенного или возмещение имущественного ущерба после установления факта должностного присвоения не должно устранять уголовной ответственности. Оно может в этих случаях оказать лишь влияние на характер и размер назначаемой судом меры социальной защиты, как обстоятельство, свидетельствующее о меньшей степени социальной опасности преступника. Что касается простого присвоения, то возвращение незаменимых или заменимых вещей и возмещение ущерба при присвоении заменимых вещей их соответствующим имущественным эквивалентом до возбуждения уголовного преследования целесообразно рассматривать как просрочку исполнения обязательства; и поэтому следует считать, что в этих случаях возвращение присвоенного или возмещение ущерба, как не нарушающее существующих хозяйственных отношений, следует считать устраняющим уголовную ответственность. Хотя УК не содержит развитых положений о значении возвращения присвоенного или возмещения ущерба, но практически жизнь сама разрешает в указанном смысле вопрос, так как удовлетворенный потерпевший в этих случаях не возбуждает уголовного преследования, которое обычно фактически (но не юридически) при частном присвоении и не может быть возбуждено без его жалобы.

Г. Суб'ект присвоения.

Суб'ектом присвоения может быть всякое физическое лицо, владеющее чужим имуществом. В зависимости от того, является ли суб-

Библиотека Института Права 13420

ектом (исполнителем) присвоения частное или должностное лицо, присвоение в УК делится на два вида: а) простое присвоение (ст. 185) и б) должностное присвоение (ст. 113). О должностном лице, как суб'екте присвоения, см. ниже. В качестве соучастников присвоения могут выступать лица, не владевшие присвоенным имуществом. В частности, покупатели присвоенного имущества могут быть привлечены к уголовной ответственности, как пособники, поскольку они сознавали, что их покупкой осуществляется продавцом растрата чужого имущества. В качестве соучастников в должностном присвоении могут выступать и частные лица.

III.

Очерченный состав преступления присвоения нужно отличать от следующих видов отношения лица к чужому имуществу, находящемуся в его обладании:

1. Утрата чужого имущества, совершенная хотя бы и не случайно, а вследствие грубой небрежности лица, *никогда не может* считаться растратой за отсутствием об'ективных и суб'ективных свойств преступного поведения при присвоении. При утрате чужого имущества нет умышленного обращения чужого имущества в свою собственность. Утрата чужого имущества может влечь за собой лишь гражданскую ответственность и ни в каком случае не может служить основанием для уголовной ответственности за присвоение. Для должностного лица такая утрата может дать основание для привлечения к уголовной ответственности за халатное отношение к службе, поскольку в его действиях будут установлены признаки этого преступления.

2. Повреждение или истребление чужого имущества также не может считаться присвоением за отсутствием его об'ективных и суб'ективных свойств. Ни повреждение и истребление имущества не есть акты, которыми чужое имущество обращается в собственность данного лица. Поскольку повреждение или истребление чужого имущества совершено умышленно, оно даст состав преступления, предусмотренный ст.ст. 196 и 197. В других случаях повреждение или истребление чужого имущества может влечь лишь гражданскую ответственность.

Лишь только в силу специального постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1923 г. «О купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа» пользование покупателем имуществом такими способами, которые явно несвойственны природе имущества и ведут к его бесхозяйственному уничтожению или порче, влечет уголовную ответственность за присвоение. Это несомненно ошибочное указание об'ясняется, очевидно, тем, что уничтожение и порча имущества поставлены в декрете в одном и том же пункте, где предусмотрены такие формы отношения к чужому имуществу, которые заключают в себе состав присвоения. Правильнее было бы в этом случае законодателю сделать ссылку не на ст. 185, а на ст.ст. 196 и 197 УК.

3. Временное пользование чужим имуществом (напр., использование для поездок оставленного на сохранение велосипеда), не влекущее за собой его издержания, также не заключает в себе состава присвоения. Пользование чужим имуществом может влечь за собой лишь гражданскую ответственность. Для должностного лица такое пользование может дать основание для привлечения его к уголовной ответственности за злоупотребление властью.

4. Не составляет присвоения и отмеченное выше самоуправство в отношении чужого имущества, находящегося во владении данного лица.

5. Простой вид присвоения близко соприкасается по своей обрисовке с мошенничеством, совершенным путем злоупотребления доверием, когда оно выразилось в злоупотреблении предоставленной лицу властью в отношении чужого имущества. Различие между ними заключается прежде всего в об'екте преступления: об'ект присвоения—отдельные предметы внешнего мира, об'ект мошенничества—«имущество вообще» (отдельные предметы, права по имуществу и другие имущественные выгоды). В тех случаях, когда об'ектом присвоения и об'ектом мошенничества путем злоупотребления доверием являются отдельные предметы, это различие заключается в том, что при присвоении эти предметы *уже находятся* в обладании суб'екта преступления, а при мошенничестве, как одном из видов похищения, они лишь вследствие злоупотребления доверием поступают в обладание суб'екта.

IV.

I. Присвоение нашему Уголовному Кодексу известно в двух видах: простое присвоение (ст. 185) и должностное присвоение (ст. 113).

II. Простое присвоение есть присвоение, совершенное частным лицом (ст. 185). Хотя УК в ст. 185 говорит лишь о присвоении имущества, *вверенного* для определенной цели, но, согласно изложенному выше, по аналогии под действие ст. 185 должны быть подведены и другие случаи присвоения имущества, попавшего во владение данного лица (присвоение находки, забытого имущества, имущества случайно или ошибочно попавшего к данному лицу). Поэтому под понятие простого присвоения, преследуемого по ст. 185 УК, следует подводить—самовольное удержание или растрату частным лицом чужого имущества, находящегося в его правомерном владении. В силу специального постановления закона, как мы указали выше, по ст. 185 преследуется также в некоторых случаях и растрата собственного имущества

Простое присвоение подсудно Народному суду. Осуждение за него влечет применение принудительных работ или лишение свободы на срок до шести месяцев.

III. 1. Должностное присвоение предусмотрено ст. 113 УК. В первоначальной редакции УК должностное присвоение предусматривалось ст.ст. 116 и 186. Постановлением II сессии ВЦИК X созыва ст. 186 была исключена, так как ее состав вполне охватывался составом ст. 113 УК, которая в редакции этой сессии ВЦИК предусматривала должностное присвоение. Должностное присвоение УК определяет как

присвоение или растрату должностным лицом денег, ценностей или иного имущества, находящихся в его ведении в силу его служебного положения. Так как растрата есть один из способов присвоения, то правильней будет определить должностное присвоение, как присвоение должностным лицом имущества, вверенного ему в силу его служебного положения.

Должностное присвоение отличается от присвоения простого как по об'екту, так и по суб'екту преступления.

2. По об'екту должностное присвоение отличается от простого тем, что его об'ектом является исключительно имущество, поступившее в распоряжение суб'ектов на основании его служебного положения. Поэтому, например, присвоение кассиром государственного учреждения денег, данных ему на сохранение его знакомым, будет не должностным, а простым присвоением. Имущество, присвоенное при должностном присвоении, не должно обязательно принадлежать государственному или общественному учреждению. Об'ектом должностного присвоения может быть и имущество частных лиц, поступившее в распоряжение должностного лица в силу его служебного положения. (Например, присвоение милиционером находки, переданной ему для сохранения).

3. *По суб'екту* должностное присвоение отличается от простого тем, что его исполнителем может быть исключительно должностное лицо. Должностным лицом примечание к ст. 105 УК считает лиц, занимающих постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или об'единении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач.

Для того, чтобы уяснить особенность понятия должностного лица в советском уголовном праве, необходимо исходить из своеобразия советского государственного аппарата сравнительно с аппаратом буржуазного государства. Основное отличие советского госаппарата от государственного аппарата буржуазии состоит в том, что буржуазный государственный аппарат стоит над массами, он чужд народным массам, а советский государственный аппарат не стоит над массами, а сливается с миллионными массами трудящихся. Поэтому советским государственным аппаратом в широком смысле слова являются не только Советы с их органами власти, но и «миллионные организации всех и всяких беспартийных и партийных об'единений, соединяющих Советы с глубочайшими «низами», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением» [1]). Благодаря такому отношению советского государственного аппарата в тесном смысле слова к общественным организациям трудящихся, выступает необходимость в уголовно-правовой охране не только государственного аппарата в тесном смысле слова, но и аппарата общественных организаций трудящихся от посягательств со стороны лиц, принадлежащих к людскому составу этих аппаратов. Это влечет за собой существенные особенности в понятии должностного лица в советском уголовном праве сравнительно с понятием должностного лица в буржуазном уголовном законодательстве. К выяснению этого понятия мы и переходим. Приведенное понятие о должностном лице ст. 105 УК охватывает две различных группы лиц. Рассмотрим ближе каждую в отдельности:

[1]) **И. Сталин.** «Вопросы и ответы». Москва, 1925. Стр. 8.

а) Должностными лицами являются лица, занимающие постоянные или временные должности в государственном (советском) учреждении или предприятии. Сюда следует отнести всех служащих государственных учреждений или предприятий независимо от занимаемой ими должности Поэтому суб'ектом должностных преступлений может быть как народный комиссар, так и курьер народного комиссариата. Не имеет значения для понятия должностного лица временную или постоянную, штатную или сверхштатную должность занимает данное лицо. Не имеет значения также и то обстоятельство, занимает ли лицо данную должность по назначению или по выбору. Если все лица, занимающие ту или другую должность в государственном учреждении, являются служащими, то не все лица, занимающие ту или иную должность в государственном предприятии, являются также служащими. Людской состав государственных предприятий слагается из служащих и рабочих. Служащие государственного предприятия принадлежат к составу хозяйственного аппарата управления и являются должностными лицами Рабочие же, работающие на государственной фабрике или заводе и не принадлежащие по своему положению к составу хозяйственной администрации, не должны были бы рассматриваться, как должностные лица. Впрочем, судебная практика в области преследования за присвоение рассматривает присвоение, совершенное рабочим, как должностное присвоение. Из 12 рабочих, заполнивших наши анкеты, все были осуждены по 113 ст. УК.

б) Должностными лицами являются лица, занимающие постоянные или временные должности в организации и об'единении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других обще-государственных задач. Первая группа должностных лиц представляет из себя лиц, входящих в людской состав государственного аппарата в тесном смысле этого слова. Рассматриваемая же вторая группа должностных лиц представляет из себя лиц, входящих не в государственный аппарат в тесном смысле слова, а в аппарат общественных организаций (профсоюзы, кооперация, жилтоварищества, авиахим и т. д.), исполняющих общегосударственные задачи. Признанием этой категории лиц должностными лицами наше уголовное законодательство резко отличается от буржуазного уголовного законодательства Это отличие, как мы указали, вызывается, рассмотренным выше, принципиальным отличием советского государственного аппарата от госаппарата буржуазии. Ука-

жем главнейшие общественные организации, людской состав которых является, с точки зрения нашего УК, должностными лицами. Людской состав профсоюзного аппарата (месткомы, фабзавкомы, правления профсоюза) являются должностными лицами. Они могут быть привлечены к уголовной ответственности за соответствующие должностные преступления. Из 181 профсоюзных растрат, зарегистрированных в наших анкетах, все осужденные были осуждены за должностное присвоение по ст. 113 УК. Точно также все лица, принадлежащие к людскому составу аппарата кооперации, этого важнейшего орудия вовлечения масс в социалистическое строительство, также являются должностными лицами. Лишь только людской состав аппарата тех немногих кооперативных об'единений, которые ни в какой мере не выполняют общегосударственных задач (например, частное кооперативное издательство с узким кругом членов-пайщиков), не могут быть рассматриваемы как должностные лица. В 736 кооперативных растратах (растраты в первичных кооперативах и кооперативных союзах), зарегистрированных в наших анкетах, лишь 8 осужденных было осуждено по ст. 185 УК, все остальные были осуждены за должностное присвоение по статье 113 УК. Из указанных 8 лиц двое были лицами посторонними для людского аппарата кооперации. Должностными лицами являются и члены правлений жилищных товариществ. Вопрос о квалификации растрат, совершенных членами правлений жилтовариществ, вызвал специальное раз'яснение пленума Верхсуда РСФСР от 19 января 1925 года, предложившего их квалифицировать по статье 113 УК. Из 36 растрат в жилтовариществах, зарегистрированных в наших анкетах, 35 осужденных были осуждены по ст. 113 УК и лишь один был осужден по статье 185 за простое присвоение.

Особого внимания при рассмотрении вопроса о понятии должностного лица в советском уголовном праве заслуживают лица, принадлежащие к составу партийного аппарата. Они по общему правилу не могут рассматриваться, как должностные. Они не являются должностными лицами потому, что партия является общественной организацией, через которую господствующий класс осуществляет руководство всем государственным аппаратом и всеми общественными организациями. Благодаря такому особому положению партии она не нуждается для поддержания дисциплины в ее рядах и в рядах партийного аппарата в услугах Уголовного Кодекса. Общие «должностные преступления» (злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, халатное отношение к службе) лиц, принадлежащих к людскому составу партаппарата, преследуются в партийном, а не в уголовном порядке. В тех случаях, когда эти лица одновременно являются и должностными лицами госаппарата или аппарата общественных организаций, они за совершенное должностное преступление по службе подлежат, конечно, ответственности в уголовном порядке. Однако, в области борьбы с растратами практика правильно держится иного взгляда. Партийцы, растратившие партийные деньги, преследуются не за простое, а за должностное присвоение. Должностное присвоение не является типично должностным преступлением. Это есть лишь квалифицированный вид

общего преступления присвоения. Поэтому как и всякое другое общее преступление, совершенное в рядах партии, оно должно влечь за собой уголовную ответственность. При этом, конечно, нет никаких оснований к тому, чтобы присвоение, совершенное в рядах партии, влекло за собой меньшую уголовную ответственность, чем присвоение, совершенное в рядах какой-либо другой общественной организации. Из лиц, заполнивших нашу анкету, было 3 партийца, совершивших растрату партийных денег. Все они были осуждены по ст. 113 УК.

Понятие суб'екта должностной растраты, как оно сложилось в нашей судебной практике, является шире, чем понятие должностного лица, данное в примечании ст. 105 УК. Лица, не состоящие на государственной общественной службе, но выполнявшие отдельные трудовые поручения государственных или общественных учреждений или предприятий, не являются должностными лицами в смысле примечания ст. 105 УК. Поэтому совершенная ими растрата квалифицировалась раньше судебной практикой не по статье 113, а по ст. 185 УК. Это вело к тому, что какой-либо комиссионер государственного предприятия, растративший крупную сумму, несмотря на большую социальную опасность совершенного преступления, отделывался, в силу ст. 185 УК, довольно легкой мерой социальной защиты в форме принудительных работ или лишения свободы на срок максимум шесть месяцев.

Циркуляр НКЮ РСФСР от 22 мая 1925 года за № 1121 положил предел подобной практике. Пункт первый этого циркуляра предложил в числе должностных лиц, привлекаемых в случае совершения растраты, считать не только лиц, занимающих постоянные или временные должности с точно установленной ставкой содержания, но и тех, кто, исполняя трудовые поручения государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций, получает за свою работу вознаграждение в форме комиссионной оплаты процентных отчислений и т. д., например, коммивояжеров, сборщиков членских взносов, инкассаторов подписной платы, агентов по сбору страховых премий и т. д. в этом роде. Из 113 агентов и комиссионеров, осужденных за растрату и заполнивших нашу анкету, по 113 ст. было осуждено 106 и по 185—7 человек.

Проект уголовного кодекса 1925 года, чтобы не прибегать к искусственному толкованию понятия должностного лица, специальным постановлением ст. 134 поставил присвоение и растрату «лицом, исполняющим какие-либо обязанности по поручению государственно-общественного учреждения», рядом в одной статье с присвоением и растратой, совершенными должностным лицом.

4. Должностное присвоение в статье 113 УК делится на два вида—простое должностное присвоение и квалифицированное должностное присвоение. В нашей анкете среди 2192 лиц, осужденных по ст. 113 УК:

По первой части ст. 113 было осуждено . . .	1.510
По второй части ст. 113 » » . . .	84
Неизвестно по какой части ст. 113 было осуждено	598
	2.192

Простое должностное присвоение подсудно Нарсуду. Осуждение за него влечет за собой лишение свободы на срок не ниже одного года и увольнение от должности.

Квалифицированным должностное присвоение делается или в силу особенностей субъекта или в силу особенностей объекта должностного присвоения. Квалифицированным по субъекту должностное присвоение является тогда, когда оно совершено должностным лицом, облеченным особыми полномочиями. К таким лицам можно отнести ответственных руководителей учреждений или предприятий или лиц, специально уполномоченных на выполнение каких-либо крупных государственных или общественных задач. Квалифицированным по объекту должностное присвоение становится тогда, когда совершено присвоение особо важных государственных ценностей. Особо важными государственными ценностями те или иные предметы могут быть признаны не только в силу своей абсолютной ценности (напр., присвоение ста тысяч рублей, или бриллиантов), но и в силу особой ценности их в данных конкретных условиях. Поэтому, напр., УКК ВС РСФСР признала наличие квалифицированного должностного присвоения при присвоении должностными лицами в период голодного года продуктов питания (100 пудов муки, 300 пудов овса и 60 пуд. сахару), вследствие чего рабочие Кольчугинской Новойстройки были лишены удовлетворительного питания. (Опред. от 31 марта 1924 г. д. № 21305) [1].

Квалифицированное должностное присвоение подсудно Губсуду. Осуждение за него влечет лишение свободы на срок не ниже трех лет, а при отягчающих обстоятельствах—применение высшей меры социальной защиты.

[1]) Доклад о работе УКК Верхсуда РСФСР за 1924 г. (ЕСЮ 1925 № 7) следующим образом очерчивает состав второй части ст. 113 У. К.: «Не нужно забывать, что для вменения ст. 113 ч. II, по первому из указанных в этой статье признаков нужно даже не просто «ответственное положение» должностного лица, а «особые полномочия» должностного лица. Таким образом, вменение II ч. ст. 113 по этому признаку возможно только при наличии двух условий: ответственного положения должностного лица и совершения присвоения в силу особых полномочий этого ответственного лица, при чем под особыми полномочиями следует понимать такие полномочия в области распоряжения деньгами или имуществом, которые, как общее правило, принадлежат главе учреждения или предприятия или их заместителям, т.-е. право окончательного контроля и утверждения расходов, сделок имущественного характера, выдача авансов под отчет и проч. в пределах данной хозяйственной единицы. Что же касается второго признака ст. 113, ч. II, т.-е присвоения особо важных государственных ценностей, то на практике вменение ст. 113 ч. II по этому признаку в громадном большинстве случаев определяется не родом присвоенных ценностей, а стоимостью их. Это, несомненно правильно и соответствует смыслу ст. 113, но вторая часть ст. 113 может применяться только тогда, когда присвоение или растрата выражаются хотя бы в нескольких тысячах рублей.

Растрата среди должностных преступлений.

Внешний блеск и лихорадочная жизнь столицы создают нездоровую атмосферу легкой наживы. Позолоченная мишура и заманчивые удовольствия большого города столь близкие и столь неуловимые... для служащего—ослабляют «задерживающие центры» неустойчивого элемента, соприкасающегося с деньгами, и после холодно-корыстного расчета обеспечить себя на «всю жизнь» или колебаний то длительных, сопровождающихся душевными переживаниями, то внезапных импульсов, окрыленных надеждой отыграться счастливой игрой в рулетку и карты,— служащий решается присвоить вверенные ему суммы.

Резкий контраст представляют убогие провинциальные города с грязными кривыми улицами, а глухая молчаливая деревня с соломенными крышами и слепыми окнами кажется совсем мертвой, но «всюду происходит одно и то же, только иным образом» и здесь своя жизнь с радостями, страданиями... и растратами.

Конечно, аппетиты столичных растратчиков стоят неизмеримо выше своих собратьев в глухой провинции, и тонкие «столичные» комбинации—с целью симуляции и сокрытия следов растраты—весьма отличны от аналогичного преступления сельского милиционера, получающего скудное вознаграждение и растрачивающего несколько рублей взысканного штрафа; но все же растрата, несмотря на значительные колебания, проявляет себя с известной закономерностью в городе и деревне, при чем с очевидной ясностью представляется влияние окружающей обстановки на возникновение и развитие растрат.

Нашей задачей является показать роль и значение растрат среди основных звеньев служебных правонарушений и представить характерные черты этого вида должностного преступления в столице, провинциальном городе и селе.

«Есть воровство стыдливое, скрытое и есть воровство «веселое», смелое» [1] — растрата государственного имущества. Непрерывно-интенсивный рост этого преступления за последние два года наблюдается на всей территории Республики, захватывая хозяйственные, торговые и административные учреждения.

Материалы органов дознания (Милиция и Уголовный Розыск) рисуют картину роста возникающих дел о растратах, а данные судебных органов (Народный и Губернский Суд) характеризуют численность осужденных и силу репрессии за это правонарушение, при чем здесь рельефно проявляется рост числа осужденных за растрату государственного имущества при резком понижении кривой взяточничества.

[1]) И. В Сталин. «Известия ВЦИК» № 86.

Сельская преступность в весьма значительной степени отражается органами Милиции—82,8% всего числа растрат, а сведения уголовного розыска дают представление о городских растратах—до 60% общего количества возникших дел об этом преступлении.

Помещенная ниже таблица показывает движение возникающей должностной преступности в органах дознания.

Число возникших дел о должностных преступлениях по данным Милиции и Уголовного Розыска РСФСР в 1924—1925 г.[1]).

Время совершения должностных преступлений.		Растрата и подлог ст. ст. 113 и 116 Уг. Кодекса.			Взяточничество ст. 114 Уг. К.			Общее количество должностных преступлений.		
		Милиция	Угол. Розыск	Всего.	Милиция	Угол. Розыск.	Всего.	Милиция	Угол. Розыск.	Всего.
1924 г. Апрель—Июнь	абс.	1533	1368	2901	1576	803	2379	9764	4136	13900
	отн.	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1924 г. Июнь—Сент.	абс.	3312	1972	5284	2268	816	3084	13939	4619	18558
	отн.	216	144	182	144	102	130	143	112	134
1924 г. Окт.—Декабрь	абс.	4403	2073	6476	2465	572	3037	15858	4424	20282
	отн.	287	152	223	156	71	128	162	107	146
1925 г. Январь—Март	абс.	6387	2570	8957	2629	612	3241	19216	5039	24255
	отн.	417	188	309	167	76	136	197	122	175
1925 г. Апрель—Июнь	абс.	7380	2925	10305	2464	585	3049	20845	5277	26122
	отн.	481	214	355	156	73	128	214	128	188
1925 г. Июль—Сент.	абс.	9183	4205	13388	2090	548	2638	23314	6867	30181
	отн.	599	307	462	133	68	111	239	166	217
1925 г. Октябрь—Дек.	абс.	9818	4939	14757	1592	448	2040	21660	7733	29393
	отн.	640	361	509	101	56	86	222	187	212

С весны 1924 года в органах дознания наблюдается непрерывно-интенсивное повышение кривой должностных преступлений (ст.ст. 105—118 Уголовного Кодекса); рост этот продолжается до октября 1925 года. за это время число возникающих служебных правонарушений постепенно возрастало с 13.900 до 30.181 за каждый трехмесячный период; но с осени 1925 г. рост преступности по данным Милиции не только приостанавливается, но и наблюдается тенденция к ее уменьшению (23.314—21.660 дел); в уголовном же розыске число возникших дел продолжает увеличиваться (6.867—7.733), но вследствие доминирующей роли Милиции в процессе фиксации должностных правонарушений (в 4 раза более нежели в уголовном розыске) общее количество служебных преступлений несколько уменьшилось (30.181—29.393).

Впечатление непомерного роста должностной преступности (100—211%) по данным органов дознания ослабляется при ближайшем рассмотрении отдельных правонарушений, в частности растрат казенного имущества (вместе с подлогами), интенсивный рост которых за время апрель 1924—декабрь 1925 г. (2.901—14.757) и повлиял в значительной мере на общее увеличение служебной преступности. Но возникновение дела о должностном преступлении не может само по себе служить достаточным критерием для выяснения истинных размеров служебных правонарушений: известная часть возникающих дел передается уголовно-административными органами в суд «на прекращение»; следует отметить, что прекращаемые дела составляют устойчивую и постоянную величину, колеблющуюся в пределах 23%—28% для всех видов должностной преступности, исключая растрату; последняя прекращается до суда значительно реже—от 14% до 17%.

Сравнительное обилие дел, прекращаемых до судебного разрешения, об'ясняется тем, что среди многочисленных жалоб и заявлений о действительных или предполагаемых злоупотреблениях имеется много преувеличений, неточностей, неправильной квалификации и т. д. И, действительно, если обратимся к численности осужденных за должностные преступления Народными и Губернскими Судами РСФСР (о чем речь будет ниже), то увидим, что здесь количество лиц, подвергнутых репрессии за служебные правонарушения, не выходит из пределов 5—6 тысяч за каждый трехмесячный период времени, хотя сюда входят и осужденные по делам, возникающим непосредственно у народных следователей и прокуроров, и только в последней четверти 1925 года здесь наблюдается резкое увеличение (5.784—9.461) числа осужденных. Но если данные уголовно-административных органов не могут служить показателем абсолютных размеров должностной преступности, то движение отдельных видов ее они характеризуют достаточно полно и рельефно.

Рассматривая движение (см. приведенную выше таблицу) кривых взяточничества и растраты (вместе со служебным подлогом), мы наблюдаем определенное взаимодействие этих двух преступлений. Отметим, что подлоги (отчасти использовываемые для совершения растрат) составляют 5—6-ую часть всего числа растрат.

Еще весною 1924 года распространение взяточничества (1.576 дел) несколько превышало по данным Милиции[1]) растрату (1533), но далее картина меняется: число растрат все время возрастает, увеличиваясь в геометрической прогрессии (1533—9818); взяточничество же, продолжая еще по инерции двигаться вперед, постепенно замедляется и к весне 1925 года (1576—2629) приостанавливается; с этого времени начинается равномерное падение кривой взяточничества, но к концу 1925 года она все же не опускается ниже уровня весны 1924 года.

В уголовном розыске, отражающем преимущественно преступность городов, общая картина роста растрат и понижения взяточничества варьируется несколько иначе: здесь в апреле—июне 1924 года размеры растрат (1368) значительно превышают взяточничество (803), которое колеблется на этом уровне до октября того же года; с тех пор кривая

[1]) Материалы Н. К. В. Д.

[1]) Характеризующей, как было уже упомянуто, сельскую должностную преступность.

взяточничества неизменно, с небольшими интервалами, понижается, и к началу 1926 года далеко оставляет за собою (100%—55%) пределы предыдущего года, а численность возникающих дел о растратах и здесь показывает интенсивное увеличение (100%—361%), но оно все же слабее бурного роста аналогичного правонарушения по данным Милиции. Общее же число дел о растратах по материалам органов дознания увеличилось за 1¾ года в пять раз (2901—14757), взяточничество же понизилось за тот период времени всего на 14% (2379—2040). Все это позволяет отметить, что в сельской местности процесс изживания взяточничества происходит гораздо медленнее, чем в городах, но растрата прогрессирует не менее интенсивно.

Если обратимся к преступности среди сотрудников рассмотренных органов дознания, то глазам представится весьма знаменательная картина: борьба с должностной преступностью почти полностью отражается на характере служебных правонарушений борющихся с преступностью органов, и они в значительной мере продвержены общему течению и оттенкам должностных преступлений данного времени.

Приведенная ниже таблица дает представление о движении главнейших видов служебной преступности среди сотрудников самого многочисленного административного учреждения—Милиции, штаты которой и численность служащих, привлеченных к ответственности за различные правонарушения, не подвергались заметным изменениям за исследуемый период времени.

Преступность (привлечение к ответственности) среди сотрудников Милиции РСФСР.

Название преступлений.	1924 год.			1925 год.			
	Апрель — Июнь.	Июль — Сентябрь.	Октябрь — Декабрь.	Январь — Март	Апрель — Июнь.	Июль — Сентябрь	Октябрь — Декабрь.
Присвоение и растрата . . .	9,9	16,1	21,6	24,6	26,3	27,7	22,6
Взяточничество	10,3	11,0	10,5	8,5	6,3	6,3	4,3
Остальн. должностн. правонарушения	59,4	51,8	46,7	46,2	45,9	44,9	51,9
Другие (обще-уголов.) преступления	20,4	21,1	21,2	20,7	21,5	21,1	21,2
Всего. . .	100	100	100	100	100	100	100

Из таблицы видно, что собственно должностные преступления составляют ⅔ всех правонарушений, и это число, несмотря на значительные внутренние изменения в распределении отдельных видов правонарушений, является чрезвычайно устойчивым. Почти такое же постоянство проявляет «злоупотребление и превышение власти», предусмотренное ст.ст. 105—112, 117 и 118 УК. Эти правонарушения составляют около половины всех преступлений, лишь слегка колеблясь в обе стороны от указанного уровня. Остальную группу (30%) представляют растрата и взяточничество, которые отмечаются взаимным равновесием: при увеличении растраты соответственно уменьшается взяточничество.

И здесь кривая растрат неуклонно движется вверх вплоть до октября 1925 г., когда это правонарушение превысило четвертую часть (27,7%) всех преступлений, но с этого времени, уже вопреки общему течению, наблюдается заметное падение (22,6%) относительного (и абсолютного) числа растрат. Является ли это случайным эпизодом или имеется налицо оздоровительная тенденция в рядах Милиции—в настоящее время судить преждевременно.

Взяточничество же, несмотря на интенсивно повышательную наклонность растрат, все время в течение 1924 года колеблется в пределах 10—11% всех правонарушений, но далее, как бы следуя общему движению, и здесь намечается понижение (8,5%), которое продолжается до средины 1925 года (6,3%); на этом уровне взяточничество остается до октября и затем вновь понижается (4,3%).

Рассмотренные выше особенности распределения отдельных видов служебных правонарушений по данным уголовно-административных органов и среди должностных лиц этих учреждений подтверждаются материалами Народных и Губернских Судов, характеризующих последнюю стадию преступления—осуждение виновного.

Виды должностных преступлений.	Число осужденных за долж. преступления Народным и Губернским Судом Р.С.Ф.С.Р.[1])									
		1923 г.	1924 год.				1925 год.			
		В среднем за четверть г.	1 четверть.	2 четверть.	3 четверть.	4 четверть.	1 четверть	2 четверть.	3 четверть.	4 четверть.
Злоупотребление и превышение власти (105, 108 и 110) . . .	абс.	1907	1389	1544	1160	1585	1295	1136	933	1433
	отн.	100	73	81	61	83	68	60	49	75
Растрата и присвоение ст. 113 Уг. Кодекса	абс.	751	1151	1166	1089	1390	1847	2350	3239	5906
	отн.	100	153	155	145	185	246	313	431	786
Взяточничество ст. 114, 115.	абс.	1483	2010	2403	1930	1808	1664	1393	958	1118
	отн.	100	136	162	130	122	112	94	65	75
Служебный подлог ст. 116 .	абс.	224	365	398	373	504	557	563	469	688
	отн.	100	163	178	167	225	249	251	209	307
Остальн. должн. прест. 111, 112, 109, 117 и 118	абс.	262	212	255	277	405	292	249	185	316
	отн.	100	81	97	106	155	112	95	71	121
Всего должностных преступлений	абс.	4627	5127	5766	4829	5692	5655	5690	5784	9461
	отн.	100	111	125	104	125	122	123	125	205

[1]) Материалы Н. К. Ю.

Устойчивая, слегка волнистая кривая осужденных за должностные правонарушения образует за последние три месяца 1925 года неожиданно резкий скачек вверх (5784—9461), т.-е. как раз совпадает со временем некоторого снижения служебной преступности по материалам органов дознания. Такое, на первый взгляд, противоречие рассеивается при сравнении функций органов суда и дознания:—судебная процедура происходит значительно позже стадии возникновения дела о преступлении.

Резкое повышение преступности (точнее растрат) за столь короткий срок дает основание предположить, что увеличение численности подвергнутых репрессии произошло вследствие скопления к концу года судебных дел, потребовавших в целях разгрузки усиленной деятельности судов; но общая картина движения должностной преступности отнюдь не затушевывается интенсивным взлетом ее за последние месяцы 1925 года: средний уровень «злоупотреблений и превышений власти» (ст.ст. 105—112, 117 и 118 Уголовного Кодекса) продолжает все время понижаться: в 1923 году эти правонарушения составляли 47% всех служебных преступлений; в следующем году число их понижается до 32% и падает в 1925 году до 18%. Следует оттенить возрастание, ограниченного (менее 10%) по своим абсолютным размерам, числа осужденных за служебный подлог, что находится в связи с увеличением растрат и при помощи подлога.

Особого внимания заслуживает движение кривой растрат, удельный вес которых в общей массе служебной преступности все время увеличивается, и за последнее полугодие 1925 г. растрата доминирует (56%—62%) над всеми должностными правонарушениями, взятыми вместе. И здесь, так же, как и в органах дознания, замечается ясно выраженная зависимость между растратой и взяточничеством; последнее растет непрерывно в 1923 году и продолжает увеличиваться вплоть до 1 половины 1924 года, когда численность осужденных за это преступление достигает (2.403 ч.) высшей точки; с этого времени начинается постепенное уменьшение взяточничества; незначительное абсолютное (но не относительное) возрастание этого преступления в конце 1925 г., вызванное общим увеличением должностной преступности, не может быть принято во внимание.

Причиной понижения взяточничества послужила, несомненно, начатая в 1923 году (и ранее) кампания борьбы с этим преступлением: усиление репрессии и т. д., но... преступный «инстинкт» части служащих, временно подавленный решительной борьбой с легким видом наживы—взяточничеством, ищет выхода, и, сначала осторожно, как бы ощупью, пробует свои силы на растратах государственного имущества; затем становится все смелее и, наконец, растрата широкой волной разливается по всей Республике.

Еще в самом начале снижения взяточничества, т.-е. в половине 1924 г., наблюдается (см. таблицу) медленный рост растрат, который по мере движения вперед увеличивается в своем об'еме и к концу 1926 года составляет, как было уже упомянуто, 62% всех должностных преступлений.

Столичная служебная преступность не только подтверждает, но еще нагляднее подчеркивает показанное выше положение преступности

Помещенная ниже таблица рисует характер должностной преступности гор. Москвы.

Число осужденных за должностные преступления Народным Судом г. Москвы за 1923—1925 год [1]).

Название преступлений	Пол осужденных.	1923 год.		1924 год.		1925 год.	
		1 полугодие.	2 полугодие.	1 полугодие.	2 полугодие.	1 полугодие.	2 полугодие.
Присвоение и растрата	Мужч.	61	148	168	226	293	818
	Женщ.	2	3	2	5	10	18
Взяточничество	Мужч.	63	99	126	86	53	32
	Женщ.	8	22	21	9	3	6
Остальные должностные преступления	Мужч.	246	116	7	1	3	8
	Женщ.	16	7	2	—	—	—

Мы видим, что на протяжении последних трех лет здесь произошли коренные изменения в распределении отдельных видов служебной преступности: «злоупотребление и превышение власти», еще в первом полугодии 1923 года, дававшее значительное большинство осужденных,— постепенно уменьшается и почти совсем исчезает с горизонта. На их место выдвигается растрата и взяточничество.

Возрастание количества осужденных за растрату начинается в столице гораздо ранее начала падения взяточничества, и в продолжение всего 1923 года, и в первой половине 1924 года рост этих двух преступлений идет параллельно; но со второго полугодия 1924 года взяточничество, следуя «духу времени», постепенно идет на убыль, а растрата продолжает еще более интенсивно возрастать; особо бурный рост ее имеет место во второй половине 1925 года, когда численность осужденных за растрату увеличилась почти в три раза (303—836) сравнительно с первым полугодием того же года.

Разновидность оттенков в движении и распределении служебных преступлений не нарушает общего характера должностных правонарушений; рассматриваем ли мы стадию возникновения дела или осуждения виновного, обращаемся ли мы к преступности столицы, города или сельской местности—всюду мы видим, что группа «злоупотреблений и превышений власти» или не возрастает (органы дознания), или уменьшается (Народный и Губернский Суд). Зато растет тот или иной вид квалифицированной служебной преступности; сначала (1922—1923 г.) это было взяточничество, но с устранением или, вернее, с ослаблением

[1]) Материалы Моск. Статист. Отдела и Московск. Губсуда.

этого зла, на жизненную сцену появляется растрата, которая, разрастаясь, пускает глубокие корни в жизнь страны.

Если проследим изменение силы репрессии в московских судебных учреждениях за последний год, то увидим ясно выраженное усиление судебной кары за растрату: условное осуждение, превышавшее в практике Народных Судов г. Москвы за первую половину 1925 года четвертую часть всех осужденных за растрату (ст. 113 Уголовного Кодекса), понизилось во втором полугодии того же года до 16%, в Московском Губернском Суде этот вид репрессии уменьшился еще более—с 38,2% до 14,8%. Зато лишение свободы от 1 года до 2 лет возросло в Народном Суде за тот же полугодовой промежуток времени с 9,6% до 17,6%, а в Губернском Суде с 10,9% до 18,5%. Тюремное заключение от 2 до 5 лет, слабо распространенное в Народном Суде (3%—5%), заметно повысилось (16,4%—21,5%) в практике Московского Губернского Суда. Наконец, высшая мера наказания—расстрел, совершенно не применявшаяся в первой половине 1925 г., насчитывает (Московский Губернский Суд) 6 приговоров во втором полугодии того же года.

Приведенные данные показывают, что московская юстиция стала на путь усиления судебной кары за корыстно-должностные правонарушения; послужит ли это стимулом к искоренению растрат, или преступления должностных лиц найдут себе новую форму—покажет будущее.

Социальный состав растратчиков.

Социальный состав преступников (хозяева, служащие, рабочие и т. д.) может быть определен по социальному положению в момент преступления. Однако, в отношении растратчиков этот признак дает очень немного, так как подавляющее большинство их были служащими различных учреждений и предприятий. Гораздо более интересные сведения возможно получить, анализируя социальное положение их несколько лет назад, проследив изменение их социального положения, как это делалось, например, в отношении некоторых категорий преступников в «Преступном мире Москвы».

Однако, прежде чем перейти к исследованию изменения социального положения, следует остановиться на моменте совершения преступления, чтобы определить: 1) из кого состоят массы растратчиков и 2) насколько часто были осуждены за растраты разные группы служащих.

Для ответа на первый вопрос в табл. № 1 выделяются разные виды служащих из общей массы растратчиков. Здесь видно, что примерно по $^1/_{10}$ всей массы составляют: 1) заведующие отделами и секциями, 2) завед. магазинами и складами, 3) приказчики и продавцы, 4) кассиры и казначеи; по $^1/_5$—председатели, секретари и члены разных организаций и, примерно, по $^1/_{20}$: 1) агенты и комиссионеры, 2) доверенные и уполномоченные, 3) бухгалтеры и счетоводы и $^1/_8$ прочие.

Обращаясь к составу растратчиков по разным группам учреждений, можно заметить, что чем сложнее его структура, разнообразнее состав сотрудников учреждения, тем разнообразнее состав растратчиков. Наиболее разнообразен состав растратчиков в государственных учреждениях. Из табл. № 1 можно видеть, что процент «прочих» здесь весьма высок. В городе Москве, например, в число «прочих» (20 человек) растратчиков админ. органов входят милиционеры и другие служащие по охране безопасности, почтальоны, техники и т. д. В числе «прочих» служащих гос. хоз. органов находятся: юрисконсульты, культ.-просв. персонал, инспектора, разный хоз. персонал и другие.

Аналогичное этому мы видим и в других городах и сельских местностях. В тех группах растрат, где структура учреждения проста, как, например, в первичных кооперативах сельских местностей, там почти все растратчики укладываются в выделенные по табл. № 1 наиболее существенные группы служащих, и «прочих» крайне мало. В городах в растратах тех же первичных кооперативов принимают участие уже более разнообразные группы служащих.

Таблица № 1. Распределение растратчиков по должн. во время совершения преступления в %.
(Абсолютные величины поставлены в скобках).

Наименование должностей.	Всего растратчиков.	МОСКВА. Проф. орг. Фабкомы и местkомы.	Проф. орг. Профсоюзы.	Кооперац. Первич. кооперативы.	Кооперац. Кооперат. союзы.	Госуд. учрежд. Администр. органы.	Госуд. учрежд. Гос. торговые органы.	Госуд. учрежд. Гос. хозяйств. органы.	Жилищные товарищ.	Красная армия.	Обществен. организац.	Прочие.	Итого.
Всего	(2273) 100,0	(29) 100,0	(14) 100,0	(30) 100,0	(24) 100,0	(49) 100,0	(27) 100,0	(70) 100,0	(36) 100,0	(45) 100,0	(12) 100,0	(6) 100,0	(342) 100,0
Зав. отделами и секциями	11,3 (257)	—	—	3,3	12,4	16,3	11,2	5,7		20,0	—	33,3	8,8
Председатели	22,4 (509)	—		—	—	—	—	—	38,8		41,7		—
Секретари			—	—	4,2	—	—	—	8,3	—	16,7	—	—
Члены		72,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13,5
Зав. магаз. и складами	8,1 (185)	—	—	40,0	16,7	—	25,9	5,7	—	—	—	—	8,2
Агенты и комиссионеры	5,1 (116)	—	—	3,3	16,7	10,2	14,8	17,1	—	2,2	16,7	16,7	8,8
Доверенные и уполномоч.	4,0 (92)		—	—		—	3,7	5,7	2,8		—	—	1,8
Приказчики и продавцы	10,8 (245)	—	—	13,4	20,8	2,0	3,7	—		—	—	—	3,2
Экспедиторы	0,5 (12)	—	7,1	—		2,0		4,3	—	4,4	—	—	2,0
Бухгалтеры	2,3 (52)	—	—	3,3	—	4,1	3,7	7,1	2,8	—	—	—	2,9
Счетоводы	3,1 (71)	3,4	14,3	3,3	4,2	8,2	7,4	7,1	—	—	8,3	—	5,0
Кассир., казнач., артельщ., сборщ.	10,6 (240)	10,3	35,7	10,0	16,7	16,3	14,8	18,6	16,7	15,6	8,3	—	15,8
Управдомами	0,4 (10)	—	—	—	—	—	—	—	27,8	—	—	—	2,9
Прочие	21,4 (484)	13,9	42,9	23,4	8,3	40,9	14,8	28,7	2,8	57,8	8,3	50,0	27,1

Продолжение таблицы № 1.

Наименование должностей.	ПРОЧИЕ ГОРОДА. Проф. орг. Фабкомы и местkомы.	Проф. орг. Профсоюзы.	Первичные кооперат.	Госуд. учрежд. Администр. органы.	Госуд. учрежд. Гос. торговые органы.	Госуд. учрежд. Гос. хозяйств. органы.	Красная армия.	Обществен. организац.	Итого.	Сельские местн. Первичные кооператив.	Сельские местн. Гос. учрежд. Администр. органы.	Сельские местн. Гос. учрежд. Гос. хозяйств. органы.	Итого.
Всего	(71) 100,0	(67) 100,0	(242) 100,0	(322) 100,0	(103) 100,0	(153) 100,0	(91) 100,0	(74) 100,0	(1123) 100,0	(440) 100,0	(328) 100,0	(40) 100,0	(808) 100,0
Зав. отделами и секциями	—	—	3,7	17,3	23,3	13,7	51,6	8,1	14,5	0,7	13,4	42,5	7,9
Председатели	40,9	25,4	8,7	6,8	—	—	1,1	4,0	8,3	—	34,5	—	—
Секретари	36,7	32,8	—	—	—	—	—	28,4	6,0	32,4	12,8	—	36,9
Члены	4,2	—	—	—	—	—	—	—	0,3	—	—	—	—
Зав. магаз. и складами	—	—	25,2	1,6	24,3	7,2	—	1,4	9,2	12,0	0,3	—	6,7
Агенты и комиссионеры	—	—	2,1	5,0	12,6	10,5	1,1	17,6	5,7	1,1	4,3	7,5	2,7
Доверенные и уполномоч.	5,6	10,4	4,5	4,0	10,7	8,5	—	10,8	6,0	1,0	4,3	2,5	2,4
Приказчики и продавцы	—	—	22,7	—	5,8	2,6		—	5,8	38,0	—	5,0	20,9
Экспедиторы	—	—	—	—	—	2,0	—	—	0,3	—	—	5,0	0,2
Бухгалтеры	—	3,0	0,8	4,7	1,0	10,5	1,1	—	3,3	0,2	1,2	—	0,6
Счетоводы	2,8	3,0	2,5	4,7	3,9	7,8	1,1	6,8	4,2	1,4	0,3	—	0,9
Кассир., казнач., артельщ., сборщ.	4,2	6,0	11,6	9,9	8,8	13,0	15,4	2,7	10,0	10,2	8,2	5,0	9,2
Управдомами	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие	5,6	19,4	18,2	46,0	9,6	24,2	28,6	20,2	26,4	3,0	20,7	32,5	11,6

Растраты в фабкомах и месткомах на ¾ совершаются председателями и секретарями их; в провинциальных профсоюзных организациях на долю председателей и секретарей приходится почти 60%. В сельских первичных кооперативах на председателей, секретарей и членов приходится ⅓ растрат, ½ на долю завед. магазинами и складами и приказчиков; в городах председатели и т. п. уже составляют немного более 10% из этих растратчиков, а в Москве и совсем не встречаются. Очевидно, с усложнением структуры кооперативов и удалением членов Правлений от непосредственных операций с ценностями, отдаваемыми здесь заведующим (магазинами и складами), процент последних растет от 12 в сельских местностях до 25,2 в других городах и 40% в первичных кооперативах г. Москвы и т. д. (см. табл. № 1 на стр. 34 и 35).

Таким образом из этого, как первый вывод, *можно сказать, что состав растратчиков согласуется и составляется подобно структуре учреждений и является, таким образом, совершенно естественным их отображением.*

Следующим, конечно, важнейшим вопросом является интенсивность растрат. Если бы имелись исчерпывающие или в определенной системе полученные данные о растратах в учреждениях, то, сопоставляя их с количеством учреждений, можно бы установить это. Однако, подобных сведений нет, и ответить на это невозможно. Подобно этому и на вопрос о том, какие группы служащих дают больше растратчиков, точно ответить невозможно. Попытка ответить на этот вопрос ниже делается по г. Москве. Здесь были обследованы почти все растратчики, содержащиеся в местах заключения, и цифры их можно сопоставлять с демографическими данными. Цифры о числе служащих взяты из материалов переписи советских служащих 1924 г. Мосстатотделом и ЦСУ.

Вследствие разных технических условий возможно сравнить между собой разные должности по кооперации в целом (перв. кооперативы и кооп. союзы), с одной стороны, и всем государственным учреждениям (администр., торговым и хоз. органам),—с другой.

На 10.000 соответствующих служащих приходится растратчиков, содержащихся в местах заключения:

Таблица № 2.

	Все растратчики.	Администрация.	Бухгалтеры и счетоводы.	Кассиры, казначеи и артельщики.	Зав. маг., складами и кладов.	Агенты, комисс., закупщ. и довер.	Торговцы, приказчики.	Экспедиторы, кладовщ., сортировщ.	Делопроизводители и секретари.	Почтальоны.	Низш. служащ. учреждений.	Команд. состав милиции	Милиционеры.
Кооперация . .	30,6	36,5	14,6	51,2	127,0	40,5	9,0	50,4	—	—	—	—	—
Административн. орган.	10,5	12,2	8,8	41,0	32,9	45,7	7,1	9,9	2,8	13,4	0,7	9,9	5,0

Эта небольшая таблица дает возможность сделать некоторые выводы. Присматриваясь к двум параллельным строчкам, можно видеть, что во всех группах служащих число растратчиков из кооперации выше, чем из госорганов [1]). Сравнивая разные должности, можно констатировать, что *растрат там больше, где больше денег, которые можно растратить:* кассиры, заведующие складами, администрация, продавцы, экспедиторы и даже почтальоны растрачивают чаще, чем милиция, делопроизводственный персонал или низшие служащие. *Растрачивает чаще тот, у кого больше возможности:* заведующие магазинами и складами больше, чем продавцы, командный состав милиции чаще, чем милиционеры.

Нельзя пройти мимо одной группы растратчиков: агенты, комиссионеры и т. п. Эта группа, во-первых, высока по своей численности и, во-вторых, в административных органах, где все группы ниже, чем в кооперации, агенты умеют растрачивать, в исключение из общего правила, очень часто. Возвращаясь к табл. № 1, можно видеть, что агенты и комиссионеры представляют собой универсальный тип растратчиков, его можно найти во всех видах растрат, за исключением проф. органов и жил. т-в.

Таким образом, одиозность этой группы бросается в глаза уже из первоначальных данных и об'ясняется это, очевидно, и прежде всего условиями работы этих лиц: постоянные операции ценностями и деньгами в условиях трудного учета и контроля оборота денег в руках агентов и комиссионеров. Резюмируя 2 таблицу, таким образом, можно сказать, что *растраты чаще совершаются теми и там, где предоставлено больше возможности непосредственно оперировать ценностями.*

Из таблиц №№ 1 и 2 можно видеть служебное положение растратчиков во время совершения преступления, но для понимания истинного их соц. положения необходимо знать предшествующую работу, изменения их работы, службы, занятия, и для определения устойчивости их профессии надо, прежде всего, определить, сколько раз они переменили работу.

Изменения занятий несущественного характера при разработке во внимание не принимались. Например, конторщик становится делопроизводителем того же учреждения, помощник—заведующим и т. д... Но, если совершается переход на такую же должность, но в совершенно отличное учреждение (например, из Наркомпроса в Наркомторг), то подобные изменения учитывались. Далее, было подсчитано, сколько раз растратчики произвели перемены должностей и сколько на одного растратчика той или иной группы приходится в среднем таких изменений за последние три года, последние 6 лет и со времени его обычного занятия. В результате получились нижеприводимые в табл. № 3 дробные величины, характеризующие частоту изменений.

[1]) Это происходит видимо потому, что одним и тем же группам служащих в кооперации, по сравнению с гос. органами, приходится иметь больше соприкосновения с материальными ценностями Так, например, администрация, зав. складами, экспедиторы в кооперации имеют всегда в своих руках товары и деньги, тогда как в гос. органах эти должности имеют часто соприкосновение не с «ревтабельными» вещами, а иногда и совсем не соприкасаются с ценностями.

Таблица № 3. Распределение растратчиков по должностям должностей во время совершения растраты и количество переменных в среднем.

Наименование должностей.	Все растратчики.	Москва.									Прочие города									Сельск. местн.				Все местности.			
		фабкомы и месткомы.	Первичн. кооп.	Кооперат. союзы.	Админ. органы.	Гос. торг. органы.	Гос. хоз. органы.	Жилищ.-товарищ.	Красная армия.	Итого.	фабкомы и месткомы.	Профсоюзы.	Первичные кооперативы.	Административ. органы.	Гос. торг. органы.	Гос. хоз. органы.	Красная армия.	Обществ. органы.	Итого.	Первичные кооперативы.	Административ. органы.	Гос. хоз. органы.	Итого.	Первичн. кооп.	Административ. органы	Гос. хоз. органы.	Итого.
Со времени обычного занятия до растраты.																											
Зав. отд. и секц.	2,2	—	—	3,7	1,8	—	2,3	—	0,25	1,5	—		3,0	1,3	3,3	3,3	1,2	2,7	2,0	1,0	2,7	2,7	2,6	2,5	1,9	3,0	2,2
Председатели	—			—	—	—	—	—	2,4	—	2,4	3,5			—		2,0	3,0				—		—		—	—
Секретари	1,9	3,1	—	4,0	—	—	—	—	2,3	—	2,7	3,1	3,6	1,5	—		—	3,4	2,2	1,2	2,5		1,7	1,6	2,0	—	1,8
Члены	—			—	—	—	—	—	—	—	1,3				—	—	—	—			1,2	—		—	—	—	—
Зав. скл. и магаз.	2,4	—	3,3	3,8	—	3,7	2,7	—		3,4	—	—	2,8	1,6	3,2	3,0	—	—	2,8	1,1	4,0	—	1,2	2,1	2,0	3,0	2,2
Агенты и комис.	2,7	—	4,0	2,7	2,3	3,3	2,8	—	—	2,8	—		2,8	1,8	3,2	3,1	1,0	2,8	2,7	1,0	2,8	3,0	2,4	2,0	2,3	3,0	2,5
Уполном. и доверен.	2,6	—	—	—		—	2,3	2,0	—	2,2	2,7	3,0	2,9	1,6	3,0	3,1	—	2,4	2,6	1,0	3,0	2,0	2,5	2,4	2,3	2,8	2,5
Приказч. и прод.	1,5	—	2,5	2,0	2,0	2,0	—	—	—	2,2	—	—	1,9	—	2,8	1,7	—		2,0	1,0	—	2,0	1,1	1,3	2,0	1,8	1,3
Экспедиторы	2,2	—		—	4,0	—	1,5	—	1,3	2,0	—	—			—	2,5	—	—	2,5		—	2,5	2,5	—	4,0	2,1	2,4
Бухгалтеры	2,1	—	4,0	—	3,5	4,0	2,5	2,0	—	3,0	—	4,0	3,0	1,0	4,0	2,4	4,0		2,0	2,0	2,8		2,6	3,0	1,6	2,4	2,1
Счетоводы	2,0	2,0	3,0	3,0	1,8	2,5	2,5	—	—	2,3	1,5	4,0	2,8	1,1	3,0	1,3	4,0	2,8	1,9	1,6	3,0	—	1,8	2,3	1,3	1,7	1,7
Кассиры, арт., сборщ. денег.	2,1	3,0	2,0	1,8	2,8	3,0	2,5	2,5	2,0	2,4	2,3	2,8	2,8	1,1	3,3	3,1	0,8	4,0	2,2	1,2	2,5		1,7	1,8	1,4	2,9	2,0
Управдомами	2,9	—	—	—	—	—	—	2,9	—	2,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Все должности	2,6	3,0	3,3	3,2	2,2	3,2	2,4	2,5	1,0	2,5	2,4	3,2	2,8	2,8	3,1	2,9	1,5	2,9	2,8	2,5	2,6	2,4	2,5	2,6	2,7	2,5	2,6
Все должн. за 6 последн. лет	1,8	1,9	2,1	2,0	1,3	1,9	1,6	1,8	0,5	1,5	1,5	2,4	2,0	2,0	2,2	1,9	0,7	2,1	1,9	1,7	1,8	1,4	1,7	1,8	1,9	1,8	1,8
Все долж. за 3 последн. года	1,2	1,1	1,1	1,5	0,7	1,2	0,9	1,2	0,3	0,9	1,4	1,6	1,4	1,3	1,4	1,2	0,4	1,6	1,3	1,1	1,2	0,9	1,1	1,2	1,2	1,1	1,2

Обращаясь к итоговым данным (последние, нижние 3 строчки), мы видим, что количество переменённых должностей различно в зависимости от места совершения растрат и от учреждений, где были произведены растраты. За последние 3 года переменили большее число должностей растратчики в провинциальных городах; в Москве, где жизнь стала налаживаться, эти перемены играют меньшую роль, чем даже в сельских местностях. Это отражается и на числе переменённых должностей со времени обычного (довоенного) занятия до должности, на которой совершена растрата: несмотря на то, что во время войны и в первые годы революции московские растратчики переменили больше должностей, чем другие, число переменённых ими за все время должностей равно сельским растратчикам и меньше провинциальных городов. Таким образом, сдвиги в занятиях населения, связанные с войной и революцией, отразились и на растратчиках. Но присматриваясь к числу переменённых должностей по видам растратчиков, можно подметить и другое. В сельских местностях растратчики административных органов почти не отличаются от таковых же в первичных кооперативах (2 группы, почти исчерпывающие сельских растратчиков), что об'ясняется одним и тем же уровнем деятельности и тех и других (дальше можно будет видеть из кого они составлялись).

Если же обратиться к сравнению растратчиков в административных органах с таковыми же в первичных кооперативах, государственных торг. и хоз. органах (особенно этих последних) по гор. Москве, то увидим, что растратчики, часто меняющие должности, чаще встречаются не в административных органах, а там, где материальных ценностей имеется больше. Не так ясно, но все же заметно это и в других городах. *Таким образом, можно считать, что частая перемена службы является характерной для должностей, где часты растраты.*

Переходя к числу должностей, переменённых со времени обычного занятия до совершения растраты по занимаемым во время преступления должностям, этот симптом следует проверить на группе растратчиков на должностях, которые из предыдущих данных уже обрисовались, как особо опасные: речь идет об агентах и комиссионерах, уполномоченных и доверенных. Действительно, эти группы дают максимальные числа переменных должностей (если не считать управдомов).

Таким образом, намечаются следующие два вывода о переменённых занятиях: *1) должности агентов, комиссионеров, уполномоченных и доверенных являются должностями сугубо благоприятствующими растратам, 2) частая перемена должностей симптоматична для лиц, из которых выходят растратчики.* (Это, конечно, не следует смешивать с переменой места работы, которая практикуется, например, в отношении приказчиков с целью помешать им заводить некоторого рода знакомства и постоянные связи с покупателями).

Оперируя другим методом (продолжительность службы на должности, где была произведена растрата), А. Стельмахович [1]) приходит

[1]) «Борьба с растратами» М. 1926.

к аналогичному выводу, что растраты совершаются «скакунами» или иначе говоря, лицами часто меняющими должности.

Как уже указывалось, растраты интенсивнее совершаются начальствующими, чем подчиненными. То же мы видим и в отношении перемены должностей. Как можно видеть из табл. № 3, заведующие магазинами и складами переменили должностей (прежде чем совершили преступление) больше, нежели приказчики и продавцы, а бухгалтеры больше, чем счетоводы. Если в общей массе растратчики адм. органов в городе Москве и других городах переменили меньше должностей, чем растратчики кооперативные и в государственных торговых и хозяйственных учреждениях, то и по отдельным должностям видно то же самое. *Таким образом, часто меняющие должности растратчики* охотнее избирают ареной деятельности «хлебные» учреждения независимо от должности растратчика: от мала до велика туда притягиваются они, *где материальные блага находятся в большей близости.*

Теперь возможно перейти к рассмотрению изменения занятий растратчиками со времени их обычного занятия до совершения преступления и определить, из кого образовались их кадры. Табл. № 4 показывает, что в общем до $^1/_4$ части всех растратчиков по своему обычному занятию были рабочие [1]), почти исключительно в промышленности, $^1/_8$ часть — служащие, а остальные — прочие и неизвестные, при чем крупную роль здесь играют крестьяне (хозяева в с. х.). Едва ли необходимо пересказывать содержание всей таблицы и достаточно остановиться лишь на некоторых наиболее рельефно выступающих цифрах.

В фабкомовских растратах громадную роль играют выходцы из рабочих (свыше 40%); в первичных кооперативах (но не кооперативных союзах) и государственных торговых органах составляют крупную долю бывшие торговые служащие; в армии больший, чем где-либо %% составляют старые военные, и выходцы из крестьян часто встречаются во всех сельских растратах (особенно в перв. кооперативах), а также в перв. кооперативах других городов.

Если теперь обратиться к занятиям растратчиков за 6 лет до растраты, т.-е. 1918—1919 г.г. (см. табл. № 5), то картина получится поразительно отличная от предыдущей: свыше 40% будущих растратчиков в это время находились в армии, только ½ из бывших крестьян оставались у сохи (17%), так же, как рабочие, % которых с 26 упал до 8%, да и бывшие служащие в некоторой части покинули свое бывшее занятие. Кроме армии будущие растратчики частью в это время прошли на административные посты.

Если теперь взять занятия за 3 года до растрат (1921—22 г.р.) (табл. № 6), то окажется, что многие из них уже выбыли из армии, немногие ушли от сельского хозяйства, и часть рабочих также ушла от производства—все эти ушедшие группы стали служащими разных рангов и категорий.

[1]) В статье С. А. Укше читатель увидит, что в громадной части растратчики квалифицированные рабочие, с ранних лет занимающиеся трудом.

Таблица № 4 Распределение групп растратчиков по обычным занятиям (в %%).

Где произведена растрата.	Всего растратчик.	Рабочие.				Служащие.								
									Торговые.					
		В сел. хоз.	В промышленн.	Прочие.	Итого.	Прислуга.	Администр.	Техники.	Зав. маг., складом.	Аген., упоим.	Приказчики	Прочие.	Итого.	
Москва. Фабк.,местком.	100,0	—	41,5	—	41,5	3,4	—	—	—	6,9	—	3,4	10,3	
Перв. коопер.	100,0	—	36,7	3,3	40,0	3,3	—	—	6,7	3,3	16,7	10,0	36,7	
Кооп. союзы.	100,0	4,2	16,6	—	20,8	12,5	4,2	—	—	4,2	—	4,2	8,4	
Админ.органы.	100,0	—	20,4	6,1	26,5	—	—	4,1	—	—	4,1	—	4,1	
Гос. торг. орг.	100,0	—	11,1	3,7	14,8	—	—	18,5	—	—	22,2	11,1	33,3	
Гос. хоз. орг.	100,0	—	24,3	2,9	27,2	—	—	5,7	—	1,4	1,4	4,3	7,1	
Жил. товар..	100,0	—	27,7	13,9	41,6	—	—	2,8	—	—	—	2,8	2,8	
Красн. армия.	100,0	2,2	17,8	—	20,0	2,2	—	6,7	—	—	4,4	—	4,4	
Итого. . .	100,0	0,6	23,0	2,8	27,4	2,0	0,3	4,4	0,6	1,8	5,3	3,5	11,2	
Прочие города. Фабк.,местком.	100,0	—	35,2	11,3	46,5	1,4	—	2,8	-	—	1,4	4,2	5,6	
Профсоюзы. .	100,0	1,5	32,8	1,5	35,8	1,5	1,5	4,5	—	—	1,5	—	1,5	
Перв. коопер.	100,0	0,4	24,0	4,1	28,5	1,7	2,1	2,1	—	0,4	17,8	10,3	28,5	
Админ.органы	100,0	0,3	19,9	3,1	23,3	—	1,9	7,2	—	0,6	1,9	3,7	6,2	
Гос. торг. орг.	100,0	1,0	24,2	3,9	29,2	—	3,9	4,9	1,0	2,9	12,6	7,8	24,3	
Гос. хоз. орг.	100,0	0,7	30,0	1,3	32,0	1,3	3,3	5,2	0,7	0,7	4,6	2,6	8,6	
Красн. армия.	100,0	1,1	19,8	1,1	22,0	3,3	1,1	—	2,2	—	2,2	2,2	6,6	
Обществ.орг. .	100,0	2,6	23,0	1,4	27,0	1,4	1,4	2,6		4,1	—	1,4	5,5	
Итого . .	100,0	0,7	24,5	3,3	28,5	1,1	2,0	4,3	0,4	0,9	6,5	4,9	12,7	
Сельск.местн. Перв. коопер.	100,0	1,4	19,5	2,3	23,2	1,1	1,1	0,7	0,2	0,2	7,5	2,3	10,2	
Админ.органы.	100,0	1,8	16,5	2,7	21,0	4,3	3,4		—	0,6	0,9	2,1	3,6	
Гос. хоз. орг..	100,0	5,0	10,0	—	15,0	—	2,5	2,5	2,5	-	2,5	2,5	7,5	
Итого. .	100,0	1,7	17,8	2,4	21,9	2,4	2,1	0,5	0,2	0,4	4,6	2,2	7,4	
Всего. .	100,0	1,1	21,9	3,0	26,0	1,7	1,8	2,9	0,4	0,8	5,6	3,7	10,5	

Мужие.						Хозяева.					Прочие и неуказавш.
Уч.-контрольные.											
Кассиры.	Бухгалт., счетоводы.	Прочие.	Итого.	Прочие служ.	Всего служащ.	Армия.	В сельск. хоз.	Торговцы.	Прочие.	Итого.	
—	10,3	3,4	13,7	10,3	34,3	—	-		3,4	3,4	17,4
	-	—	-	6,7	13,4	—	3,3	—	—	3,3	10,0
4,2	12,5	4,2	20,9	8,2	37,5	—			—	—	25,0
2,0	6,1	—	8,1	22,5	34,7	6,1	4,1	-	2,0	6,1	22,5
	7,4	—	7,4	14,8	55,5	—	—	—	—	—	11,1
1,4	8,6	2,9	12,9	11,4	31,4	4,3	1,4	—	-	1,4	30,0
—	—	11,1	11,1	13,9	27,8		2,8	—	2,8	5,6	22,2
—	2,2	—	2,2	15,6	22,2	13,3	4,4	—		4,4	31,2
1,2	5,3	2,6	9,1	13,5	33,8	3,8	2,6	—	0,9	3,5	24,8
—	4,2	1,4	5,6	19,8	31,0		—	—	1,4	1,4	16,9
—	9,0	1,5	10,5	31,3	43,3	1,5	—	—	—	—	11,9
2,5	4,5	1,7	8,7	12,0	49,2	—	9,5	—	0,8	10,3	6,1
1,2	6,5	4,0	11,7	32,6	50,5	1,2	3,4	0,6	0,6	4,6	11,3
1,9	4,9	3,9	10,7	20,3	55,3	—	1,9	—		1,9	4,9
0,7	11,7	0,7	13,1	15,0	36,7	2,0	2,0	—	1,3	3,3	16,2
1,1	4,4	—	5,5	15,4	27,5	13,2	3,3		1,1	4,4	28,5
—	6,8	—	6,8	13,5	25,8	10,8	-	—	8,0	8,0	23,0
1,2	6,5	2,1	9,8	21,1	43,6	2,5	3,7	0,2	1,2	5,1	12,9
—	1,1	0,7	1,8	5,9	17,9	-	48,4	—	1,4	49,8	6,2
—	2,1	0,9	3,0	18,0	21,6	0,6	36,0	-			10,1
—	5,0		5,0	22,5	35,0	—	30,0	—	—	—	15,0
	1,7	0,7	2,4	11,6	21,4	0,2	42,5	—	0,7	43,2	8,3
0,8	4,6	1,7	7,1	16,6	34,2	1,9	17,3	0,1	1,0	18,4	13,1

Таблица № 5. Распределение групп растратчиков по занятиям, которые они имели 6 лет назад (в %%).

Где произведена растрата.	Всего растратчик	Рабочие.				Прислуга	Администр.	Техники.	Служащие.							Армия.	Хозяева.				Прочие и неуказавш.
		В сельск. хоз	В промышлен.	Прочие.	Итого.				Торговые.					Уч.-контрольные.								
									Зав. магаз	Агенты, уполном	Приказчики	Прочие.	Итого.	Кассиры.	Бухгалт., счетоводы.	Прочие.	Итого.	Прочие служ.	Итого служащ.		В сельск. хоз.	Торговцы.	Прочие.	Итого.	
Москва. Фабк.,местком.	100,0	—	10,4	3,4	13,8	3,4	6,9	—	—	10,4	—	3,4	13,8	—	3,4	3,4	6,8	13,8	34,4	27,7	—	—	—	—	13,8
Перв. коопер.	100,0	—	10,0	3,3	13,3	—	6,7	—	6,7	—	—	—	6,7	3,3	3,3	3,3	9,9	3,3	19,9	50,1	3,3	—	—	3,3	6,7
Коопер.союзы.	100,0	4,2	—	4,2	8,4	4,2	8,3	—	—	8,3	—	—	8,3	4,2	—	4,2	8,4	12,5	29,2	37,4	—	—	—	—	12,5
Админ.органы	100,0	—	4,1	—	4,1	—	6,1	2,0	—	4,1	—	—	4,1	4,1	4,1	—	8,2	22,4	34,7	44,9	—	—	—	—	8,2
Гос. торг. орг.	100,0	—	3,7	—	3,7	—	3,7	—	—	—	—	—	—	7,4	—	—	7,4	11,1	18,5	63,0	3,7	—	—	3,7	7,4
Гос. хоз. орг	100,0	—	8,6	1,4	10,0	—	7,1	4,3	—	—	—	2,9	2,9	1,4	12,9	1,4	15,7	11,4	30,0	32,9	—	—	—	—	15,7
Жил. товар.	100,0	—	5,6	13,9	19,5	2,8	2,8	—	—	—	—	8,3	8,3	—	—	2,8	2,8	8,3	19,4	44,4	2,8	—	—	2,8	8,3
Красн. армия.	100,0	—	4,4	—	4,4	—	2,2	—	—	2,2	2,2	2,2	6,6	—	—	—	—	15,6	22,2	62,2	2,2	—	—	2,2	6,8
Итого. . .	100,0	0,3	7,0	2,6	9,9	1,2	5,6	1,5	0,6	2,9	0,3	2,3	6,1	2,0	3,8	1,5	7,3	13,5	26,9	43,9	1,5	—		1,5	9,5
Другие города Фабк.,местком.	100,0	—	21,1	7,0	28,1	1,4	1,4	—	—	—	—	1,4	1,4	2,8	1,4	4,2	8,4	14,1	23,9	31,0	—	—	1,4	1,4	12,8
Профсоюзы. .	100,0	—	7,5	—	7,5	1,5	4,5	3,0	—	3,0	—	3,0	6,0	—	7,5	-	7,5	20,9	34,4	40,2	—	—	—	—	8,9
Перв. коопер.	100,0	—	9,5	1,7	11,2	0,4	7,4	1,7	2,5	0,8	4,5	7,9	15,7	3,3	2,5	1,7	7,5	7,4	30,6	42,6	2,8	—	—	2,8	3,3
Админ.органы.	100,0	0,3	5,0	0,3	5,6	—	8,0	5,6		1,6	0,6	1,9	4,1	2,8	4,7	2,8	10,3	21,0	35,4	36,6	1,6	0,3	—	1,9	7,5
Гос. торг. орг.	100,0	—	5,8	—	5,8	—	9,7	3,9	1,9	2,9	1,0	6,8	12,6	—	4,9	1,0	5,9	11,7	30,2	40,8	1,0	—	—	1,0	8,6
Гос. хоз. орг.	100,0	—	7,8	2,0	9,8	—	7,8	1,3	3,3	1,3	2,0	1,3	7,9	3,3	7,2	1,3	11,8	10,5	30,2	39,8	1,3	—	0,7	2,0	9,1
Красн. армия.	100,0	—	3,3	2,2	5,5	—	1,1	—	1,1	1,1	—	—	2,2	—	1,1	—	1,1	8,8	12,1	64,8	1,1	—	1,1	2,2	14,3
Обществ. орг.	100,0		4,0	—	4,0	1,4	4,0	1,4	—	1,4	—	1,4	2,8	—	5,4	—	5,4	4,0	12,2	56,8	—	—	4,0	4,0	16,2
Итого . .	100,0	0,1	7,4	1,3	8,8	0,4	6,6	2,8	1,2	1,4	1,5	3,4	7,5	2,1	4,3	1,7	8,1	13,3	28,9	42,0	1,4	0,1	0,5	2,0	8,5
Сельск. местн. Перв.коопер. .	100,0	0,5	5,9	0,9	7,3	0,7	4,5	0,9	0,5	1,8	3,2	0,9	6,4	1,1	1,4	0,9	3,4	6,6	16,4	36,4	28,6	—	0,7	29,3	4,5
Админ.органы.	100,0	0,3	4,6	1,6	6,5	0,9	7,6	1,2	0,3	0,9	0,9	0,3	2,4	—	1,2	0,9	2,1	14,0	18,5	39,0	20,4	0,3	—	20,7	5,6
Гос. хоз. орг.	100,0	5,0	—	—	5,0	—	10,0	7,5	2,5	—	—	—	2,5	-	7,5	—	7,5	7,5	17,5	35,0	15,0	—	—	15,0	10,0
Итого. . .	100,0	0,6	5,1	1,1	6,8	0,7	6,1	1,4	0,5	1,4	2,1	0,6	4,6	0,6	1,6	0,9	3,1	9,7	17,4	37,4	24,6	0,1	0,4	25,1	5,1
Всего. .	100,0	0,3	6,5	1,5	8,3	0,6	6,2	2,1	0,9	1,6	1,5	2,2	6,2	1,6	3,3	1,4	6,3	12,0	24,5	40,7	9,7	0,1	0,4	10,2	7,4

Таблица № 6. Распределение групп растратчиков по занятиям, которые они имели 3 года назад (в %%).

Где произведена растрата.	Всего растратчик.	Рабочие.				Прислуга.	Администр.	Технич. персон	Служащие.					Армия.	Хозяева.				Прочие и неукавш.
		В сельск. хоз.	В промышл.	Прочие.	Итого.				Торговые. Зав. склад. и магаз.	Агенты, доверен.	Приказчик.	Прочие.	Итого.		В сельск. хоз.	Торговцы.	Прочие	Итого.	
Москва. Фабк.,местком.	100,0	—	13,8	6,9	20,7	—	24,2	—		3,4		—	3,4						
Перв. коопер.	100,0	—	13,3	6,7	20,0	3,3	6,7	—	20,0	6,7	3,3	—	30,0						
Коопер.союзы	100,0	—	4,2	—	4,2	12,5	12,5	—	4,2	4,2		—	8,4						
Админ.органы.	100,0	—	4,1	2,0	6,1	—	8,2	2,0	—	10,2	—	-	10,2						
Гос. торг.орг.	100,0	—	7,4	—	7,4	—	3,7	—	11,1		3,7	7,4	22,2						
Гос. хоз. орг.	100,0	—	7,1	—	7,1	-	4,3	1,4		10,0	1,4	4,3	15,7						
Жил. товар.	100,0	—	5,6	2,8	8,4	5,6	5,6		—	—		5,6	5,6						
Красн. армия.	100,0			—	—	—	—	-	2,2	—	2,2	2,2	6,6						
Итого. . .	100,0	—	7,9	1,8	9,7	1,8	7,9	0,6	3,2	5,6	1,2	2,9	12,9	5,0	4,7	4,4	14,1	12,6	39,6
Прочие города. Фабк.,местком.	100,0	—	18,3	2,8	21,1	—	11,3	—	—	1,4	—	-	1,4	30,0	0,6	—	0,3	0,9	9,5
Профсоюзы. .	100,0	—	7,5	3,0	10,5	—	7,5	1,5	—	7,5	—	1,5	9,0	1,4	5,6	2,8	9,8	15,5	26,7
Перв. коопер.	100,0	0,4	6,2	2,1	8,7	0,4	11,2	2,1	5,4	3,7	5,0	9,5	23,6	28,2	—	—	1,4	1,4	11,3
Админ.органы.	100,0	0,3	2,2	—	2,5	—	14,6	5,9	—	2,5	0,3	2,2	5,0		4,5	3,0	7,5	23,8	40,3
Гос. торг.орг.	100,0	—	2,9	1,0	3,9	—	16,5	1,0	4,9	10,7	1,0	7,8	24,4	31,2	—	—	—	—	9,0
Гос. хоз. орг.	100,0	0,7	2,6	2,0	5,3	—	13,0	3,3	3,3	7,2	1,3	3,9	15,7	2,5	5,0	5,4	12,9	6,2	42,7
Красн. армия.	100,0	1,1	3,3	1,1	5,5	—	1,1	-	1,1	1,1	—		2,2	27,6	2,9		0,4	3,3	4,0
Обществ. орг.	100,0	—	2,7		2,7	1,4	12,2	5,4		1,4	—	—	1,4	3,7	6,3	3,7	13,9	21,7	40,6
Итого. . .	100,0	0,4	4,6	1,2	6,2	0,2	11,9	3,1	2,1	4,2	1,4	4,0	11,7	29,2	1,6	0,3	-	1,9	5,3
Сельск. местн. Перв. коопер.	100,0	0,9	4,8	1,1	6,8	0,5	10,7	0,9	1,4	1,8	5,5	1,6	10,3	1,9	6,8	1,9	10,6	9,7	14,7
Админ.органы.	100,0	0,3	2,4	0,3	3,0	—	12,8	3,7	-	2,1	0,6	1,5	4,2	28,2	-		—	—	5,7
Гос. хоз. орг.	100,0	2,5	—	2,5	5,0	—	15,0	2,5	7,5	2,5	—	5,0	15,0	3,3	12,4	7,2	22,9	9,8	48,4
Итого. .	100,0	0,7	3,6	0,9	5,2	0,2	11,8	2,1	1,1	2,0	3,2	1,7	8,0	24,2	0,7		—	0,7	5,1
Всего. .	100,0	0,4	4,8	1,2	6,4	0,4	11,3	2,4	1,9	3,6	2,0	3,0	10,5	—	2,2	—	2,2	7,7	12,1
														74,7	1,1	-	—	1,1	5,5
														—	4,1	—	4,1	17,6	23,1
														43,1	—	—	1,4	1,4	10,7
														2,3	6,3	3,7	12,3	14,0	38,0
														32,8	1,2	0,1	0,3	1,6	6,2
														1,4	0,5	0,7	2,6	8,0	20,9
														23,5	30,4	—	0,5	30,9	5,8
														1,2	1,2	2,1	4,5	18,9	27,6
														33,9	14,9	-	—	14,9	4,1
														2,5	7,5	—	10,0	7,5	32,5
														10,0	27,5		-	27,5	7,5
														1,4	1,1	1,2	3,7	12,4	24,1
														27,1	24,0	—	0,2	24,2	5,3
														2,4	4,2	2,9	9,5	13,2	33,2
														30,4	9,2	0,0	0,3	9,5	6,4

Таблица № 7. Распределение растратчиков по занятиям во время совершения растраты в связи с их обычным занятием в % к общему числу.

(Абсолютные величины поставлены в скобках).

Наименование должностей.	Всего растратчиков.	Рабочие.			Прислуга.	Администрац.	Технич. персон.	Служащие.										Армия.	Хозяева.			Прочие и неизвестные.
		В промышл.	Прочие.	Итого.				Зав. магаз.	Агенты и уполномоч.	Приказчик.	Прочие.	Итого.	Кассиры.	Бухгалтеры и счетовод.	Прочие.	Итого.	Проч. служащ.	Всего служащ.		В сельск. хозяйстве.	Прочие.	Итого.	
Зав. отдел. и секц.	100,0 (110)	25,4	2,7	28,1	—	9,1	9,1	—	—	2,7	5,5	8,2	—	5,5	1,8	7,3	31,8	47,3	0,9	—	—	—	5,5
Председатели . . . Секретари . . . Члены . . .	100,0 (43)	41,8	7,0	48,8	—	9,3	2,3	—	—	—	4,7	4,7	—	—	—	—	9,3	14,0	2,3	11,6	4,7	16,3	7,0
Зав. маг. и склад.	100,0 (112)	25,5	2,9	28,4	2,9	—	1,0	—	12,7	3,9	12,7	29,3	—	1,9	1,0	2,9	16,8	49,0	—	4,9	—	4,9	13,8
Агенты и комиссион.	100,0 (50)	28,0	8,0	36,0	—	—	2,0	—	6,0	10,0	4,0	20,0	—	2,0	2,0	4,0	22,0	46,0	—	4,0	2,0	6,0	10,0
Уполн. и доверен.	100,0 (48)	25,0	6,2	31,2	—	4,2	2,1	2,1	4,2	4,2	6,2	16,7	—	6,2	4,2	10,4	12,5	39,6	2,1	4,2	—	4,2	16,6
Приказчики . . .	100,0 (65)	13,8	6,2	20,0	—	4,6	—	—	43,1	6,2	49,3	—	—	1,5	—	1,5	4,6	55,4	—	15,4	—	15,4	4,6
Экспедиторы . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бухгалтеры . . .	100,0 (34)	2,9	—	2,9	—	2,9	2,9	—	—	—	—	—	58,9	2,9	61,8	14,8	76,6	2,9	2,9	—	2,9	8,9
Счетоводы . . .	100,0 (37)	10,8	2,7	13,5	—	—	—	—	—	2,7	2,7	—	18,9	13,5	32,4	37,8	72,9	2,7	2,7	—	2,7	8,2
Кассиры, казн. и др.	100,0 (89)	15,7	4,5	20,2	—	1,1	1,1	—	6,7	3,4	11,2	13,5	11,2	6,7	31,4	21,4	64,0	—	5,6	—	5,6	9,1

Весь этот процесс изменения занятий соответствует тому, что происходило с советскими работниками, вообще, *и в массе растратчики поэтому представляют совершенно нормальную группу.*

Если, например, московских растратчиков сравнить с московскими же ворами [1]), то можно видеть, что выше 10% среди воров были ко времени Октябрьской революции уже среди деклассированных элементов и лиц без определенных занятий, чего совсем нет среди растратчиков. В то время, как среди воров лишь немного больше 10% до Октябрьской революции были служащие, более чем $^1/_3$ растратчиков обычным своим занятием имели службу. Можно бы привести и другие данные, доказывающие, что растратчики со стороны социальной опасности представляли собой в прошлом вполне благонадежную массу, и социальный состав их соответствует социальной массе обычных советских работников.

Ранее судившихся среди них также почти нет.

Итак, таблицы о прошлом социальн. положении указывают, что в своем обычном занятии одна треть растратчиков были служащие и почти $^1/_3$ были рабочие. Но и служащие эти были в массе *не ответственные:* администраторы и зав. магазинами и складами встречаются среди растратчиков в незначительном числе, и всю массу растратчиков можно характеризовать, как пришедших из бывших низов.

Чтобы более выяснить этот вопрос, следует сравнить должности, на которых были произведены растраты с обычными довоенными занятиями растратчиков. В качестве примера можно взять хотя бы другие (кроме Москвы) города. Здесь в табл. № 7 можно видеть, что рабочие играют самую большую роль среди растратчиков, занимавших должности председателей, членов и секретарей разных организаций, затем агентов и комиссионеров, уполномоченных и доверенных и меньше всего среди специалистов: бухгалтеров, счетоводов, приказчиков, кассиров «Обычные» агенты и уполномоченные ко времени растраты успели сделаться зав. магазинами и складами и немногие сохранили старую должность. Иначе—с приказчиками. Занятые в этой должности до войны и ко времени растраты в громадной части были приказчиками, т.-е. не переменили своей должности. Довоенные кассиры и казначеи представляют собой единственную группу, которая не встречается в городах ни на каких должностях, кроме своей обычной профессии, и в этом отношении, как указывалось, их несколько напоминают приказчики. К этим старым специалистам следует присоединить бухгалтеров и счетоводов, которые в значительной массе совершили растрату на исконных должностях. Если припомнить, что растраты среди приказчиков, кассиров и счетоводно-бухгалтерского персонала не интенсивны, то надо полагать, *что многолетний стаж,* «искус» на одной должности-занятии *не может считаться благоприятствующим растратам,* а наоборот, как тоже можно было видеть, частая смена занятий совсем неблагоприятный симптом для целости денег.

[1]) «Преступный мир Москвы», стр. 159.

Возвращаясь к табл. № 7, можно заметить интересную разницу в занятиях до и во время растраты. Как уже говорилось, почти $^1/_3$ растратчиков, при том на ответственных должностях, бывшие рабочие, при том преимущественно рабочие в промышленности. Бывшие и ранее администраторами состояли и при совершении растрат в должностях заведующих и т. п. Довоенные агенты и уполномоченные во время растрат, как говорилось выше, сделались завед. магазинами, так же, как и часть бывших приказчиков, бухгалтеров и счетоводов. Как общий вывод, можно сказать, что *растратчики—люди, вышедшие из масс и занявшие более высокое, чем до революции положение, раньше не занимавшие столь ответственных должностей.*

Это же самое можно видеть и по данным о времени, с которого растратчики стали иметь подотчетные суммы. В общей массе растратчиков (все местности) меньше $^1/_3$ имели на руках подотчетные суммы до 1917 года, немного больше $^1/_3$ впервые получили таковые суммы в 1917—21 г.г. и значительная часть (36,4%) стали располагать подотчетными суммами после НЭП'а в 1922—25 г.г. Как показывает табл. № 8, среди московских растратчиков больше было лиц, до революции получавших подотчетные суммы, чем среди растратчиков в других городах, и всего меньше было таковых среди деревенских растратчиков. Но еще больше: присматриваясь к обычному занятию растратчиков, имевших подотчетные суммы до революции, можно видеть, что это бывшие приказчики, бухгалтерско-счетоводный персонал и др. мелкие торговые и учетно-контрольные служащие, рабочие, крестьяне (хозяева в с. х.). Бывшие администраторы и завед. магазинами и складами составляют ничтожную среди них часть. Таким образом, едва ли можно сказать, что даже эта часть растратчиков издавна привыкла к операциям большими суммами, а припоминая, что больше, чем на $^2/_3$ растратчики до революции не имели вовсе подотчетных сумм, следует признать, что в общем *растраченные деньги были вручаемы лицам, не привыкшим к операциям с деньгами,* и распоряжение суммами в общем было дня них делом новым, к которому они были *не подготовлены.*

Аналогичные данные получаются, если рассматривать образовательный ценз растратчиков. Как это видно из табл. № 9, правда, очень ничтожная часть растратчиков была совершенно неграмотная.

Вот сведения о некоторых из неграмотных растратчиков, занесенные на опросные листы с их слов другими лицами.

Ч.—сапожник, занимающийся этим ремеслом с детства до 22 лет В 1921 г. поступил в Заготовительную Контору Наркомпрода агентом и по истечении одного года работы совершил растрату в 150 р., как он говорит, на поддержание семьи.

Я.—с 1914 по 1921 г.г. кочегар на военно-морской службе. Ко времени растраты состоял председателем артели лесорубов. Проиграл 1.301 р. в игорных домах в пьяном виде.

Л.—до 25 лет крестьянин, а затем председатель Сельсовета. Растратил, по его словам, совместно с секретарем около 100 рублей.

Д.—с детства до 27 лет крестьянин, затем поселковый милиционер без оклада. По прошествии 1 месяца 15 дней службы принял участие

Таблица № 8. Годы получения под'отчетных сумм и обычное занятие.
(Абсолютные величины поставлены в скобках).

Годы.		Всего растратчиков.	Рабочие. В промышлен.	Рабочие. Итого[1].	Прислуга.	Администрация.	Техническ. перс.	Служащие. Торговые. Зав. маг. и склад.	Торговые. Агенты и доверен.	Торговые. Приказчик.	Торговые. Итого[1].	Уч.-контрол. Кассиры.	Уч.-контрол. Бухгалтеры и счетовод.	Уч.-контрол. Итого[1].	Всего служащих	Армия	Хозяева. В сельск. хозяйстве	Хозяева. Итого[1].	Прочие неизвестн.
Москва.	До 17 года	(266) 100,0																	
	С 17 по 21	40,6	5,3	6,1	0,7		3,8	0,7	1,1	2,6	6,8	0,7	4,5	7,1	21,1	2,3	0,3	0,7	5,6
	С 22 по 25	28,9	7,9	9,9	1,1	0,3	1,1	—	0,3	2,3	3,4	0,3	1,5	2,3	8,6	0,7	0,3	1,1	6,1
		30,5	9,4	12,1	—	—	0,3	-	—	0,3	1,1	—	1,1	1,1	6,5	0,7	0,3	0,7	10,2
Прочие города	До 17 года	(1006) 100,0																	
	С 17 по 21	29,1	3,7	5,0	—	1,4	2,4	0,3	0,5	3,7	6,0	1,0	3,5	5,2	16,8	1,2	0,4	0,8	1,5
	С 22 по 25	39,0	11,3	13,2	0,7	0,6	0,9	0,1	0,1	1,2	3,6	—	1,8	2,6	15,5	0,8	1,7	2,1	5,2
		31,9	9,2	10,6	0,4	0,3	0,7	0,3	0,1	1,5	3,0	0,2	1,1	1,5	11,5	0,5	1,1	1,6	6,3
Сельские местности.	До 17 года	(692) 100,0																	
	С 17 по 21	22,8	3,2	4,0	—	1,6	1,2	0,3	0,1	2,3	3,5	—	0,9	0,9	7,8	0,1	5,8	5,9	2,2
	С 22 по 25	32,0	8,2	9,9	0,4	1,2	0,7	—	0,3	0,7	1,7	—	0,1	0,7	6,9	—	10,5	10,5	2,4
		45,2	6,5	8,1	0,1	0,1	0,3	—	—	1,9	2,9	—	0,4	0,7	8,4	0,1	23,6	23,8	4,3
Все местности.	До 17 года	(1964) 100,0																	
	С 17 по 21	28,5	3,7	4,8	0,1	1,3	2,1	0,4	0,5	3,1	5,3	0,6	2,7	3,9	11,2	1,0	2,3	2,6	2,4
	С 22 по 25	35,1	9,8	11,6	0,7	0,8	0,9	0,1	0,2	1,2	2,9	0,1	1,3	1,9	11,6	0,5	4,6	4,8	4,2
		36,4	8,3	9,9	0,3	0,2	0,5	0,2	0,1	1,5	2,8	0,1	0,8	1,2	9,7	0,4	8,9	9,3	6,1

[1]) В том числе все прочие.

Таблица № 9. Распределение растратчиков по группам в связи с образованием (в %%).

(Абсолютн. величины поставлены в скобках).

	ГРУППЫ.	Всего растратчиков.	Образование												
			Неграмотн.	Только читает.	Низшее обр.				Среднее обр.				Высшее обр.				Образование неизвестно.
					Не закончено.	Закончено.	Неизвестно.	Итого.	Не закончено.	Закончено.	Неизвестно.	Итого.	Не закончено.	Закончено.	Неизвестно.	Итого.	
Города. Москва.	Фабкомы и месткомы . .	100,0 (29)	—	—	13,8	55,2	6,9	75,9	3,4	13,8	—	17,2	6,9	—	—	6,9	—
	Первичн. кооперат. . .	100,0 (30)	—	10,0	13,3	40,0	6,7	60,0	20,0	6,7	—	26,7	3,3	—	—	3,3	—
	Коопер. союзы	100,0 (24)	—	12,5	16,7	50,0	—	66,7	4,2	8,3	—	12,5	8,3	—	—	8,3	—
	Админ. органы	100,0 (49)	—	6,1	14,3	26,5	—	40,8	32,7	12,2	—	44,9	6,2	2,0	—	8,2	
	Гос. торг. органы . . .	100,0 (27)	—	3,7	14,8	40,8	—	55,6	22,3	11,0	3,7	37,0	—	—	3,7	3,7	—
	Гос. хоз. органы	100,0 (70)	—	1,4	14,3	32,9	5,7	52,9	24,3	15,7	1,4	41,4	4,3	—	—	4,3	—
	Жилищн. товарищ. . .	100,0 (36)	—	11,1	13,8	27,8	5,6	47,2	11,1	19,5	—	30,6	11,1	—	—	11,1	—
	Красная армия	100,0 (45)	—	—	15,6	42,1	—	57,7	22,2	13,4	—	35,6	2,2	4,5	—	6,7	—
	Итого	100,0 (342)	—	4,4	14,9	37,5	2,9	55,3	18,7	13,7	0,6	33,0	5,2	1,5	0,3	7,0	0,3
Прочие города.	Фабкомы и месткомы . .	100,0 (71)	—	1,4	22,5	16,9	33,8	73,2	9,9	7,0	4,3	21,2	2,8	—	—	2,8	1,4
	Профсоюзы	100,0 (67)	—	1,5	16,4	50,7	1,5	68,6	6,0	19,4	1,5	26,9	—	—	—	—	3,0
	Первичн. коопер. . . .	100,0 (242)	0,8	9,9	12,0	64,5	—	76,5	5,4	6,6	—	12,0	0,4	—	—	0,4	0,4
	Администр. органы	100,0 (322)	—	2,5	10,9	33,8	17,4	62,1	10,6	16,1	1,9	28,6	3,7	1,2	—	4,9	1,9
	Гос. торг. органы . .	100,0 (103)	—	5,8	21,4	41,7	6,8	69,9	7,8	6,8	1,0	15,6	1,9	—	—	1,9	6,8
	Гос. хоз. органы	100,0 (153)	0,7	5,2	19,6	35,3	3,9	58,8	11,1	17,0	—	28,1	2,6	2,0	—	4,6	2,6
	Красная армия	100,0 (91)	—	4,4	18,7	27,5	2,2	48,4	20,9	18,6	2,2	41,7	3,3	—	—	3,3	2,2
	Обществ. орган.	100,0 (34)	2,7	1,4	21,6	21,6	13,5	56,7	16,2	18,9	1,4	36,5	—	—	—	—	2,7
	Итого	100,0 (1123)	0,4	4,7	15,7	40,0	9,4	65,1	10,2	13,4	1,2	24,8	2,2	0,6	—	2,8	2,2
Сельские местности.	Первичн. коопер. . . .	100,0 (440)	0,7	18,2	11,9	61,8	1,1	74,8	3,6	2,5	—	6,1	0,2	—	—	0,2	—
	Администр. органы . . .	100,0 (328)	0,6	8,2	12,5	20,4	39,0	71,9	7,4	4,6	4,6	16,6	0,6	1,2	—	1,8	0,9
	Гос. хоз. органы	100,0 (40)	—	—	30,0	37,5	5,0	72,5	15,0	7,5	—	22,5		—	—	—	5,0
	Итого	100,0 (808)	0,6	13,3	13,0	43,8	16,8	73,6	5,4	3,6	2,0	11,0	0,4	0,5	—	0,9	0,6
	Все местности	100,0 (2273)	0,4	7,7	14,7	41,0	11,0	66,7	9,8	9,9	1,4	21,1	2,0	0,7	0,0	2,7	1,4

в растрате участковым милиционером 60 аршин мануфактуры и 11 бутылок спирта (контрабанда), которые они должны были сдать на таможню. Так как по существующим порядкам конфискованные вещи у них долго находились на руках, то и произошла растрата.

А.—самоучка-сапожник (может работать только подручным). Много лет был рабочим на крупном заводе, а потом сделался заведующим кооперативной заводской чайной. Участвовал в растрате 14700 р., произведенной в течение 6 месяцев Правлением, Ревизионной Комиссией и Бухгалтерией Кооператива. На вопрос, как предупреждать растраты, между прочим, советует: «членам правления и ревкомиссии реже посещать трактиры с вином и делать выпивки в присутствии рабочих; не брать на работу неграмотных на ответственную должность».

Более 4% растратчиков в Москве и городах и свыше 13% в сельских местностях были люди только читающие и около 15% растратчиков во всех местностях были с незаконченным низшим образованием. В общем, как и социальный состав, образовательный ценз растратчиков отражает на себе общий уровень населения: в Москве среди растратчиков % лиц со средним и высшим образованием выше, чем в других городах, а в сельских местностях еще ниже, чем в этих последних.

Присматриваясь к образовательному цензу отдельных групп растратчиков, можно заметить, что % лиц с низшим образованием преобладает в кооперации и фабкомах, только читающие (не умеющие писать) встречаются чаще, чем в других группах растратчиков, также в кооперации, но в фабкомах и месткомах таковых мало. Наконец, следует отметить повышенный сравнительно с другими группами % лиц с высшим образованием среди растратчиков в административных органах.

Таким образом, следует притти к выводу, что в громадной массе (¾) растратчики—лица, *имеющие только низшее* (часто незаконченное) образование или умеющие только читать.

Для того, чтобы выяснить в какой мере интенсивность растрат совпадает с образованием, можно сравнить данные об образовании растратчиков со сведениями об образовании служащих (можно сравнить только московские данные). Нижеследующая табл. № 10 и показывает количество растратчиков в местах заключения с низшим образованием отдельно от растратчиков с высшим и средним на 10.000 соответствующих служащих, имеющих то или иное образование (группы служащих, где был только 1 или 2 растратчика, отброшены).

Таким образом, с совершенной очевидностью видим, что во всех группах лица с низшим образованием растрачивают интенсивнее, чем лица со средним и высшим образованием, т.-е., возвращаясь к прежде высказанной мысли: *неподготовленные к оперированию суммами растрачивают их интенсивнее*. Забегая несколько вперед (см. табл. № 20), эту неподготовленность растратчиков в оперировании денежными средствами можно констатировать и на данных об отношении растраченной суммы к вообще имевшимся на руках суммам. Так, оказывается, что 24,2% (в сельских местностях 35%) растратчиков раньше не имели подотчетных сумм совершенно и растратили первую доверенную им сумму.

Таблица № 10. Распределение растратчиков по образованию.

Занятия растратчиков.	На 10.000 служащих было растратчиков.		
	Образование низшее.	Среднее и высшее	Итого.
I. Администрация.			
Нач. упр., завотдел., пред.	17,1	3,3	7,2
Зав. работ., хоз., трансп.	26,7	8,5	13,7
Управл., директ., зав. магаз. и совхоз.	43,9	27,3	32,8
Уполном., инсп., уч.-фин. инспектор	92,9	3,6	26,7
Предс. и член. местк.	262,2	76,9	206,8
Инструктора	36,9	8,7	20,4
Итого	46,4	9,3	20,3
II. Технический персонал.			
Техники	32,5	—	5,5
Товароведы, калькуляторы	8,5	11,2	9,7
Итого	13,5	4,2	7,7
Учетно-контрольн. персонал.			
Бухгалтера, счетоводы	24,1	8,8	15,3
Кассиры, инкассаторы	78,1	9,5	81,9
Делопроизводств. персонал.			
Секретари, чиновники для поруч.	100,7	10,0	40,0
Конторщики, регистраторы, писцы	32,3	—	19,4
Итого	40,9	3,5	20,3
Хозяйственный и торговый персонал.			
Агенты, закупщики, доверенные	62,1	26,2	49,5
Зав. складами, магаз., кладов.	83,3	37,5	70,1
Зав. и смотрит. зданий, коменданты.	71,9	—	44,7
Торговцы и приказчики	8,5		7,7
Экспедит., кладовщики	19,4	—	16,5
Итого	35,3	19,7	31,8

Рассматривая образовательный ценз по должностям, можно найти также ряд интересных цифр (в целях экономии места приводится только итоговая—по всем местностям—табл. № 11, а некоторые характерные для разных местностей цифры упомянем в тексте).

Среди московских растратчиков оказывается, например, что 4 зав. магаз. и складами (14.3%) умели только читать, а еще три были с незаконченным низшим образованием. Такое же отсутствие даже низшего образования наблюдается в большей мере у агентов и комиссионеров

Таблица № 11. Образование.

(Абсолютные величины поставлены в скобках).

Занятие по время совершения преступления.	Всего расхитителей.	Не грамотных.	Только читающ.	Низшее обр.				Средн. обр.				Высшее обр.				Образование неизв.
				Не закончил.	Закончил.	Неизвестн.	Итого.	Не закончил.	Закончил.	Неизвестн.	Итого.	Не закончил.	Закончил.	Неизвестн.	Итого.	
Зав. отделами, секц.	100,0 (257)	—	2,7	15,6	33,1	10,5	59,2	12,1	12,1	3,4	27,6	5,9	1,9	0,4	8,2	2,3
Председ. фаб. и местк.	100,0	1,2	11,4	15,7	39,9	15,3	70,9	7,0	5,5	1,6	14,1	1,0	0,4	—	1,4	1,0
Секретари	(509)															
Члены																
Зав. магаз. и склад.	100,0 (185)	1,1	9,7	12,4	60,1	3,2	75,7	7,1	3,8	0,5	11,4	—	0,5	—	0,5	1,6
Агенты и комис.	100,0 (116)	—	6,9	16,4	30,2	15,5	62,1	13,8	12,9	—	26,7	1,7	1,7	—	3,4	0,9
Уполном. и довер.	100,0 (92)	—	6,5	15,2	35,9	14,1	65,2	8,7	11,9	2,2	22,8	2,2	—	—	2,2	3,3
Приказчики	100,0 (245)	—	15,9	15,9	61,3	0,8	78,0	3,3	2,4	—	5,7	—	—	—	—	0,4
Экспедиторы	100,0 (12)	—	8,3	50,0	25,0	—	75,0	8,3	8,3	—	16,7	—				
Бухгалтера	100,0 (52)	—	—	5,8	32,7	3,8	42,3	17,3	32,7	—	50,0	5,8	1,9	—	7,7	—
Счетоводы	100,0 (71)	1,4	1,4	14,1	35,2	9,9	59,2	15,5	19,7	1,4	36,6	1,4	—	—	1,4	1,4
Кассиры, казнач.	100,0 (240)	—	2,9	12,9	45,4	13,3	71,6	9,6	10,8	1,7	22,1	2,1	—	—	2,1	1,3
Управдомами	100,0 (10)	—	—	10,0	30,0	—	40,0	10,0	40,0	—	50,0	10,0	—	—	10,0	—
Прочие	100,0 (484)	0,4	6,2	13,7	32,4	13,7	59,8	13,8	13,7	1,2	28,7	2,3	1,0	—	3,3	1,6
Итого	100,0 (2273)	0,3	7,7	14,6	41,0	11,0	66,6	9,8	9,9	1,5	21,2	1,9	0,8	0,0	2,7	1,5

Таблица № 12. Возраст, с которого начали иметь на руках подотчетные суммы.

(Абсолютные величины поставлены в скобках).

	Группы.	Всего расхитителей.	11—15 л.	16—20 л.	21—25 л.	Св. 25 л.	Неизвестно.
Город Москва.	Фабкомы и месткомы	100,0 (29)	6,8	31,1	38,0	20,7	3,4
	Первич. кооопер.	100,0 (36)	6,7	30,0	16,7	16,7	29,9
	Кооперативные союзы	100,0 (24)	4,2	37,5	37,5	16,6	4,2
	Административн. органы	100,0 (49)	—	26,6	26,5	38,7	8,2
	Государств. торгов. органы.	100,0 (27)	—	37,0	25,9	22,3	14,8
	Государств. хозяйств. органы	100,0 (70)	4,3	30,1	24,3	35,6	5,7
	Жилищн. товарищества	100,0 (36)	—	22,2	33,4	36,1	8,3
	Красная армия	100,0 (45)	2,2	17,7	33,3	11,1	35,7
	По всем группам	100,0	3,6	28,1	27,7	26,9	13,7
Другие города.	Фабкомы и месткомы	100,0 (71)	—	33,8	19,6	35,3	11,3
	Профсоюзы	100,0 (67)	4,5	25,5	34,2	29,8	6,0
	Первичн. кооперативы	100,0 (242)	4,2	22,7	23,2	44,9	5,0
	Административн. органы	100,0 (322)	3,1	29,8	27,7	28,8	10,6
	Государств. торг орг.	100,0 (103)	4,8	20,3	25,3	36,0	13,6
	Государств. хозяйств. орг.	100,0 (153)	4,0	27,5	29,5	26,0	13,0
	Красная армия	100,0 (91)	3,3	30,8	28,5	17,6	19,8
	Обществен. организации	100,0 (74)	4,1	36,4	32,5	17,5	9,5
	По всем группам	100,0	3,6	27,7	27,1	31,3	10,3
Села и местечки.	Первичные кооперативы	100,0 (440)	3,1	12,2	20,4	46,0	18,3
	Административные органы	100,0 (328)	3,6	21,1	31,4	29,0	11,9
	Государств. хозяйств. орг.	100,0 (40)	—	20,0	27,5	27,5	25,0
	По всем группам	100,0	3,2	17,4	25,2	38,1	16,1
	Все местности	100,0	3,4	24,1	26,6	33,1	12,8

Таблица № 13. Возраст, с которого начали иметь на руках подотчетные суммы (по должностям).

(Абсолютные величины поставлены в скобках).

Должность во время совершения преступления.	Всего растратчиков.	От 11—15 лет.	От 16—20 лет.	От 21—25 лет.	Свыше 25 лет.	Неизвестно.
Зав. отделами и секциями	100,0 (257)	2,4	28,1	36,2	25,6	7,7
Председ. фабкомов и месткомов, Секретари, Члены	100,0 (509)	3,4	22,2	27,1	39,3	8,0
Зав. магазинами и складами	100,0 (185)	5,4	22,3	20,6	38,3	13,4
Агенты и комиссионеры	100,0 (116)	5,2	31,0	25,0	26,7	12,1
Уполномоченные и доверенные	100,0 (92)	3,3	28,2	21,8	38,0	8,7
Приказчики	100,0 (245)	3,6	14,6	20,8	40,9	20,1
Экспедиторы	100,0 (12)	8,3	50,0	33,3	—	8,4
Бухгалтера	100,0 (52)	1,9	36,6	32,7	17,3	11,5
Счетоводы	100,0 (71)	1,4	26,7	35,3	21,1	15,5
Кассиры, казначеи	100,0 (240)	3,0	23,4	26,7	38,2	8,7
Управдомами	100,0 (10)	—	40,0	30,0	20,0	10,0
Прочие	100,0 (484)	3,7	24,3	25,1	27,2	19,7
Итого	100,0 (2273)	3,5	24,0	26,6	33,1	12,8

Таблица № 14. Распределение растратчиков по группам и партийности.

(Абсолютные величины поставлены в скобках).

Группы		На 100 растратч. было беспарт. и парт.			
		Всего.	Беспарт.	Коммун. и комс.	Неизвестно
Москва.	Фабкомы и месткомы	100,0 (29)	48,3	37,9	13,8
	Первичные кооперативы	100,0 (30)	70,0	23,3	6,7
	Кооперативные союзы	100,0 (24)	75,0	12,5	12,5
	Административн. органы	100,0 (49)	67,4	20,4	12,2
	Государств. торгов. органы	100,0 (27)	63,0	18,5	18,5
	Государств. хозяйств. органы	100,0 (70)	82,8	12,9	4,3
	Жилищные товарищества	100,0 (36)	69,5	19,4	11,1
	Красная армия	100,0 (45)	88,9	11,1	
	Итого	100,0 (342)	70,5	20,5	9,0
Прочие города.	Фабкомы и месткомы	100,0 (71)	35,2	59,2	5,6
	Профсоюзы	100,0 (67)	41,8	47,8	10,4
	Первичные кооперативы	100,0 (242)	72,3	26,9	0,8
	Административ. органы	100,0 (322)	68,9	28,3	2,8
	Государств. торговые орг.	100,0 (103)	67,0	30,1	2,9
	Государств. хозяйств. орг.	100,0 (153)	71,9	23,5	4,6
	Красная армия	100,0 (91)	59,3	29,7	11,0
	Общественные организации	100,0 (74)	48,6	41,9	9,5
	Итого	100,0 (1123)	61,0	31,6	4,4
Сельск. места.	Первичные кооперативы	100,0 (440)	71,1	18,4	10,5
	Административные органы	100,0 (328)	61,3	25,9	12,8
	Государств. хозяйств. орг.	100,0 (40)	67,5	20,0	12,5
	Итого	100,0 (808)	67,0	21,5	11,5
	Все местности	100,0 (2273)	66,0	26,4	7,6

Таблица № 15. Распределение растратчиков по партийности и годы получения подотчетных сумм.

(Абсолютные величины поставлены в скобках).

Место совершен. растрат, группа, партийность. / Годы получения подотчетн. сумм.	МОСКВА. Фабкомы и месткомы. Беспартийн.	Фабкомы и месткомы. Коммунист. и комсом.	Первичн. кооперат. Беспартийн.	Первичн. кооперат. Коммунист. и комсом.	Кооперативн. союзы. Беспартийн.	Кооперативн. союзы. Коммунист. и комсом.	Админ. органы. Беспартийн.	Админ. органы. Коммунист. и комсом.	Гос. торг. органы. Беспартийн.	Гос. торг. органы. Коммунист. и комсом.	Гос. хоз. органы. Беспартийн.	Гос. хоз. органы. Коммунист. и комсом.
До 1917 г. . .	53,8	11,1	62,6	16,7	62,6	—	30,0	62,5	60,0	40,0	49,1	—
С 1917—21 г.	38,5	11,1	18,7	50,0	18,7	33,3	33,3	—	13,3	40,0	29,1	44,4
С 1922—25 г.	7,7	77,8	18,7	33,3	18,7	66,7	36,7	37,5	26.7	20,0	21,8	55,6
Всего .	100,0 (13)	100,0 (9)	100,0 (16)	100,0 (6)	100,0 (16)	100,0 (3)	100,0 (30)	100,0 (8)	100,0 (15)	100,0 (5)	100,0 (55)	100,0 (9)

Место совершен. растрат, группа, партийность. / Годы получения подотчетн. сумм.	Жилищн. товар. Беспартийн.	Жилищн. товар. Коммунист. и комсом.	Красная армия. Беспартийн.	Красная армия. Коммунист. и комсом.	Итого. Беспартийн.	Итого. Коммунист. и комсом.	СЕЛЬСКИЕ МЕСТНОСТИ. Первичн. кооперат. Беспартийн.	Первичн. кооперат. Коммунист. и комсом.	Админ. органы. Беспартийн.	Админ. органы. Коммунист. и комсом.	Гос. хоз. органы. Беспартийн.	Гос. хоз. органы. Коммунист. и комсом.	Итого. Беспартийн.	Итого. Коммунист. и комсом.
До 1917 г. . .	33,3	—	44,0	25,0	47,1	19.6	28,3	21,1	21,9	9,6	55,0	40,0	26,9	15,9
С 1917—21 г.	38,1	57,1	40,0	25,0	29,8	31,4	26,7	30,3	33,9	44.6	25,0	40,0	29,5	37,8
С 1922—25 г.	28,6	42,9	16,0	50,0	23,1	49,0	45.0	48.6	44,2	45.8	20,0	20,0	43,6	46.3
Всего .	100,0 (21)	100,0 (7)	100,0 (25)	100,0 (4)	100,0 (191)	100,0 (51)	100,0 (251)	100,0 (76)	100,0 (183)	100,0 (83)	100,0 (20)	100,0 (5)	100,0 (454)	100,0 (164)

Место совершен. растрат, группа, партийность / Годы получения подотчетн. сумм.	ПРОЧИЕ ГОРОДА. Фабкомы и месткомы. Беспартийн.	Фабкомы и месткомы. Коммунист. и комсом.	Профсоюзы. Беспартийн.	Профсоюзы. Коммунист. и комсом.	Первичн. кооперат. Беспартийн.	Первичн. кооперат. Коммунист. и комсом.	Админ. органы. Беспартийн.	Админ. органы. Коммунист. и комсом.	Гос. торг. органы. Беспартийн.	Гос. торг. органы. Коммунист. и комсом.	Гос. хоз. органы. Беспартийн.	Гос. хоз. органы. Коммунист. и комсом.	Красная армия. Беспартийн.	Красная армия. Коммунист. и комсом.	Обществен. организ. Беспартийн.	Обществен. организ. Коммунист. и комсом.	Итого. Беспартийн.	Итого. Коммунист. и комсом.	ВСЕ МЕСТНОСТИ. Все группы. Беспартийн.	Все группы. Коммунист. и комсом.
До 1917 г. . .	13,0	9,5	21,7	15,3	32,9	20,0	40,2	19,3	48,4	27,6	46,4	12,1	20,0	23,1	19,4	10,3	36,0	17,4	34,4	17,2
С 1917—21 г.	47,8	40.5	21,7	26,9	30,3	48,3	38,7	50,0	28,3	34,5	34,0	60,6	55,6	53,8	22,6	51,7	35,0	46,8	32,3	42,7
С 1922—25 г.	39,2	50,0	56,6	57,8	36,8	31,7	21,1	30,7	23,3	37,9	19,6	27,3	24,4	23,1	58,0	38,0	29,0	35,8	33,3	40,1
Всего .	100,0 (23)	100,0 (42)	100,0 (23)	100,0 (26)	100,0 (158)	100,0 (60)	100,0 (194)	100,0 (88)	100,0 (60)	100,0 (29)	100,0 (97)	100,0 (33)	100,0 (45)	100,0 (26)	100,0 (31)	100,0 (29)	100,0 (631)	100,0 (333)	100,0 (1276)	100,0 (548)

(33%), уполномоченных и доверенных (50%), у приказчиков и экспедиторов (40%) и даже среди кассиров и казначеев таковых было 24%.

Еще в большей мере неграмотность растратчиков обнаруживается в прочих городах. Там попадаются неграмотные заведующие складами и магазинами. Только читающие (не умеющие писать) встречаются во всех должностях, кроме счетоводов, бухгалтеров и кассиров, а в сельских местностях только читающие встречаются даже и кассиры.

Лица с высшим законченным образованием крайне редки среди растратчиков, всего 16 человек на 2.273 человека (0,8%), а с незаконченным высшим 42 человека (1,9%). Эти лица встречаются чаще среди заведующих отделами, секциями и т. д., бухгалтеров и, наконец, как это ни кажется парадоксальным, несколько человек их среди агентов и комиссионеров (последнее показывает какой пестрый состав этих лиц).

Переходя теперь к возрасту, с которого растратчики стали получать на руки подотчетные суммы, можно видеть по общим итогам, что одной третьей части растратчиков только в возрасте старше 26 лет были впервые даны отчетные деньги. При этом, как и следует ожидать, среди московских растратчиков таких растратчиков меньше, чем в провинциальных городах, наибольший же % (38,1)—среди деревенских растратчиков.

Количество растратчиков, впервые получивших подотчетные суммы в возрасте старше 26 лет, особенно велико среди растратчиков в первичных кооперативах провинциальных городов и сельских местностей (в Москве — наоборот, кооперативные растратчики с раннего возраста оперируют подотчетными суммами).

Вообще, московские растратчики как в кооперации, так и в государственных хозяйственных органах, в меньшей мере в позднем возрасте стали иметь подотчетные суммы сравнительно с растратчиками из административных органов, госуд. хозяйственных органов и жилищных товариществ. По должностям (табл. № 13) повышенный % растратчиков с первым получением денег в возрасте свыше 26 лет встречается среди членов организаций, фабкомов, месткомов и т. д., заведующих магазинами, складами и приказчиков (здесь, однако, больший % и противоположной группы—имеющих подотчетные суммы в раннем возрасте), уполномоченных с доверенными и кассиров с казначеями.

Чтобы еще более уяснить состав растратчиков, остается рассмотреть их партийность.

В общей массе (табл. № 14) коммунисты и комсомольцы среди растратчиков составляют 26,4%, при чем в Москве и сельских местностях этот % ниже, а в провинциальных городах выше среднего. Повышенный % партийцев встречается среди растратчиков в фабкомах и месткомах, профсоюзах, а в деревне в административных органах, что очевидно об'ясняется большим абсолютным числом здесь работающих партийцев.

Табл. № 15 указывает время, с которого партийные и беспартийные растратчики стали иметь впервые подотчетные суммы. В 17 приведенных группах из 19 процент. лиц, получавших подотчетные суммы

до 1917 года, выше среди беспартийных, чем партийных (исключение представляют административн. органы в Москве и Красная армия в других городах).

Если сравнить год вступления в партию с годом получения впервые подотчетных сумм, то найдем следующее:

Таблица № 16.

Место совершения растраты.	Всего.	Подотчетные суммы получали до вступления в партию.	Подотчетные суммы получили впервые в год вступления в партию.	Подотчетные суммы впервые получили после вступления в партию.
Москва	100	34,4	13,1	52,5
Другие города . .	100	38,9	19,1	42,0
Сельск. местности .	100	38,1	19,4	42,5
Итого . .	100	38,1	18,5	43,4

Повсюду численность партийцев, имевших подотчетные суммы до вступления в партию, не достигает 40%.

Итоговая таблица № 17 (Москва, др. города и сельские местности вместе) показывает годы, с которых стали иметь подотчетные суммы беспартийные и партийные, при чем последние разбиты по партстажу.

На этом и можно бы покончить характеристику состава растратчиков, но есть еще один вопрос, связанный с должностью растратчиков—растраченная сумма. С этим моментом связывается опасность растраты и репрессии, как реакция на эту опасность.

В табл. № 18 показаны растраченные суммы по размеру их в %% к общему числу по видам растрат. Рассматривая итог по всем местностям, можно видеть, что группа от 50 до 100 рублей больше, чем предыдущая группа до 50 рублей, группа от 100 до 250 рублей еще значительнее. Если сложить все группы до 250 руб. и сравнить с ними группу 250—500 руб., то увидим, что этих более значительных растрат меньше. То же можно видеть и далее, чем крупнее (от 250 руб.) растраты, тем их меньше. Если сравнить данные о растраченных суммах по гор. Москве с приведенными в брошюре А. Стельмаховича [1]), то нельзя не признать, что приводимые в табл. № 18 суммы значительнее приведенных там. Несмотря на то, что данные А. Стельмаховича взяты из судебных производств (½ в стадии предварительного следствия), а представленные в табл. № 18—по показаниям растратчиков, эти последние превышают первые. С одной стороны, это лишний раз доказывает, что сведениям, данным растратчиками, можно доверять, а с другой,—что находящиеся в местах лишения свободы растратчики сидели за более

[1]) «Борьба с растратами».

Табл. № 17. Годы получения подотчетных сумм и вступления в партию.

С какого года стал иметь на руках подотчетн. суммы.	Всего растратчиков.	Беспартийных.	Год вступления в партию. Коммунистов и комсомольцев. До 1917 г.	С 1917 г.	С 1918 г.	С 1919 г.	С 1920 г.	С 1921 г.	С 1922 г.	С 1923 г.	С 1924 г.	С 1925 г.	Год неизвестен.	Итого.	Партийность неизвестна.
До 1917 г.	566	445	2	12	25	22	18	2	1	3	4	2	3	94	27
С 1917 »	127	82	3	15	5	5	6	1	—	2	3	—	1	41	4
» 1918 »	180	110	2	7	16	10	13	4	1	3	3	1	—	60	10
» 1919 »	141	77	1	1	13	18	10	2	2	3	3	—	1	54	10
» 1920 »	147	85	1	4	11	9	12	3	1	3	2	—	3	49	13
» 1921 »	109	63	—	—	3	11	11	5	1	4	2	—	1	38	8
» 1922 »	171	90	—	5	7	15	10	6	6	9	4	1	2	65	16
» 1923 »	205	120	—	3	7	10	10	5	5	7	7	1	5	60	25
» 1924 »	260	158	—	2	9	10	16	4	5	13	17	2	3	81	21
» 1925 »	85	58	1	—	1	4	2	—	1	2	4	2	1	18	9
Неизвестно	282	213	1	1	4	5	11	3	5	2	5	—	2	39	30
Итого	2273	1501	11	50	101	119	119	35	28	51	54	9	22	599	173

крупные суммы, чем вообще привлекавшиеся к ответственности, и таким образом значительная часть более мелких растратчиков до мест лишения свободы не дошла, и, следовательно, растратчиков, исследуемых в настоящей работе, следует рассматривать, как наиболее злостных.

Если теперь обратиться к табл. № 18, то по принятой здесь классификации, максимальный % растраченных сумм приходится на 1000—2500 руб. в Москве, 500—1000 руб.—в других городах и 100—250 р.—в сельских местностях. Следовательно, в Москве растраты крупнее, чем в других городах, а в этих крупнее, чем в сельских местностях, очевидно, в связи с теми суммами, которыми оперируют подотчетные лица в той или иной местности. То же можно видеть и по самым крупным и по самым мелким растратам: первых в Москве больше, чем в других городах, а в этих больше, чем в сельских местностях; обратное с мелкими суммами.

На основании табл. № 18 можно заметить также, что в общем растраченные суммы выше в кооперации, хозяйственных и торговых органах, нежели в административных органах или фабкомах, месткомах и профсоюзах. Однако, это превышение выступает недостаточно резко и, таким образом, растраченная сумма определяется не столько учреждением, где она произведена, как другими причинами.

Таблица № 18. Распределение растратчиков по группам (в %) в связи с растраченными суммами.

(Абсолютные величины поставлены в скобках).

	Группы.	Всего растратчиков	Растраченные суммы. До 30 р.	От 30—100 р.	От 100—250	От 250—500	От 500—1000	От 1000—2500	От 2500—5000	От 5000—10000	От 10000 и более.	Размер не устан.
Москва.	Фабкомы и месткомы.	100,0 (29)	—	—	20,7	10,4	31,0	17,2	13,8	—	6,9	
	Первичн. коопер.	100,0 (30)	—	—	6,7	13,3	20,0	23,3	16,7	3,3	—	16,7
	Кооператив. союзы	100,0 (24)	—	4,2	4,2	16,6	4,2	37,5	12,5	—	12,5	8,3
	Администр. органы	100,0 (49)	—	2,0	14,3	18,4	18,4	28,6	6,1	6,1	2,0	4,1
	Госуд. торгов. орг.	100,0 (27)	—	—	7,4	11,1	22,3	29,6	11,1	7,4	3,7	7,4
	Госуд. хоз. органы	100,0 (70)	1,4	—	7,1	10,0	17,1	28,7	15,7	10,0	4,3	5,7
	Жилищн. товар.	100,0 (36)	—	8,3	36,1	27,8	16,7	8,3	—	—	—	2,8
	Красная армия	100,0 (45)	8,9	4,4	11,1	17,8	13 3	11,1	4,4	2,2	—	26,8
	Итого	100,0	1,5	2,0	13,2	15,8	17,5	23,4	9,9	4,1	3,8	8,8
Др. города.	Фабкомы и месткомы.	100,0 (71)	1,4	8,5	19,7	25,3	28,2	12,7	—	1,4	—	2,8
	Профсоюзы	100,0 (67)	6,0	7,5	22,3	17,9	13,4	16,4		7,5	—	9,0
	Первич. коопер.	100,0 (242)	0,4	3,3	14,9	18,6	20,7	24,4	7,0	2,9	0,8	7,0
	Администр. орг.	100,0 (322)	6,9	6,5	19,6	17 1	17,9	13,6	6,9	3,7	2,2	5,6
	Госуд. торг. орг.	100,0 (103)	2,9	1,9	10,7	13,6	22,3	24,3	16,5	4,9		2,9
	Госуд. хоз. орг.	100,0 (153)	3,3	3,9	15,0	19,6	18,3	19,0	4,6	3,9	0,7	11,7
	Красная армия	100,0 (91)	10,9	8,8	15,4	17,6	17,6	7,7	2,2	3,3	1,1	15,4
	Обществен. организ.	100,0 (79)	5,4	6,8	28,4	18,9	17,5	16,2	2,7	—	—	4,1
	Итого	100,0	4,5	5,4	17,5	18,2	19,3	17,5	6,0	3,5	1,0	7,1
Сельск. местн.	Первич. коопер.	100,0 (440)	2,7	3,9	22,5	23,1	20,0	17,5	3,9	0,5		5,6
	Администр. органы	100,0 (328)	11,9	12,8	24,4	17,1	13,1	10,4	2,4	1,2	0,3	6,4
	Госуд хоз орг.	100,0 (40)	7,5	5,0	12,5	17,5	12,5	20,0	5,0	—	2,5	17,5
	Итого	100,0	6,7	7,5	22,8	20,5	16,8	14,8	3,3	0,7	0,2	6,7
	Все местности	100,0	4,8	5,7	18,7	18,7	18,2	17,4	5,6	2,6	1,1	7,2

Выше указывалось, что небольшим суммам, которыми оперируют массы служащих в сельских местностях, соответствуют и небольшие размеры растраченных денег. Табл. № 19 показывает, что размер этот определяется должностью. Если растрата в размере 100—250 руб. в общей массе является столь частой, то у заведующих отделами, секциями, магазинами, складами, агентов, комиссионеров, уполномоченных, доверенных, экспедиторов, бухгалтеров, кассиров и казначеев наибольшее число растрат приходится на более высокие суммы. Наоборот, у членов проф. организаций, счетоводов растраченные суммы ниже среднего уровня.

Таблица № 19. Растраченные суммы по должностям.

(Абсолютные величины поставлены в скобках).

Занятие во время совершения преступления.	Всего растратчиков	До 50 р.	От 50—100.	От 100—250.	От 250—500.	От 500—1000.	От 1000—2500.	От 2500—5000.	От 5000—10000.	От 10000 и более.	Размер не установлен.
Зав. отдел., секц. . . .	100,0 (257)	4,7	5,1	14,0	17,9	16,7	17,1	11,3	3,5	1,9	7,8
Пред. фабк. и местк. . Секретари . . . . . Члены	100,0 (509)	6,3	7,9	20,0	19,1	19,1	15,0	2,8	1,8	0,8	7,2
Зав. магаз., склад. . . .	100,0 (185)	1,1	3,2	9,7	13,5	20,5	33,0	7,0	1,6	1,1	9,3
Агенты и комис.	100,0 (116)	3,4	0,9	20,7	15,5	19,0	21,5	6,9	4,3	0,9	6,9
Уполн. и доверен. . . .	100,0 (92)	8,7	6,5	13,0	17,4	26,1	18,5	6,5	1,1	—	2,2
Приказчики	100,0 (245)	1,2	4,1	22,0	25,7	20,8	15,1	4,5	0,8	—	3,8
Экспедиторы	100,0 (12)	—	—	—	8,3	16,7	33,3	16,7	8,3	—	16,7
Бухгалтера	100,0 (52)	1,9	1,9	7,7	21,2	27,0	15,4	15,4	3,8	1,9	3,8
Счетоводы	100,0 (71)	4,2	5,6	32,5	18,3	19,7	12,7	—	—	—	7,0
Кассиры и казн.	100,0 (240)	4,2	3,3	18,8	18,3	15,9	20,0	5,4	5,8	3,3	5,0
Управдомами	100,0 (10)	—	—	30,0	20,0	30,0	10,0	—	—	—	10,0
Прочие	100,0 (484)	7,2	8,3	21,5	18,6	14,7	13,2	4,1	2,7	1,0	8,7
Итого . .	100,0 (2273)	4,8	5,7	18,7	18,7	18,3	17,4	5,5	2,6	1,1	7,2

Если в начале статьи можно были притти к выводу, что растрачивает чаще тот, у кого больше возможности, то теперь видно, что растрачивает *большие суммы тот, у кого больше возможностей:* заведующий магазином больше, чем приказчик, а бухгалтер больше, чем счетовод. То же можно наблюдать, если обратить внимание на растраты больших сумм: более 2.500 руб. не растратили счетоводы и управляющие домами. Замечательно, что агенты и комиссионеры, несмотря на малую, казалось бы, должность, умудряются растрачивать очень большие суммы.

Вот 2 биографии растратчиков со стороны социальной характеристики, впрочем неярко типичные: один растратил на ответственной должности 22½ тысячи рублей, другой—агент растратил 2.700 рублей.

Первый с высшим образованием (был на медицинском, окончил юридический факультет), с 16 лет, будучи гимназистом, умел содержать себя уроками, студентом был воспитателем в санатории для дефективных, гувернером—в частных домах, зарабатывал до войны около 100 руб. в месяц. По окончании ВУЗ—пом. присяжного поверенного, с войной работает в Земгоре. После революции работает в ВСНХ; в 1920 году уезжает в провинцию (работает по юстиции); в 1922 году возвращается в Москву и работает по снабжению 8 фабрик. Никогда не нуждался, тяжелых переживаний не имел. В 1923 г. сделался представителем в Москве одного крупного госуд. учреждения. Говорит, что сначала у него украли 500 руб., решил выиграть и проиграл 990 руб., с целью отыграться. Не отыгрался, положил на текущий счет 5.000 р., проиграл и их. Дальше потерял голову. Если бы не заявил сам, то мог бы до сих пор играть,— заявляет он,— так поставлен учет денег.

Второй окончил ремесленное училище, но с детства увлекался спортом и театром. Подолгу нигде не уживался и, главным образом, работал по электротехнике в разных театрах, цирках и т. д., переезжая с места на место по истечении нескольких месяцев работы. В 1922 году стал работать по кооперации в провинции; в 1923 году переехал в Москву и здесь устроился агентом. Сначала растратил немного, а потом стал утешаться на бегах (по его уверению, исключительно в силу «стремления от невежества к красивому и увлечения конскими состязаниями»). 2.700 руб. проскользнули незаметно.

Однако, как бы ни были велики растраченные суммы, судя по словам растратчиков, они имели бы возможность при желании растратить бо́льшие суммы.

Табл. № 20 и показывает отношение (в %) растраченной суммы к самой большей подотчетной сумме, когда-либо имевшейся на руках у растратчиков. Очень интересной здесь является графа «неизвестно» Когда растратчику ставится вопрос, какую самую большую сумму он имел когда-либо на руках, то для многих вставал вопрос, какое значение это имеет и не может ли ответ повлиять на участь растратчика в смысле продолжительности пребывания в месте лишения свободы. Если указать маленькую сумму, то получится впечатление, что была растрачена первая данная большая сумма—вывод неблагоприятный, с другой стороны, если ответить, что имели большие подотчетные суммы, встает вопрос,

как доверялись эти громадные суммы, можно заподозрить в правдивости—опять нехорошо. Поэтому наиболее осторожная, подозрительная часть растратчиков предпочитает на этот вопрос не отвечать.

Таблица № 20. Распределение растратчиков по должностям в связи с % растраченных сумм к самым большим суммам, имевшимся на руках.

(Абсолютные величины поставлены в скобках).

Занятие во время соверш. преступления.	Всего растратчиков.	Ранее на руках п/отч. сумм не имел.	До 10%.	От 10% — 20%.	От 20% — 30%.	От 30% — 40%.	От 40% — 50%.	От 50% — 100%.	От 100% и более.	Неизвестно.
Зав. отдел.	100,0 (257)	10,9	37,4	7,4	5,4	1,6	1,9	5,4	5,6	24,4
Председ. фабк. и мест. . . Секретари . . . . . Члены	100,0 (509)	28,7	27,2	6,7	4,7	2,4	1,2	6,5	5,4	17,2
Зав. магаз. и склад. . . .	100,0 (185)	25,4	23,8	5,9	4,9	3,2	2,7	5,4	9,2	19,5
Агенты и комис.	100,0 (116)	16,4	40,4	12,1	0,9	2,6	0,9	4,3	0,9	21,5
Уполн. и довер.	100,0 (92)	19,6	39,1	8,7	2,2	4,3	1,1	4,3	5,5	15,2
Приказчики	100,0 (245)	42,1	13,9	5,3	5,3	3,3	2,0	4,9	6,4	16,8
Экспедиторы	100,0 (12)	16,7	33,3	8,3	—	—	—	—	—	41,7
Бухгалтера	100,0 (52)	9,7	30,8	9,7	5,8	3,8	1,9	5,8	9,5	23,0
Счетоводы	100,0 (71)	21,1	36,6	9,9	9,9	2,8	—	2,8	2,8	14,1
Кассиры, казнач.	100,0 (240)	22,9	35,8	6,3	2,1	1,7	3,8	2,1	4,5	20,8
Управдомами	100,0 (10)	10,0	10,0	30,0	—	—	10,0	—	—	40,0
Прочно	100,0 (484)	23,1	25,5	7,4	4,5	3,7	1,8	5,0	8,0	21,0
Итого .	100,0 (2273)	24,2	28,7	7,3	4,4	2,8	1,9	4,9	6,0	19,8

И вот, всматриваясь в графу «неизвестно», можно видеть, что повышенный % неизвестных ответов приходится на заведующих отде-

лами, секциями, агентов, комиссионеров, экспедиторов, бухгалтеров, управдомами.

Если опять сравнить заведующих магазинами с приказчиками, а бухгалтеров со счетоводами, то увидим, что крупные растратчики отнеслись более подозрительно, чем мелкие служащие, и не могли не быть подозрительными агенты и комиссионеры.

Если принять во внимание, что $^1/_8$ растратчиков не дала сведений для суждения о соотношении между растраченной и самой большой подотчетной суммой, имевшейся на руках, то стоящий во второй графе %—24,2, следует увеличить на $^1/_8$, т.-е. почти $^1/_3$ растратчиков растратила первую доверенную сумму. Другая группа—растратившая больше, чем самая крупная подотчетная сумма, выданная им когда-либо (свыше 100%). Таковых набирается 6%. Присоединяя к этим двум третью группу—растративших 50—100% самой большой суммы—получаем, что 40% растратчиков растратили первые доверенные им большие относительно суммы и, таким образом, следует признать, что эта значительная часть была допущена до денег без достаточной осмотрительности.

$^1/_8$ растратчиков растратила до 10% самой большой суммы, полученной ими под отчет, при чем по разным должностям этот % изменяется. Если вспомнить, что заведующие отделами, агенты и комиссионеры, уполномоченные, доверенные и бухгалтера растратили большие суммы и растрачивают вообще чаще, то заявление их, нашедшее отражение в этой таблице, о том, что они растратили небольшую часть того, что бывало у них вообще на руках под отчетом (среди них имеются много растративших только до 10% самой большой суммы), должно поставить вопрос о возможных размерах растрат на этих должностях.

Отсюда практический вывод: *сугубая осторожность при допущении на эти должности и усиленный контроль именно здесь, пусть даже с ослаблением его на маленьких должностях.* В самом деле, как указывалось выше, счетоводы, например, растрачивают небольшие суммы и нечасто, а эта таблица указывает, что они растрачивали вообще небольшую часть того, что им доверялось.

Итак, заключительный вывод: растрачивают там и чаще и больше, где и у кого для этого было больше возможностей. Прошлое растратчиков было вполне благонадежное, но они не были подготовлены к оперированию подотчетными суммами, во всяком случае в той форме, в какой они были допущены к деньгам, и борьба с растратами необходима прежде всего путем тщательного подбора лиц, оперирующих деньгами, большого стажа, «искуса» и устремления контроля не за мелкими должностями, а за лицами, имеющими большие суммы и занимающими более ответственные с денежной стороны должности.

Детство и семейный быт растратчиков.

Во время обследования растратчиков, произведенного Институтом по изучению преступности и охватившего 2.273 человека, 600 заключенных в Московских исправдомах были обследованы при личном участии членов Института. Это личное обследование, во время которого приходилось лицом к лицу сталкиваться с живыми представителями интересующей нас категории правонарушителей, дало обследователю не только богатый цифровой материал, но и другой, более живой и яркий, связанный с личными впечатлениями. Этим личным впечатлением нам и хочется поделиться с читателем, тем более, что оно в пользу растратчика и резко выделяет его на фоне основного ядра тюремного населения, так называемой «шпаны», вынужденным сожительством с которой он сильно тяготится и на которую подчас горько жалуется. Бросались в глаза, в большинстве случаев, благообразные лица, грамотность (все обследованные в Московских исправдомах, за ничтожным исключением, сами заполняли анкеты), более культурный язык и обращение, какая-то необычайная порядливость и чистоплотность в одежде и почти всеобщее доверие к обследователю. Весьма возможно, что иногда это доверие умело разыгрывалось перед обследователем, но и полученные ответы свидетельствуют о большой искренности. Отвечали правду и на такие в настоящее время скользкие вопросы, как вопрос о происхождении: встречались дети священников, диаконов, офицеров, помещиков, капиталистов; правда, представителей последних двух групп совершенно ничтожное число. Затем характерно, что при вопросах о детстве, громадное большинство обследованных не жаловалось на свое детство и своих родителей, и никто из них не старался оправдать содеянное тяжелыми детскими годами. Но особенно ярко это доверие к обследователю проявилось не при анкетном, а при дополнительном личном обследовании, через которое прошло 20 человек, и которое носило характер дружеской беседы. Здесь люди, иногда постепенно, иногда почти сразу, раскрывались целиком, как будто бы радуясь случаю отвести душу. Один, интеллигентный, с высшим образованием человек, после такой беседы сказал обследователю: «На исповеди так не говорят» и прибавил, что сделал он это для науки «а еще потому, что ничего не жду от вас: ни хорошего, ни дурного». Другие заканчивали просьбой не разглашать полученных сведений. Правда, 12 человек, и в том числе группа из 10 интеллигентов, категорически отказались заполнить анкеты, даже при условии их анонимности.

При обследовании мы видели перед собой обычную обывательскую массу, которая заполняет улицы, трамваи, квартиры и, которая, по какой-то иронии судьбы, попала за тюремную решетку. Само собою разумеется, что этот мирно-обывательский облик растратчиков уже обусловлен самим характером преступления: ясно, что среди этой категории

заключенных не могли иметь места деклассированные элементы, а могли быть только лица, состоявшие на государственной, общественной или частной службе. Настоящее обследование обнаружило среди растратчиков такое незначительное число лиц, состоявших на частной службе, что заполненные ими анкеты не подверглись отдельной статистической обработке; остальные, т.-е. состоявшие на государственной или общественной службе, представляют собою две большие, хотя и не одинаковые группы городских (64,4%) и сельских (35,4%) растратчиков, которые в значительной степени отличаются друг от друга как по внешнему виду, так и по бытовым условиям. Городские растратчики представляют по своему служебному положению весьма пеструю картину: первое место по количеству принадлежит служащим в административных органах: их оказалось 25,5% из всей массы городских растратчиков; затем идут служащие в первичных кооперативах—18,5%; в государственно-хозяйственных органах—15%; красноармейцев—9,2%; служащих в государственно-торговых органах—8%; в фабкомах и месткомах—7,5%; еще меньшее число дали сотрудники общественных организаций (Доброхим, Доброфлот и пр.)—5,8%; сотрудники профсоюзов—5,5%; наконец, сотрудники кооперативных союзов дали только 1,7% и прочие—0,4%. Растратчики из сельских местностей гораздо более единообразны: среди них оказалось сотрудников первичных кооперативов — 54,4%; административных органов — 40,6% и государственно-хозяйственных органов — 4,9%. Представители остальных групп или отсутствовали, или их было совершенно ничтожное число.

Но не только общественное положение растратчиков в момент совершения преступления обусловливает их отличие от основного ядра заключенных; корни его заложены глубоко в детстве растратчика, которое также отражается и на его семейном быту. Так как нами замечено весьма существенное различие между городскими и сельскими растратчиками, подкрепленное цифровыми данными, то мы разобьем всю массу обследованных на эти 2 основные группы, не сохраняя проведенного при статистической обработке материала дробного деления на профессии, в целях избежания дробления цифровых данных, и соблюдая это деление там, где замечалось существенное различие между отдельными профессиональными группами.

Итак, городские растратчики, как мы видели выше, представляют собою весьма пеструю картину по своим служебным профессиям и охватывают собою самые разнообразные отрасли государственного и общественного организма.

Таблица № 1.

Общее число.	Детей крестьян.	Детей рабочих.	Детей служащих.	Детей промышленников.	Детей представ. интел. профессий.	Детей военных.	Детей служ. религиоз. культа.	Детей домашней прислуги.	Детей помещиков и капитал.	Неизвестных.
1148	37,5	36,7	15,5	2	1,2	0,7	0,6	0,2	0,1	4,6

Довольно значительный процент дали дети служащих, совсем небольшой процент дети торговцев и промышленников, а представители остальных социальных группировок дали весьма незначительные, иногда и ничтожные цифры; хотя, возможно, что они отчасти скрываются за 4,7%, не ответивших на предложенный вопрос о происхождении.

Подтверждением того, что большая часть городских растратчиков происходит из крестьянской семьи, является то обстоятельство, что 44,3% их проводили свое раннее детство до школы в деревне. Недостающие 6,8% прежде всего восполняются детьми рабочих, которые сами жили и работали в городах и промышленных центрах, в то время как их семья проживала в деревне. Такое разделение семьи весьма тяжело отражалось на детстве обследованных нами лиц, так как им, если они оказывались старшими, уже очень рано приходилось заменять отсутствующего отца в деревне и помогать матери справляться с полевыми работами: «8—9-ти лет стал работать в поле», «8-ми лет пахал, 9-ти лет косил с матерью», «14-ти лет работал за взрослого». Такие сведения сообщались неоднократно, и говорилось это не с жалобой на тяжелые условия, а скорее с некоторым чувством гордости своим трудовым детством. Остальные городские растратчики, росшие в деревне, были детьми сельских учителей, священников, дьяконов; были и дети помещиков. Эти уже не говорили о ранних работах в поле, а рассказывали о заботе и ласке родителей, о веселых играх с деревенскими ребятишками, о рождественской елке, о книгах, которые имелись в доме и которые рано прочел. Но тяжелые условия детства вызываются не только уходом отца на заработки, а, прежде всего, смертью одного или обоих родителей, и обследованные нами городские растратчики представляют собою в этом отношении весьма печальную картину: оказывается, что больше половины их, а именно 56,5% осиротели до 17 лет, в эту цифру вошли и круглые сироты, и потерявшие отца или мать. У некоторых это сиротство началось чрезвычайно рано:

Таблица № 2.

Общее число осиротевших до 17 лет.	Возраст осиротения.			
	Менее 10 лет.	От 10—13 лет.	От 14—17 лет.	Неизвестно.
827	27,2	30,0	37,0	5,8

Были никогда не видевшие отца и родившиеся уже после его смерти, были потерявшие мать до 3 лет, были круглые сироты в грудном возрасте. Не осиротевших до 17 лет было всего 35,5%, а 8% на вопрос не ответили; так что возможно, что процент сирот был еще выше. Особенно большой процент рано осиротевших дала Москва—60,8%.

Однако, несмотря на то, что большинство обследованных нами лиц осиротели в детском или отроческом возрасте, только 2,3% росли не в родной семье.

Таблица № 3.

Общее число городских растратчиков.	Где воспитывались.				
	В родной семье.	В чужой семье.	В воспитат. заведении.	Были беспризорными.	Неизвестно.
1465	97,4	1,9	0,2	0,2	0,1

Осиротевшие дети или оставались на попечении овдовевших родителей, или, при круглом сиротстве, брались на воспитание ближайшими родственниками. И характерно, что несмотря на эту высокую цифру рано осиротевших и на то, что подавляющее большинство городских растратчиков вышло из самых необеспеченных классов населения, где при большой материальной и жилищной нужде трудно воспитывать ребенка, все же огромное большинство их указывало на доброжелательное к ним отношение в детстве со стороны родителей или воспитателей.

Таблица № 4.

Общее число городских растратчиков.	Отношение родителей или воспитателей.					
	Доброжелательное.	Безразличное	Среднее.	Суровое.	Рос без присмотра.	Неизвестное.
1465	66,8	5,1	13,9	6,1	3,5	4,6

Однако, мы не должны обманываться таким высоким процентом доброжелательного отношения и успокоиться относительно детства большинства городских растратчиков, почтя его благоприятным; этому предположению противоречила бы весьма высокая цифра раннего труда на стороне, связанного с дурным влиянием и эксплоатацией и вытекающего уже из социального положения родителей; очевидно, большинство обследованных нами лиц учитывало и ценило и те крохи ласки и внимания, которые выпали на их долю в родном доме. Но все же более или менее внимательное отношение со стороны родителей к городскому растратчику в детстве обнаруживается таблицей образования.

Таблица № 5.

Общее число городских растратчиков	Образование.															
			Низшее.				Среднее.				Высшее.					
	Неграмотных.	Полуграмотных.	Законченное.	Незаконченное.	Неизвестно.	Всего.	Законченное.	Незаконченное.	Неизвестно.	Всего.	Законченное.	Незаконченное.	Неизвестно.	Всего.	Неизвестных.	
1465	0,3	4,6	39,4	15,5	7,9	62,8	13,5	12,1	1,1	26,7	1,0	2,8	—	3,8	1,8	

Оказывается, что за ничтожным исключением городские растратчики посещали школу и даже весьма большой процент их учился в средних учебных заведениях; из учившихся в средних и даже высших учебных заведениях были не только дети городских, но и сельских родителей, для которых такое образование ребенка было связано с гораздо большими затратами и материальными жертвами. Сын оренбургского казака, проживавшего в станице и имевшего бахчи, так рассказывает о своих детских годах: «Дети жили в городе и все учились; в городе снимали комнату и кухню в подвале, а мать наезжала к нам на несколько дней». Само собою разумеется, что это содержание детей в городе и наезды к ним матери, привозившей им продовольствие и оставлявшей на несколько дней свое хозяйство, были большой материальной жертвой со стороны родителей. Другой, сын бедного крестьянина, тоже рассказывает о том, как он, окончив сельскую школу, 2 года учился дальше на звание сельского учителя, и не мог закончить образования, так как отец более не в силах был платить 8 рублей в год за ученье. Сын сельского диакона, окончивший школу второй ступени, рассказывал, как он жил в городе на квартире у чужих, которым надо было платить за его содержание, и т. п. Неоднократно указывалось, что родители, также и из крестьян и рабочих, посылали детей в школу и следили за посещением уроков: «Отец строго следил за учением» Правда, иногда применялись для поощрения не вполне педагогические меры: «Мать порола за пропущенные уроки». Вообще, порка встречалась довольно часто: «Отец, вообще, порол». «За всякий пустяк сильно наказывали... били». Это говорили крестьяне; но интеллигентные родители иногда прибегали к таким же способам воздействия: «Мать требовала, чтобы отец высек» (мальчик убежал на войну). «За шалости в школе наказывали, и от матери попадет: нашлепает». «Дядя хотел меня ударить» (мальчик рос без отца). А иногда подчеркивалось: «Мать меня пальцем не тронула». Иногда эта порка применялась не только в целях педагогического воздействия, но вызывалась пьяным буйством

отца: «Отец страдал запоем и был буен, даже когда был трезв; бил мать. Больно было смотреть; часто это бывало; от этого мать и умерла; и детей тоже бил». «Отец пил запоем; когда напивался, сходил с ума; бил мать и детей». Вообще, на отцовский алкоголизм указывалось неоднократно, при чем иногда подчеркивалось, что отец пьяный никого не трогал; иногда говорилось, что отец, хотя и буйствовал в пьяном виде, но «хозяйства своего не пропивал и держал в исправности»; а иногда слышалось и обратное: «Ни с чем не считался, все продавал за бесценок... крестьянство падало». Так говорили дети крестьян и рабочих, но и дети интеллигентных родителей тоже иногда не были избавлены от алкоголизма отцов: у одного мать ушла от мужа-офицера из-за его пьянства, когда обследуемому было 3 года; другой так говорит о своем детстве: «Отец часто выпивал и бывал сильно пьян; допивался до белой горячки; лечили его. Два раза пропадал, и мать его разыскивала. Когда выпьет немного, брал меня с собой в пивную и угощал пивом, лет с 7. А когда не пьян, хороший интеллигентный человек». И дальше: «Папаша с мамашей ссорятся (мать бранила его за пьянство), да отец пьяный кричит. От детства гнетущее впечатление». И все же, несмотря на шлепки матери и пьянство отца, на вопрос об отношении родителей к нему в детстве, отвечает: «Родители относились хорошо». И характерно, что говоря о дефективности отца, обычно подчеркивали достоинства матери: «Мать—редкий человек». Говорили о том, как мать на своих плечах выносила все хозяйство и руководила воспитанием детей. «Мать сильнее отца—это она пустила меня учиться». Иногда, несмотря на наличие доброжелательного отношения со стороны родителей к ребенку и несмотря на заботу о нем, он все же, благодаря условиям жизни и труда родителей, рос без присмотра. Так: интеллигентный, с высшим образованием, обследуемый рассказывал о том, как мать, овдовевшая, когда ему было 9 месяцев, стала работать модисткой в магазине, при чем уходила в 8 часов утра, а приходила в 8 часов вечера, и ребенок целый день оставался один. «Убегал на улицу; играл с ребятишками в орлянку, ну и ругались... и прочее». И в дальнейшем, хотя мать и отдала его 7 лет в детский сад, за который, при своем скудном 40-рублевом жаловании, платила 10 рублей в месяц, где он обучался иностранным языкам, и дальше, когда он учился в среднем учебном заведении, он, благодаря службе матери, все же оставался без присмотра: «Уроков не учил, за чтением не следил никто, 12 лет начал пить: здорово пил! Почти каждый день; тут же возле училища была пивная, и в большую перемену ходили пить; пили пиво и водку. Однажды, во время отсутствия матери на службе, пытался покончить самоубийством: начитался Арцибашевых, не видел цели в жизни. Пришел из училища, с'ел две котлеты, припер дверь комодом—и повесился. Дядя ко мне пошел, услышал хрип, взломал дверь.—Два месяца была полоса на шее». И все же: «С 13 лет от матери не было тайны—все ей говорил; и самое интимное».

Итак, мы подчеркиваем, что указание на доброжелательное отношение со стороны родителей или воспитателей не всегда обеспечивает благоприятное детство. Но само собою разумеется, что у сирот и полусирот детство будет значительно хуже. Если мы, для избежания повто-

рения, возьмем общую массу всех городских и сельских растратчиков, то картина отношений в детстве у сирот и не-сирот окажется следующей:

Таблица № 6.

Общее число всех растратчиков, кроме неизвестных.		Отношение родителей или воспитателей.					
		Доброжелательное.	Безразличное.	Среднее.	Суровое.	Рос без присмотра.	Неизвестное.
Не-сирот.	916	78,7	1,5	12,3	2,5	1,4	3,5
Осиротевших до 17 лет . . .	1180	64,4	6,4	14,4	6,9	3,3	4,6

Само собою разумеется, что осиротевшие в детские и отроческие годы гораздо чаще встречали безразличное и суровое отношение со стороны своих воспитателей и больший процент их рос без присмотра. Вышеприведенный пример может послужить прекрасной иллюстрацией этому положению. Также сильно отразилось раннее сиротство на образовании. Из таблицы № 5 явствует, что не все, обучавшиеся в школах, закончили свое образование; и характерно, что чем выше образование, тем выше процент неокончивших.

Таблица № 7.

Общее число всех растратчиков.	Не закончивш. низшего образования.	Не закончивш. среднего образования.	Не закончивш. высшего образования.
2273	15,3	46,3	69,3

Если мы возьмем общую массу всех растратчиков и проследим соотношение между сиротами и не сиротами, то окажется, что среди осиротевших до 17 лет, как и следовало ожидать, процент незакончивших школу будет значительно выше.

Таблица № 8.

Общее число всех растратчиков.		Образование.													
		Неграмотных.	Полуграмотных.	Низшее.				Среднее.				Высшее.				Неизвестно.
				Законченное.	Незаконченное.	Неизвестно.	Всего.	Законченное.	Незаконченное.	Неизвестно.	Всего.	Законченное.	Незаконченное.	Неизвестно.	Всего.	
Не-сирот .	916	0,2	8,9	43,4	13,6	8,8	65,8	11,9	8,7	0,9	21,5	0,9	1,5	—	2,4	1,2
Осиротевш. до 17 л. . . .	1180	0,4	6,7	40,8	15,3	10,9	67,0	9,0	10,7	1,6	21,3	0,7	2,4	—	3,1	1,5

Ясно, что смерть одного или обоих родителей парализовала возможность продолжать образование. Один из обследованных, интеллигентный человек, не закончил высшего образования, которое добывал себе сам, учась и служа в Минске: «После смерти отца, бросил университет и уехал в Москву». Пришлось содержать оставшуюся после отца семью. Другой, бывший полковник, в 9 лет потерявший отца-кондуктора, рассказывал, как он добывал себе среднее образование, с 10 лет разнося по утрам булки до школы, а после, служа в конторе и сдавая экзамены экстерном.

Вообще, в отношении ранней работы на стороне, наши городские растратчики не представляют благоприятной картины. Как это видно из ниже приведенной таблицы, почти одна четвертая часть их стала работать на стороне с 13 лет и моложе, и процент начавших работать после 17 лет, сравнительно, невысок.

Таблица № 9.

Общее число городских растратчиков.	Начало работы вне семьи.				
	13 лет и моложе.	От 14—15 л.	От 16—17 л.	Старше 17 л.	Неизвестно.
1465	24,4	18,7	18,8	17,9	20,2

Однако, очевидно, что большая часть работавших на стороне все же проживала дома или получала помощь от родных, так как возраст начала самостоятельной жизни значительно выше, особенно, если мы сравним графы начала работы и самостоятельности с 13 лет и моложе—

Таблица № 10.

Общее число городских растратчиков.	Начало самостоятельной жизни.				
	13 лет и моложе.	От 14—15 л.	От 16—17 л.	Старше 17 л.	Неизвестно.
1465	15,2	17,1	25,0	39,4	3,3

и старше 17 лет; также надо отметить, что вторая таблица гораздо отчетливее предыдущей, так как процент не ответивших на вопрос здесь весьма не велик. Однако, необходимо констатировать, что в отношении Москвы и в этом вопросе дело обстоит значительно хуже.

Таблица № 11.

Общее число московских растратчиков.	Начало самостоятельной жизни.				
	13 лет и моложе.	От 14—15 л.	От 16—17 л.	Старше 17 л.	Неизвестно.
342	18,7	16,4	27,5	33,6	3,8

Оказывается, что 18,7% всех московских растратчиков уже с 13 лет и моложе стояли на своих ногах. Наибольшая нужда большого города, связанная с распадом семьи и вынужденным уходом всех ее членов, от мала до велика, на работу, сказалась и на детстве растратчиков. Но особенно сильно сказалось на возрасте начала трудовой и самостоятельной жизни сиротство.

Таблица № 12.

Общее число всех растратчиков (кроме неизвестных).		Начало работы вне семьи.				
		13 лет и моложе.	От 14—15 л.	От 16—17 л.	Старше 17 л.	Неизвестно.
Не-сирот	916	14,2	9,9	15,5	26,7	33,7
Сирот .	1180	27,9	20,8	18,5	12,0	20,8

Таблица № 13.

Общее число всех растратчиков (кроме неизвестных).		Начало самостоятельной жизни.				
		13 лет и моложе.	От 14—15 л.	От 16—17 л.	Старше 17 л.	Неизвестно.
Не-сирот	916	4,8	8,7	18,3	62,8	5,4
Сирот .	1180	19,2	20,2	27,1	28,6	4,9

Из приведенной таблицы явствует, что именно сиротство оказалось главнейшей причиной раннего труда обследованных нами лиц, и хотя труд не всегда носил особенно тяжкий характер,—были и такие, что содержали себя уроками,—но все же для многих он был таковым. Оказывается, что 41,6% городских растратчиков обучались ремеслам, при чем только 14,4% из них обучались в школе, очень небольшой процент дома—9,4%, а все остальные у хозяина—40,6%, или на фабрике—33,6%. Из них огромное большинство обучалось весьма продолжительный срок.

Таблица № 14.

Общее число обучавшихся ремеслам среди городских растратчиков.	Срок обучения.			
	Менее 1 года.	От 1—2 лет.	3 года и более	Неизвестно.
609	3,8	21,0	63,2	12,0

У каких ремесленников и на каких заводах обучались по нескольку лет городские растратчики в детстве и какие трудовые навыки вынесли они из своей ранней трудовой жизни?

Таблица № 15[1]).

Общее число городских растратчиков, обучавшихся ремеслам.	Каким ремеслам обучались.																	
	Слесарно-механики и электро-механики.	Столяры, маляры, плотн., стекольщ., кровельщ., деревообдел.	Сапожники и портные.	Приказчики и официанты.	Типографы и переплетчики	Колбасники.	Кожевники и меховщики.	Конторские служащ.	Ткачи.	Камнщики и бетонщики.	Музыканты, художники, артисты.	Парикмахеры.	Садовн., гонч., водн., винод., токари, корзинщ., обойщики.	Горнорабочие.	Мясники	Химики.	Прочие и неизвест.
609	38,9	12,8	7,6	6,4	5,4	4,1	3,6	3,6	2,5	2,1	1,5	1,3	1,3	1,0	0,8	0,5	6,6

[1]) В эту таблицу вошли только обучавшиеся данному ремеслу с детства.

Таблица № 16.

Общее число обучавшихся ремеслам.	Насколько сведущи.		
	Работает самостоят.	Под руководством.	Неизвестно.
609	64,4	28,7	6,9

Итак, 30,9% всех городских растратчиков проводили свои детские годы в учебе у сапожников, портных, столяров, маляров, парикмахеров, даже мясников и проч., или работали мальчиками в конторах, магазинах, ресторанах, задыхаясь в продушенной атмосфере парикмахерских или растлевающей обстановке отдельных кабинетов, или росли под грохот и лязг сталелитейных заводов, залезали в шахты, сгибались над типографским станком. А условия, в которых проходила в прежние годы такая «учеба», достаточно освещены и наукой, и произведениями искусства. Один из наших обследованных, поступивший 10-ти лет на фабрику, так описывает картину своей трудовой жизни: «Фабрика была недалеко от деревни, но ночевать приходилось там, потому что утром встанешь—темно, а кончишь вечером поздно». И вот за этот трудовой день от зари до зари (работал зимой) мальчик получал 1½ рубля в месяц, а на вопрос, как обращались с ним на фабрике, отвечает: «Других мальчиков били, меня нет; так... иногда, как водится, по затылку». Сколько таких неизбежных шлепков по затылку, а может быть и похуже, перенесли наши обследованные за свои ученические годы? Небольшой процент городских растратчиков—3,9%—обучался дома; здесь условия, конечно, были лучше, но и здесь не все обстояло благополучно: сын живописца-богомаза, рассказывая о своем обучении у отца в Москве, сообщает: «Даст рисунок; не выполнишь—нашлепает; жилось с ним тяжеловато». И даже лицам, получившим высшее образование, приходилось добывать его уроками, чертежными работами и проч. И уже студент последней формации, комсомолец, сын Выксунского рабочего, рассказывает о тягостных годах рабфака на стипендии в 1921 году: «1 фунт хлеба, и селедки, и картошка мерзлая;—и было грязно: казенное белье—одна смена в год; мыла купить не на что; стирали в холодной воде. Книг не было. Жили в общежитии: в небольшой комнате 6 человек». Было ему тогда 16 лет. Все эти подробности подкрепляют ранее высказанную нами мысль, что нельзя предаваться оптимизму при взгляде на таблицу, указывающую, что 97,4% росли дома и 66,8% видели в детстве благожелательное отношение в семье. Но все же и эти цифры говорят многое: они говорят о том, что ребенок, придя с фабрики или завода, или отработав свой трудовой день у хозяина, в огромном большинстве случаев возвращался в родную семью, где он видел: и ласку, и внимание; иногда это были не родители, а другие ближайшие родственники, взявшие на себя попечение об осиротелом

или далеко уехавшем от родного дома ребенке: «12-ти лет уехал на фабрику за 120 верст от нашей деревни; жил у замужней сестры, и она следила за мной до женитьбы». Также из таблицы образования ясно, что к детям было внимательное отношение. Главной же причиной этой ранней трудовой жизни была смерть, унесшая одного или обоих родителей, или же нужда, обусловленная социальным положением родителей, так как 90% их были трудящимися, при чем 74,4% происходили из беднейших классов населения. «14 лет приехал в Москву и стал учиться у отца портновскому ремеслу и одновременно служил рассыльным на бегах; на бега поступил, чтобы помочь семье; зарабатывал 12 рублей в месяц».

В большинстве случаев обследованные говорили о своих родителях с уважением и благодарностью, и если это не всегда удавалось по отношению к отцам, то тем охотнее подчеркивались достоинства матери, как это мы видели выше. Один из заключенных, студент, сын рабочего, даже с некоторой гордостью рассказывал о своей удивительно крепкой крестьянской старообрядческой семье, в которой прадед умер недавно 110 лет от роду, 80-летний дед ныне сам справляется со своим наделом и не потерял ни одного зуба, а вся семья из нескольких поколений жила вместе в огромном постепенно разраставшемся доме; диссонанс в эту дружную земледельческую семью был внесен отцом опрашиваемого, ушедшим на завод рабочим. Далее он рассказывал, как он и его четыре брата сами добывали себе высшее образование, иные до, иные после революции, и, может быть, благодаря ей.

Жизнь в родной семье, связанная с участием и насколько возможным надзором, оказывала благоприятное влияние на обследованных в смысле сдерживающего начала, и вынужденный отрыв от семьи, в виде военной службы, сказывался очень резко. Именно на военную службу как в старой армии, так и теперь, указывали обследуемые, как на начало знакомства с алкоголем и с женщиной, и некоторые из них ставили это явление в прямую связь с уходом из родного дома: «Из родительских рук прямо в чужую обстановку; предложили выпить—ну и стал».

Это воспитание в семье, в родном доме, подавляющего большинства городских растратчиков оставило след в их душе и наложило отпечаток на их мировоззрение, их привычки и вкусы. И они, как только становились на ноги, сами торопились обрасти «домком и семьей». Из общего числа городских растратчиков, женатых оказалось 74,3% и только 17,5% холостых; остальные группы дали совершенно незначительные цифры: холостых, состоящих в фактическом сожительстве, было 2,2%, вдовых—1,0%, разведенных—3,0%, женатых, живущих раздельно—0,9%, разведенных, фактически сожительствующих—0,2%, имеющих, кроме официальной семьи, другую—0,1% и 0,3% не ответивших на вопрос. Уже эти данные, показывающие почти полное отсутствие ненормальных брачных состояний среди растратчиков, свидетельствуют о том, что они в огромном большинстве случаев были хорошими семьянинами. Физиономия жен, к сожалению, не была освещена массовым обследованием, но при индивидуальном обследовании мы кос-

нулись и этого вопроса. Обычно, у интеллигентных мужей были и жены, окончившие гимназию; некоторые добавляли, что жена играет на рояли или знает иностранные языки; у неинтеллигентных жены были крестьянками или работницами; однако, революция внесла изменение в это единообразие: недавно заключенные браки давали соединение неинтеллигентных мужчин с интеллигентными женщинами, и, наоборот, интеллигентные мужчины женились на работницах. И все же, несмотря на такое различие, никто из них не жаловался на семейные отношения и, напротив, подчеркивалось полное согласие; также и нижеприведенная таблица покажет, что семейные отношения городских растратчиков в огромном большинстве случаев не оставляли желать лучшего. Это подтверждается и поведением жен во время ареста мужей: все они, по словам обследованных, лишившись своих кормильцев и оказавшись в очень тяжелом материальном положении, храбро борятся с нуждой и на последние крохи приносят мужьям передачу.

Так как дети являются залогом и более или менее верным показателем прочности семьи, то и в этом отношении подтверждаются «семейные добродетели» растратчиков: бездетных среди всех городских растратчиков, в том числе и холостых (17,5%), оказалось только 37,6%; у всех же остальных были дети и даже у 33,8% более одного ребенка.

Таблица № 17.

Общее число городских растратчиков.	Число детей.				
	Бездетных.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно
1465	37,6	27,8	17,4	16,4	0,4

Соотношение же между брачным состоянием и количеством детей выразится в следующих цифрах:

Таблица № 18.

Общее число городских растратчиков.	Семейный быт.														
	Женатые.					Холостые в факт. сож.					Вдовцы.				
	Бездетные.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно.	Бездетные.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно.	Бездетные.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно
1465	21,6	34,7	22,3	20,7	0,2	35,8	21,9	7,3	2,4	2,4	23,5	47,0	5,8	23,5	—

Общее число городских растратчиков.	Семейный быт.									
	Разведенные.					Женатые, живущие раздельно.				
	Бездетные.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно.	Бездетные.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно
1465	47,7	22,7	11,3	15,4	2,5	46,1	15,3	23,0	15,3	—

Само собою разумеется, что большого числа детей нельзя искать в уже развалившейся или неустановившейся прочно семье, и мы видим, что холостые, живущие в фактическом сожительстве, дают наибольший процент бездетных и наименьший процент большого числа детей; та же картина, хотя и не так резко, повторяется у разведенных, живущих раздельно, и, наоборот, женатые дают сравнительно малый процент бездетных и высокий процент многодетных; то же мы видим и у вдовцов, у которых распад семьи произошел по причинам, не лежащим внутри этой семьи. Итак, в огромном большинстве случаев городские растратчики являются семейными, имеющими на руках одного или нескольких человек детей, и чаще всего отношение к семье было хорошим.

Таблица № 19.

Общее число городских растратчиков.	Отношение к семье.			
	Хорошее.	Среднее.	Плохое.	Неизвестн.
1465	66,6	8,2	6,2	19,0

Следует обратить внимание на весьма низкий процент плохого и среднего отношения, хотя возможно, что они отчасти скрываются за большим процентом неответивших на вопрос. Заботливость и любовь к детям проявилась и в индивидуальном обследовании городских растратчиков. Один мучается мыслью, не передал ли он своему сыну сифилиса, который он сам получил в наследство от своих родителей и который обнаружился уже после рождения сына; другой, женившийся на легкомысленной женщине, после того, как она родила от него ребенка, нянчится с ним во время постоянных отлучек матери, не спит с ним ночей и следит за тем, чтобы мать кормила его грудью.

Но наличие детей и в особенности большое число их, являясь показателем большей социальной устойчивости данного суб'екта, вместе

с тем может служить показателем и его большей нуждаемости, тем более, если у него на руках окажутся не только его дети, но и другие ближайшие родственники. Что же представляли собою наши обследованные в отношении общего числа иждивенцев?

Таблица № 20.

Общее число городск. растратч.	Общее число иждивенцев.				
	Не было иждивенц.	1 иждивенец.	2 иждивенца.	3 и более.	Неизвестно.
1465	9,2	10,6	21,2	54,8	3,9

Из приведенной таблицы явствует, что только 9,2% обследованных не имели иждивенцев, а большинство было даже обременено ими. Еще почти мальчиками, как только становились мало-мальски на ноги, брали на себя попечение о матерях-вдовах, о младших братьях и сестрах. Полусирота, 16-ти лет устроившийся на службу за 25 рублей в месяц, тотчас же выписывает к себе мать, и потом, рассказывая о ее смерти, когда уже был женатым офицером, говорит: «Со смертью матери потерял самое дорогое в жизни». Другой, сын крестьянина-алкоголика, рассказывая о том, как он окончил учительскую семинарию и получил место в сельской школе, добавляет: «Мать моя умерла. Надеялся взять ее к себе, чтобы дать ей отдохнуть». Студент бросает университет в Минске, где он служил и учился, и едет в Москву, где ему предложили более выгодное место, так как умер отец, и ему приходится содержать мать и сестер: «После смерти отца мать осталась без всяких средств с двумя девочками. Живет в Гомеле с младшей сестрой и теперь. Я им помогал. Старшая сестра приехала в Москву учиться; первое время помогал и ей; она жила у меня. Сразу свалилось очень много забот, а я еще был очень молод, и было очень тяжело». Итак, большинство городских растратчиков представляют собой семейных и обремененных семьею лиц. Отношение же к членам семьи, как мы уже видели, в большинстве случаев было хорошее. Доброе семейное отношение отражалось и на количестве иждивенцев: чем лучше отношение, тем больше семья.

Таблица № 21.

Общее число всех растратчиков.	Отношение к семье.	Общее число иждивенцев. Абсолютн. цифры.	Нет иждивенцев.	1 иждивенец.	2 иждивенца.	3 и более	Неизвестно.
2273	Хорошее . .	1598	3,1	9,0	19,3	66,5	1,9
	Среднее . .	160	5,0	10,6	27,5	55,0	1,8
	Плохое . .	132	9,0	12,8	20,4	53,0	1,8
	Неизвести.	383	5,3	2,1	2,7	5,8	1,0

Очевидно, более заботливые и с лучшим характером люди охотнее брали на себя попечение о своих родственниках.

Эти хорошие семейные отношения особенно показательны, если мы вспомним о жилищном кризисе в городах и особенно в Москве и заглянем в таблицу жилищных условий обследованных нами лиц.

Таблица № 22.

Общее число городских растратчик.	Жилищные условия. Квартира.	1 комната	Угол у знаком. или в общежитии.	Почлежный дом.	Без определенного местожит.	Неизвестно.
1465	46,6	44,0	7,6	—	0,2	1,6

Картина получится рельефнее, если мы выделим Москву и другие города и сопоставим таблицу жилищных условий с таблицей общего числа иждивенцев.

Таблица № 23.

	Общее число иждивенцев. Абсолютные числа.	Нет иждивенцев.	1 иждивенец.	2 иждивенца.	3 и более.	Неизвестно.	Жилищные условия	Квартира.	1 комната.	Угол у знаком. или в общежитии.	Почлежный дом.	Без определенного местожительства.	Неизвестно.
Москва . .	342	11,8	9,6	21,0	55,8	1,8	Москва . .	30,1	57,9	9,4	—	—	2,6
Города . .	1123	8,5	11,0	21,3	51,4	4,8	Города . .	51,6	39,8	7,1	—	0,3	1,2

Как видно из таблицы, жилищные условия московских растратчиков были значительно хуже прочих городских, при сравнительно одинаковом числе иждивенцев. Если же мы разобьем обследованных нами лиц на категории, в зависимости от должности, на которой они совершили растрату, то самыми многосемейными окажутся служащие первичных кооперативов (см. сводную таблицу), очевидно, потому, что и возраст у них наиболее высокий, здесь и наименьший процент холостых, и наименьший процент разведенных, и наибольший процент многолетности и большого числа иждивенцев. Однако, жилищные условия этой

категории растратчиков несколько хуже жилищных условий служащих в административных органах, у которых, наоборот, семья значительно меньше; они дали значительно высший процент холостых и наибольший процент разведенных; у них и гораздо меньшее число детей и число иждивенцев. То же несоответствие между большим числом членов семьи и значительно худшими жилищными условиями замечается и при сравнении сотрудников государственно-хозяйственных органов с сотрудниками административных органов. Наиболее низкий процент многосемейности дали, исключая красноармейцев, сотрудники фабкомов и месткомов и, главным образом, за счет Москвы; они же оказались и самыми молодыми; но и жилищные условия у них соответственно значительно хуже общего числа городских, в отношении наименьшего процента имеющих квартиру и наибольшего процента живущих в углу у знакомых или в общежитии. Но, как и следовало ожидать, рекорд в смысле наибольшего процента холостых, наименьшей многодетности и худших жилищных условий побили красноармейцы; однако, процент наибольшего числа иждивенцев и у них значительно высок. Итак, у огромного большинства городских растратчиков жилищные условия были весьма тяжелы: жили по 2, по 3 и более человек в одной комнате с малыми детьми; а при таких условиях весьма трудно сохранять добросемейные отношения, да еще брать к себе в дом других иждивенцев.

Если же мы перейдем к материальным средствам растратчиков, выразившимся в месячном бюджете на одного члена семьи, то картина получится еще печальнее: оказывается, что 69,7% всех городских растратчиков имели на каждого члена семьи менее 30 руб. в месяц, при чем 54,2% менее 20 руб. и 22%, повидимому, буквально голодали, так как имели на каждого члена семьи менее 10 руб. в месяц. Цифры месячного бюджета варьируются в зависимости от занимаемой должности, и самыми неимущими, повидимому, в значительной степени благодаря своей многосемейности, оказались сотрудники первичных кооперативов, а самыми зажиточными — представители фабкомов и месткомов, у которых меньше всего было иждивенцев. И все же, несмотря на наибольшее число членов семьи, на дурные жилищные условия и самый низкий бюджет, лучшие отношения к семье были у сотрудников первичных кооперативов; и, наоборот, сотрудники административных органов, при меньшем числе иждивенцев и лучших условиях жизни, дали картину значительно худшего отношения к членам семьи. Такое несоответствие между материальными условиями и семейными отношениями может показаться странным, но если мы взглянем на таблицу отношения к этим категориям растратчиков в детстве, то увидим, что это несоответствие корректируется другим явлением: если растратчик видел в детстве к себе больше внимания и участия, он, обзаведясь своей семьей, в свою очередь хорошо относится к ней, и наоборот, чем хуже отношение в детстве, тем хуже и отношение к семье. Единственное нарушение в эту закономерность вносят сотрудники московских фабкомов и месткомов, но, может быть, только благодаря незначительному числу их. Подмеченная нами закономерность подчеркивает роль и значение правильного воспитания в детстве.

Обсуждение вопроса о причинах растраты не входит в нашу тему, но если мы вспомним о многосемейности большинства городских растратчиков, вспомним наличие хорошего отношения к семье и для огромного большинства низкую цифру заработка, то вывод напрашивается сам собой.

Сельские растратчики представляют собой, как мы уже говорили выше, гораздо более однообразную картину: это, прежде всего, сотрудники кооперативов, затем государственно-хозяйственных органов; сотрудников же административных органов весьма незначительное число; и это служебное единообразие гармонирует и с единообразием происхождения. Огромное большинство их вышло из крестьянской семьи; гораздо меньше детей рабочих, детей служащих уже весьма мало, а остальные группы дали сравнительно совершенно ничтожные цифры, за исключением детей представителей интеллигентных профессий (т.-е. сельских учителей) и служителей религиозного культа.

Таблица № 24.

Общее число сельских растратчиков.	Происхождение.									
	Дети крестьян.	Дети рабочих.	Дети служащих.	Дети торговцев и промышленников.	Дети представит. интеллигентных профессий.	Дети служителей религиозного культа.	Дети военных.	Дети домашней прислуги.	Дети помещиков и капиталистов.	Неизвестные.
808	73,6	13,2	5,4	1,0	0,9	0,9	0,1	0,1	—	4,3

Это была серая крестьянская масса, в которой тонули представители других групп, почти не отличаясь от нее. Эта серость выражалась и во внешнем виде, и в гораздо большем числе неграмотных и особенно полуграмотных; да и анкеты, заполненные грамотными, часто дают не совсем вразумительные ответы.

Таблица № 25.

Общее число сельских растратчиков.	Образование												
	Неграмотных.	Полуграмотных.	Низшее.				Среднее.				Высшее.				Неизвестных.
			Закончили.	Незакончившие.	Неизвестно.	Всего.	Закончили.	Незакончившие.	Неизвестно.	Всего.	Закончили.	Незакончившие.	Неизвестно.	Всего.	
808	0,6	13,1	43,8	13,0	16,8	73,6	3,6	5,7	1,9	11,2	0,5	0,4	—	0,9	0,6

Огромная часть наших обследованных этой категории, т.-е. 85%, свое детство до школы прожила в деревне, и только 12,5% жили в городе; 2,5% на вопрос не ответили. Многие так и не выезжали из деревни, а те, кого уводила военная служба или отхожий промысел, после снова возвращались домой. Эта жизнь в деревне явилась главной причиной того, что несмотря на большую безграмотность и некультурность, эта категория растратчиков дала еще гораздо лучшие условия детства и семейного быта, нежели предыдущая. Здесь и меньший процент сирот (43,7% при 48,9% не-сирот и 7,4% неизвестных), и более хорошее отношение в детстве, и меньшее число беспризорных; а также более поздний возраст начала работы на стороне и самостоятельности.

Таблица № 26.

Общее число осиротевших до 17 лет.	Возраст осиротения.			
	Менее 10 лет.	От 13 лет.	От 14–17 лет.	Неизвестно.
353	24,1	34,6	28,6	12,7

Таблица № 27.

Общее число сельских растратчиков.	Где воспитывались.				
	В родной семье.	В чужой семье.	В воспитат. заведении.	Были беспризорными.	Неизвестно.
808	97,9	1,7	0,2	0,1	—

Таблица № 28.

Общее число сельских растратчиков.	Отношение родителей или воспитателей.					
	Доброжелательное.	Безразличное.	Среднее.	Суровое.	Рос без присмотра.	Неизвестно.
808	74,5	2,8	13,6	3,6	1,2	4,3

Таблица № 29.

Общее число сельских растратч.	Начало работы вне семьи				
	13 лет и моложе.	От 14—15 лет.	От 16—17 лет.	Старше 17 лет.	Неизвестно.
808	19,1	12,0	12,9	18,2	37,8

Таблица № 30.

Общее число сельских растратч.	Начало самостоятельной жизни.				
	13 лет и моложе.	От 14—15 лет.	От 16—17 лет.	Старше 17 лет.	Неизвестно.
808	10,0	12,7	20,9	47,6	8,8

Само собою разумеется, что в крестьянской семье, где ребенок легче найдет себе работу в своем же хозяйстве, меньше надобности отсылать его из дома; но все же некоторый процент сельских растратчиков работал в детстве у хозяев-ремесленников и на фабрике, как это видно из нижеследующей таблицы. Хотя, по всей вероятности, это были, главным образом, дети рабочих, каковых среди сельских растратчиков было 13,2%.

Таблица № 31.

Общее число сельских растратч.	Где обучались ремеслу.					Обучались ремеслу.	Не обучались ремеслу.	Неизвестно.
	В школе.	На дому.	У хозяина.	На фабрике.	Неизвестно.			
808	1,6	8,0	13,9	6,2	—	29,7	69,9	0,4

Таблица № 32.

Общее число обучавшихся ремеслу сельских растратчиков.	Срок обучения.				Насколько сведущ.		
	Менее 1 года.	От 1—2 лет.	3 года и более.	Неизвестно.	Работает самостоят.	Под руководством.	Неизвестно.
240	2,1	27,9	55,8	14,2	60,0	33,8	6,2

Таблица № 33.

Общее число сельск. растрат., обучавш. ремеслу	Каким ремеслам обучались.														
	Слесарно-механики и электро-техники.	Столяры, маляры, плотники, стекольщики, кровельщики, деревообдел.	Сапожники и портные.	Кожевники и меховщики.	Каменщики и бетонщики.	Конторские служащие.	Колбасники и булочники	Садовники, гончары, водники, виноделы, токари, корзиночники, обойщики.	Приказчики и официанты.	Типографы и переплетчики.	Музыканты художники, артисты.	Токари.	Мясники.	Горнорабочие.	Парикмахеры.	Химики.	Прочие и неизвестные.
240	23,8	22,9	18,3	5,0	4,6	4,2	4,2	4,2	3,8	2,8	1,3	1,3	0,8	—	—	—	2,8

Однако, все же процент обучавшихся в детстве ремеслу у хозяина или на фабрике в несколько раз ниже такового у городских; также здесь больше, чем вдвое процент обучавшихся на дому, да и по роду ремесла замечается значительное различие: гораздо меньше изучивших слесарно-механическое ремесло и почти вдвое больше столяров, маляров, плотников; также более, чем вдвое сапожников и портных. В шахтах из сельских растратчиков не работал в детстве никто.

Более хорошее отношение родителей у сельских растратчиков обусловлено самим бытом деревенского ребенка, когда он с 8—9 лет начинает пахать и косить и уже является работником и полезным членом семьи.

Однако, такой ранний труд в поле, хотя и гораздо менее вредный для здоровья, чем работа в мастерской или на фабрике, все же бывает иногда непосилен для ребенка и не проходит ему даром, как мы увидим из последующего примера. Да и к словам о благожелательном отношении в детстве и здесь надо отнестись критически и не строить на основании их предположений об абсолютно хорошем детстве. При оценке его применялась иногда удивительно снисходительная мерка. Так, например, не жалуется на свое детство З. Он подкидыш и был найден на полотне железной дороги незадолго до прохода поезда и отправлен в Московский Воспитательный Дом, а оттуда передан на воспитание в деревню крестьянам. У приемных родителей З. были только девочки, и потому они охотно взяли его на воспитание, в качестве будущего кормильца. Эти девочки и няньчились с ним. Об отношении к нему приемных родителей он говорит так: «Пожаловаться не могу; иногда попадало за шалости, но сильно не били. Других детей в той же деревне сильно били, и их отбирали». Вскоре, после приема З., у его родителей стали рождаться мальчики, и когда родился третий, они решили отказаться от З. и вернуть его в Воспитательный Дом; но сестра, няньчившая его, стала просить за него и убедила родителей тем соображением, что мальчик уже подрос и скоро будет работником в семье. Когда З. исполнилось 7 лет, приемный отец умер. 8 лет он поступил в школу, но проучился только 2 года, так как 10 лет был отдан на провалочную фабрику вблизи от своей деревни. Работал там с утра до вечера и оставался там же ночевать, так как темно было итти домой; за работу получал полтора рубля в месяц и неизбежные шлепки в качестве педагогического воздействия. К весне у него от грязной работы заболели руки чесоткой, и он ушел домой, где скоро начались полевые работы. «Сестры уже вышли замуж, и я был старшим помощником в семье; косил, пахал, помогал матери». От непосильной работы он заболел и к осени лег в больницу, а выйдя из больницы, пошел без ведома матери искать работу и стал торговать на улице конфектами; мать, узнав об этом, запретила ему это занятие, и он устроился мальчиком в чайной своей же деревни. Работал с 6 часов утра до 10 вечера; в чайную приходили всякие люди, и слышалась пьяная ругань. К весне мать взяла его на два дня в Москву к крестной матери, дочери немца-помещика их деревни. Здесь окончилась деревенская жизнь З.: семья крестной матери приняла в нем участие; он был оставлен в Москве, работал в магазине брата крестной и жил и учился в его доме, в качестве почти что члена семьи.

Небольшая часть сельских растратчиков вышла из рабочей семьи; некоторые из них сначала жили в деревне с матерями, в то время как отцы работали в городах; потом они брали их к себе в город и нередко сами учили их своему ремеслу или отдавали на выучку другим хозяевам. Другая часть так и жила в городе с раннего детства. Жизнь этих детей городского пролетариата иллюстрируется рассказами З—ва, коммуниста, рабочего Орехово-Зуевского района. «Родился в Питере. Отец был из солдат; служил в гвардии. Выйдя в отставку, служил швейцаром 24 года. Всего нас было 11 человек детей. Я родился вторым. 6 человек умерло: двое от тифа, двое от скарлатины, а двое неизвестно от чего. Оставшиеся в живых теперь крестьянствуют. Жили мы в Питере плохо: квартира была в одну комнату вместе с дворницкой в подвальном этаже; сырая. Тут жил холостой дворник и наша семья. Темно было, так как было только одно окно, выходившее во двор. Мать ходила иногда на поденную работу к жильцам дома. Отец с чаевыми зарабатывал 30 рублей в месяц. Отец был строг, и за детьми был присмотр. Девочек не учили, но я 9 лет поступил в школу. Учился хорошо и 13 лет окончил школу, а 14 лет поступил мальчиком в экспедицию изготовления государственных бумаг на 45 коп. в день. Работал слесарем-учеником в Кредитной Типографии. Деньги все отдавал отцу. Даст 20 к.—и достаточно. Работал с 9 утра до 3. По вечерам с 8 до 10 учился на технических курсах при учреждении. Нас учили: географии, черчению и технике. Через 2 года уже получал 20 руб. в месяц». Здесь закончилась городская жизнь З—ва: когда ему исполнилось 16 лет, вся семья уехала в деревню и забрала его с собой.

Детства детей служащих, сельских учителей и священников мы уже касались, когда говорили о городских растратчиках. Эти знали

только приятные стороны деревенской жизни, да и жили здесь в раннем детстве да на каникулах, а по зимам проживали и учились в городах.

Итак, сельский растратчик, вообще, рос в более благоприятных условиях детства, чем городской; та же картина повторяется и в отношении семейного быта: здесь меньшее число холостых, вдовцов и ненормальных браков; второй семьи из сельских растратчиков не было ни у кого; только в отношении разведенных процент оказался тем же.

Таблица № 34.

Общее число сельских растратчиков.	Семейный быт.						
	Холостые.	Женатые.	Хол., факт. сожительство.	Вдовцы.	Разведенные.	Женатые но жив. отдельно.	Неизвестно.
808	12,9	81,6	1,2	0,9	3,0	—	0,4

И хотя многие говорили, что женились они не по любви, а по выбору и настоянию родителей, никто из подвергшихся личному обследованию не жаловался на семейную жизнь. Для иллюстрации приведем слова З—ва: «19 лет меня женили, почти что не спросив согласия. Я хотел уехать в Питер, и женитьба была мерой пресечения. Жена попалась хорошая: работящая, деловитая; было ей 20 лет. И тут же у нас пошли дети, с первого года». Эти слова З—ва о детях повторяются и у других сельских растратчиков: бездетных, в том числе и холостых, оказалось 27,4%; по одному ребенку было у 21,1%, по 2 ребенка—у 16,5% и по 3 и более—у 33%; не ответили на вопрос 1,7%. Соотношение же между брачным состоянием и числом детей выразилось в следующих цифрах:

Таблица № 35.

Общее число сельских растратчиков.	Семейный быт.									
	Женатые.					Хол., факт. сожит.				
	Бездетных.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно.	Бездетных.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно.
808	14,8	24,0	19,6	39,8	1,5	70,0	10,0	10,0	—	10,0

Общее число сельских растратчиков.	Семейный быт.														
	Вдовцы.					Разведенные.					Женатые, живущ. отдельно.				
	Бездетных.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно.	Бездетных.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно.	Бездетных.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно.
808	-	57,1	—	42,8	—	54,1	29,1	12,5	4,1	—	—	—		—	—

Как видно, среди женатых сельских растратчиков гораздо меньше бездетных и гораздо больше многодетных, чем среди городских, что отчасти об'ясняется более ранними браками в деревне. То же явление, хотя и не в такой степени, повторяется и в отношении общего числа иждивенцев:

Таблица № 36.

Общее число сельских растратчиков.	Общее число иждивенцев.				
	Не было иждивенцев.	1 иждивенец.	2 иждивенца.	3 и более.	Неизвестно.
808	6,7	8,8	16,0	68,0	0,5

Нам думается, что в деревне, где все же, кроме жалованья, хотя и гораздо более низкого, имеется еще и свое хозяйство, и где гораздо меньше потребностей и меньше возможности развить в себе разные потребности, легче прокормить лишнего человека, да и легче найти ему работу в своей же семье.

Относительно лучшие материальные условия у сельских растратчиков соответствуют и лучшим жилищным условиям:

Таблица № 37.

Общее число сельских растратчиков.	Жилищные условия.					
	Квартира.	1 комната.	Угол у знакомых или в общежит.	Ночлежный дом.	Без определен. местожит.	Неизвестно.
808	56,2	33,4	5,2	0,4	0,6	4,2

Тем, что на сельских растратчиков легче ложилась тягота содержания каждого отдельного члена семьи, лучшими жилищными условиями и самым образом жизни сельских жителей, когда все члены семьи большую часть времени проводят на дворе или в поле, повидимому, отчасти и об'ясняются лучшие семейные отношения у сельских растратчиков по сравнению с городскими

Таблица № 38.

Общее число сельских растратчиков.	Отношение к семье			
	Хорошее.	Среднее.	Плохое.	Неизвестно.
808	77,9	4,9	5,0	11,7

Но мы полагаем, что и здесь, главным образом, повторяется тесная связь между отношением в детстве и позднейшим отношением к своей семье, как как это видно из сводной таблицы. Также повторяется и указанная выше разница между сотрудниками кооперативов и административных органов: как и у городских растратчиков, сотрудники кооперативов содержат гораздо большее число лиц, получают меньшее содержание и все же лучше относятся к своим членам семьи; правда, они живут и в лучших жилищных условиях; так же, как и в городах, они старше по возрасту. Что же касается вообще бюджета сельских растратчиков, то он необычайно мизерен, принимая во внимание, что почти половина их имеют менее 10 р. в месяц на каждого члена семьи; однако, несомненно, что эта низкая заработная плата корректировалась наличием своего хозяйства, которое давало возможность прокормить большее число иждивенцев и создавало лучшие материальные условия, чем у городских, живших только на жалованье. Совершенное правонарушение мы в данном случае в меньшей степени относим на долю материальной нужды, а главную причину усматриваем в серости и «безграмотности» общей массы сельских растратчиков, которые не могли справиться со взятой на себя сложной задачей и запутывались в счетах и отчетах.

Приложение к статье С. А. Укше «Детство и семейный быт растратчиков».

	Брачное состояние.							Число детей.					Число иждивенцев					Жилищные условия					
	Холостые.	Женатые.	Холост. в факт. сожительст.	Вдовцы.	Разведенные.	Женатые, живущ. раздельно.	Неизвестно.	Бездетные.	1 ребенок.	2 ребенка.	3 и более.	Неизвестно.	Нет иждивенц.	1 иждивенец.	2 иждивенца.	3 и более.	Неизвестно.	Квартира.	1 комната.	Угол у знаком. или в Общеж.	Ночлежный дом.	Без определ. места жител.	Неизвестно.
Города.																							
Общ. число 1465	17,5	74,3	2,2	1,0	3,0	0,9	0,3	37,6	27,8	17,4	16,4	0,4	9,2	10,6	21,2	54,8	3,9	46,6	44,0	7,6	—	0,2	1,6
Первич. коопер. Города 272	9,2	83,8	2,2	2,2	2,2	0,3	—	24,6	30,8	20,9	23,5	—	5,1	8,8	20,5	63,6	1,8	57,7	34,5	6,6	—	0,7	0,3
Админ. органы Города 371	17,2	75,2	1,8	0,2	4,5	0,2	0,5	39,0	24,7	20,2	15,1	0,8	8,8	12,9	21,5	52,6	4,0	62,5	30,7	6,5	—	—	0,3
Гос. хоз. органы. Города 223	14,3	74,4	4,4	1,7	2,2	2,6	—	37,2	29,1	17,0	15,6	0,8	6,7	10,3	25,1	55,6	2,2	41,2	52,3	4,0	—	—	2,2
Фабк. и местк. Города 100	20,0	69,0	4,0	2,0	3,0	—	2,0	42,0	26,0	11,0	17,0	4,0	10,0	9,0	24,0	47,0	10,0	31,0	60,0	8,0	—	—	1,0
Москва 29	34,1	58,6	6,9	—	—	—	—	58,6	27,5	3,4	6,8	3,4	20,6	13,7	20,6	34,4	10,3	17,2	75,8	6,8	—	—	—
Красн. армия. Города 136	36,0	61,7	0,7	0,7	0,7	—	—	56,6	23,5	12,5	7,3	—	25,0	13,2	13,2	43,3	5,1	22,0	50,8	24,3	—	—	2,9
Села.																							
Общ. число 808	12,9	81,6	1,2	0,9	3,0	—	0,4	27,4	21,1	16,5	33,0	1,7	6,7	8,8	16,0	68,0	0,5	56,2	33,4	5,2	0,4	0,6	4,2
Первич. кооп. 440	11,3	86,1	0,2	0,9	1,1	—	0,2	21,7	19,0	15,0	40,9	0,2	6,1	7,2	15,2	71,1	0,2	61,5	28,6	3,0	0,2	0,5	3,2
Админ. орг. 328	15,2	75,6	2,4	0,9	5,1	—	0,6	31,7	24,0	17,9	22,2	3,9	8,8	13,5	24,0	47,9	5,7	46,0	38,7	7,6	0,6	0,9	6,0
Общее число всех растратч. 2273	15,9	76,9	2,2	1,0	3,0	0,6	0,4	24,1	25,4	17,1	22,3	0,7	8,4	9,9	19,4	59,5	2,8	50,0	40,3	6,8	0,1	0,4	2,4

Продолжение.

	Месячный бюджет на 1 члена семьи.							Отнош. к семье.				Отнош. родит. и воспит. в детстве.					
	До 10 руб	От 10 до 20 руб.	От 20 до 30 руб.	От 30 до 40 руб.	От 40 до 50 руб	От 50 до 60 руб	От 60 до 70 руб.	Свыше 70 руб.	Неизвестно	Хорошее.	Среднее.	Плохое.	Неизвестно	Доброжелательное.	Безразличное.	Среднее.	Суровое.	Рос без присмотра.	Неизвестно
Города.																			
Общ. число 1465 . .	22,0	32,2	15,5	7,6	5,0	2,5	1,4	3,1	10,7	66,6	8,2	6,2	19,0	66,8	5,1	13,9	6,1	3,5	4,6
Первич. коопер. Города 272	30,5	34,9	11,8	5,1	4,8	1,8	0,4	1,1	6,6	81,2	1,8	6,6	10,2	69,8	2,5	15,0	4,7	1,8	5,9
Админ. органы. Города 371	25,9	32,3	13,7	7,3	4,0	2,4	1,1	1,6	11,7	65,7	5,1	8,6	20,4	66,8	6,7	13,2	5,6	3,7	3,7
Гос. хоз. органы. Города 223	18,8	27,8	17,9	8,9	4,4	2,2	2,6	6,2	11,2	57,3	15,6	4,9	21,9	65,9	4,4	13,9	6,7	4,4	4,4
Фабк. и местк. Города 100	13,0	35,0	16,0	9,0	3,0	3,0	3,0	6,0	5,0	59,0	18,0	7,0	16,0	64,0	5,0	20,0	6,0	3,0	2,0
Москва 29	3,4	24,1	20,6	10,3	6,8	6,8	—	17,2	10,3	65,5	—	10,3	24,1	65,5	—	24,1	6,8	—	3,4
Красн. армия. Города 136	31,6	19,1	11,0	6,6	5,9	2,2	0,7	3,7	19,2	60,2	8,0	2,9	28,6	65,4	6,6	10,2	6,6	4,4	6,6
Села.																			
Общ. число 848 . .	48,4	20,7	9,5	3,5	0,6	0,1	0,2	0,1	16,9	77,9	4,9	5,0	11,7	74,5	2,8	13,6	3,6	1,2	4,3
Первич. коопер. 440 . .	56,1	18,4	6,1	2,3	0,5	—	—	0,2	16,4	81,8	3,6	2,0	12,5	76,5	1,5	13,4	2,7	0,9	4,7
Админ. орг. 328 . .	40,2	22,0	14,6	4,6	0,9	0,3	0,6	—	16,8	71,0	6,4	9,7	12,8	71,6	4,5	13,7	4,5	1,8	3,6
Общее число всех растрат. 2273 . .	31,4	28,0	13,3	6,1	3,4	1,6	1,0	2,0	12,9	70,3	7,0	5,8	16,9	69,6	4,3	13,8	5,2	2,3	4,4

Влияние алкоголя и азарта на растраты.

Алкоголизм и азарт являются одним из важнейших общепризнанных факторов преступности; их пагубное влияние на нее не требует представления каких-либо особых доказательств; оно вне всяких предположений и сомнений. Исследователю в этой области взаимоотношений, таким образом, совершенно излишне устанавливать и доказывать те положения, которые надлежит считать давно уже бесспорно установленными как наукой, так и практикой, которые являются своего рода общепризнанной аксиомой; ему придется уделить все свое внимание возможно более всестороннему выявлению степени влияния каждого из этих факторов на преступность вообще и ее отдельные виды в частности. Исследователю-социологу далеко недостаточно знать о том, что алкоголь и азарт являются могучими двигателями преступности, теми ее факторами, которые ежегодно сажают на скамью подсудимых тысячи людей, властно выбивая их из колеи нормальной жизни, он должен вскрыть всю подноготную этих сложных взаимоотношений, проследить и выявить влияние каждого из этих факторов на ту или иную область преступности и дать, в конечном итоге, ясную и наглядную картину того внутреннего взаимодействия, которое мы постоянно наблюдаем в явлениях общественного порядка. Общепризнанная социальная аксиома должна предстать перед исследователем ее сущности во всей полноте и ясности своего бытия; только при таком подходе к делу станет возможным поставить более или менее точный прогноз того или иного вида преступности в связи с его надлежащей профилактикой. Если мы несколько подробнее вникнем в сущность каждого преступного деяния, если мы уделим главное внимание его внутренней, субъективной, оценке, то невольно должны будем прийти к тому выводу, что значительное большинство правонарушений, начиная с самых незначительных проступков и кончая поражающими нас своею жестокостью и попранностью нравственного чувства убийствами, совершаются под непосредственным или косвенным влиянием алкоголя или азарта, за последнее время влияние это значительно усилилось и проникло в самые отдаленные места земного шара, всюду внеся, в качестве своего непременного следствия, расстройство народного хозяйства, понижение нравственных устоев, увеличение числа самоубийств, душевных заболеваний, и, наконец, неимоверное возрастание всевозможных преступных деяний. Один из тюремных врачей, Мирамбо, характеризует этот социальный недуг следующими простыми словами: «если бы было возможно одним росчерком пера стереть с лица земли недостойную человека страсть

к спиртным напиткам, то сразу сделались бы почти излишними больницы, дома для умалишенных, тюрьмы и подобные им учреждения...». Мы все же позволим себе быть несколько более пессимистично настроенными, чем Марамбо, ибо полагаем, что корни, пущенные этими общественными явлениями, особенно же алкоголизмом, вряд ли можно будет человечеству так легко и безболезненно изжить; мы более чем уверены, что последствия их будут погубно напоминать о себе в той или иной форме еще в течение нескольких поколений.

Переходя к интересующему нас вопросу—влиянию алкоголя и азарта на растраты—мы, прежде всего, должны констатировать их двоякое влияние на преступления этой категории. Они могут быть, особенно же алкоголь, не только непосредственными факторами производства растрат, но и теми привходящими обстоятельствами, благодаря которым значительно облегчается совершение того или иного поступка и в частности растраты. Алкоголь и азарт могут не только вызывать собою учинение растрат для их непосредственного удовлетворения, когда они засасывают человека в свою тину, делая его безвольным рабом разгоревшихся страстей, но и создавать условия, весьма благоприятствующие осуществлению этих преступлений; под влиянием хотя бы в незначительной дозе воспринятого алкоголя или в пылу разгоревшихся страстей азарта человеку всегда будет легче посягнуть на вверенные ему по службе ценности, чем в совершенно нормальном состоянии, когда он действует вполне сознательно и уравновешенно.

Для настоящего краткого исследования мы пользуемся подробно разработанным анкетным материалом, полученным из разных мест заключения Республики. Эти анкетные сведения, несмотря на свою большую ценность, все же требуют самого вдумчивого к себе отношения, ибо являются ничем иным, как личной автобиографией заключенных. Последние, давая о себе подробные сведения, вполне естественно, стараются выявить свою личность в возможно более положительном свете, хотя бы иногда в ущерб действительности. Здесь интересно отметить, ради примера, хотя бы следующую специфичность этих анкетных сведений в отношении употребления алкоголя: подавляющее большинство заключенных указывает в анкетах, что употребляет алкоголь лишь изредка, не ежедневно. К таким попыткам обследуемых, хотя бы несколько облагородить свою личность мы должны быть всегда подготовлены, почему наше отношение к имеющемуся анкетному материалу должно быть строго критическое; исследователь должен уметь отличать правду от неправды, уметь стройно сочетать в одном целом сухие статистические данные с живой действительностью; в этой работе повседневная практика исследователя, его постоянное общение с живыми об'ектами изучения должны притти ему на помощь и надлежаще восполнить неизбежные пробелы цифровых данных, собранных анкетным путем.

Весь имеющийся у нас материал мы, прежде всего, разобьем на две совершенно самостоятельные группы, в зависимости от двух основных, нами изучаемых, факторов растраты—алкоголя и азарта. На алкоголе, как факторе доминирующем, мы остановимся в первую очередь,

тем более, что цифровые данные, которыми мы располагаем в этой области, являются чрезвычайно интересными. По ходу работы все анкетные сведения территориально подразделились на три обособленные группы—собранные по г. Москве, другим городам Республики и в сельских местностях; это чисто территориальное подразделение наглядно выявило, однако, целый ряд характерных особенностей, свойственных каждой из этих группировок в отдельности, на которых мы подробнее остановимся несколько ниже. В пределах каждой из этих групп растратчики разбиты на подгруппы, в зависимости от учреждений, в которых они, состоя на службе, произвели растраты.

Прежде чем остановиться на влиянии алкоголя на растраты, мы позволим себе уделить несколько слов возрасту растратчиков, ибо таковой имеет всегда весьма тесную связь с поведением всякого индивида и его склонностью к алкогольным напиткам, в частности. Возраст растратчиков интересен также и для точного установления так называемого «опасного возраста», обнимающего собой главную массу обследуемых Все растратчики делятся по возрасту на двенадцать отдельных групп, из коих первые три, начиная с 14-летнего возраста, чередуются через каждые четыре года, переходя в возрасте, превышающем 50 лет, в две обширные группы—до 60 лет и свыше 60 лет.

Таблица № 1. Распределение растратчиков, в процентном отношении, по возрасту в связи с употреблением ими алкоголя.

Возраст растратчиков.	Общее количество растратчиков.	По г. Москве.				По другим городам.				По сельским местностям.			
		Не употребляет алкоголя.	Употребляет алкоголь.	Неизвестно.	Всего.	Не употребляет алкоголя.	Употребляет алкоголь.	Неизвестно.	Всего.	Не употребляет алкоголя.	Употребляет алкоголь.	Неизвестно.	Всего.
14—15 лет. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16—17 » . .	0,3	—	—	0,1	0,1	—	0,1	—	0,1	0,1	—	—	0,1
18—19 » . .	2,9	—	0,3	—	0,3	0,5	0,7	0,3	1,5	0,7	0,3	0,1	1,1
20—24 » . .	17,9	0,8	1,5	0,3	2,6	2,5	5,3	1,8	9,6	2,9	2,6	0,2	5,7
25—29 » . .	23,5	0,5	2,9	0,2	3,6	2,6	6,5	1,7	10,8	3,0	5,2	0,9	9,1
30—34 » . .	20,0	0,3	2,7	0,1	3,1	2,2	6,0	1,7	9,9	1,9	4,6	0,5	7,0
35—39 » . .	15,3	0,2	1,7	0,4	2,4	1,0	5,9	0,7	7,6	1,8	3,0	0,6	5,4
40—44 » . .	10,5	0,4	1,1	—	1,5	0,6	4,0	0,8	5,4	1,1	2,2	0,3	3,6
45—49 » . .	5,1	0,1	0,4	—	0,5	0,5	1,8	0,3	2,6	0,4	1,2	0,4	2,0
50—59 » . .	3,6	—	0,3	0,1	0,4	0,2	1,1	0,1	1,3	0,6	0,9	0,3	1,9
60 л. и более .	0,3	—	0,1	—	0,1	—	0,1	0,1	0,2	—	—	—	—
Неизв. возр. . .	0,6	—	0,1	—	0,1	—	0,5	—	0,5	—	—	—	—
Итого. .	100,0	2,5	11,0	1,0	14,6	10,0	32,0	7,6	49,5	12,5	20,0	3,0	35,9

Из приводимой таблицы видно, что среда растратчиков пополняется лицами, начиная с шестнадцатилетнего возраста, правда, в весьма ограниченном количестве. Незначительность растратчиков, не достигших двадцатилетнего возраста, легко об'ясняется как тем обстоятельством, что лица этого возраста обычно почти не занимают хоть сколько-нибудь ответственных должностей, при которых возможно производство растрат, так и тем, что в эти лета молодежь еще преимущественно обучается, пополняя собой кадры учащихся средних и высших учебных заведений; кроме того, обильное предложение труда и незначительность его спроса дают полную возможность вести более или менее тщательный подбор сотрудников учреждений, исходя из их служебного стажа и его продолжительности, что опять-таки почти исключает молодые годы Все эти обстоятельства особенно резко сказываются в столице, вызывая в ней минимум несовершеннолетних растратчиков. С двадцатилетнего возраста картина резко меняется; количество интересующих нас правонарушителей значительно увеличивается, доходя до своего максимума в группе, обнимающей лиц в возрасте от 25—29 лет включительно (23,5%); начиная с тридцати лет кривая вновь понижается, доходя, в возрасте свыше 60 лет, до самой незначительной цифры (0,3%), той же по своей величине, что и в группе от 16—17 лет. Анализируя эти цифровые данные, мы приходим к выводу, что самым «опасным возрастом» для растратчиков является возраст от 20—34 лет, при чем за этот период максимальное повышение дает в свою очередь группа от 25—29 лет, до и после которой кривая делает резкие скачки. Понижение кривой с увеличением возраста растратчиков идет значительно медленнее и равномернее ее повышения, особенно же, если сопоставить лиц в возрасте от 18—19 лет с теми, которым между 20 и 24 годами. Причины бьющей в глаза неравномерности, этого, с одной стороны, крайне резкого повышения, а с другой—тихого и равномерного понижения кроются в самом возрасте нами обследуемых, в свойственных ему особенностях. Молодые суб'екты с далеко неоформившимся еще характером, только вступающие на свой жизненный путь, только начинающие вести неизбежную для них и упорную борьбу за существование, значительно легче других попадают в тот водоворот, который был создан капитализмом за время его существования и им веками взлелеян. Непривыкшая к тяжелой жизненной борьбе и еще в ней незакалившаяся молодая, податливая натура легче сдается, легче переступает, не отдавая себе отчета, запретную грань и входит в коллизию с той или иной уголовной нормой. Особенно же легко и безболезненно в молодые годы учиняются растраты и присвоения вверенных ценностей, ибо по характеру своему деяния эти не требуют от деятеля наличия особой энергии, физической или психической силы; для того, чтобы совершить растрату, для того, чтобы благодаря ей попасть на скамью подсудимых, преступнику не нужно изыскивать каких-либо особых способов совершения преступления, не нужно долго подбирать орудия для такового, не нужно проявления какой-то особой, злостной интенсивности. Такому индивиду достаточно запустить руку в свой собственный карман или портфель, достаточно подписать чек вверенной чековой книжки для

того, чтобы превзойти все трудности уголовного падения, все те препятствия, которые так неизбежно связаны со всяким, хотя бы даже самым незначительным проступком. Работая практически в области юриспруденции, часто сталкиваясь при защитах с растратчиками молодого возраста, мы невольно все больше и больше убеждаемся в правдивости только что сказанного,— в правдивости того, что растраты в молодые годы проистекают часто от сочетания неопытности возраста, его неустойчивости и характерных особенностей самого преступления с теми соблазнами, в окружении которых протекает жизнь современного человека. Эта вечно клокочущая жизнь современных больших городов, с ее неисчерпаемыми соблазнами, эти морем огня залитые улицы с их театрами, кинематографами, ресторанами, тысячами праздных и удовольствий ищущих женщин—мертвой хваткой затягивают в себя всех, в ком не достает сил сопротивляться, в ком соблазн отведать этой жизни сильнее нравственных устоев. Служебные же ценности, как нарочно, всегда в таких случаях напоминают о своем существовании и манят к себе руку растратчика, лишний раз подтверждая то положение, что для совершения растраты необязательно быть социально-деклассированным элементом, особенно же в молодые годы. Во всех этих случаях весьма деятельную помощь оказывает преступным инстинктам растратчика алкоголь, который, будучи воспринят хотя бы даже и в самом незначительном количестве, сильно понижает функциональную деятельность задерживающих центров, попутно возбуждая разгоревшиеся страсти и желания. Лица, перевалившие за 30 лет, уже кое-что отведавшие от жизни, многому научившиеся у нее, смотрят под совершенно иным углом зрения на все у них на глазах совершающееся. Не реагируя так резко и импульсивно на все окружающее, они труднее поддаются его соблазнам, они, с возрастом, значительно реже прибегают к незаконным «госзаймам», значительно реже путают свои личные средства с вверенными им на хранение ценностями. Среди лиц этих возрастных групп мы чаще наблюдаем женатых, на поведении которых не может не сказаться благотворное влияние семьи и неизбежно с нею связанной хотя бы некоторой обеспеченности. Эти лица хорошо сознают, что они не одни, что за ними стоит семья, жена, дети, на которых прежде всего и отзовутся все последствия их необдуманного шага. Одновременно интересно отметить одну особенность растрат более пожилого возраста, почти что ему исключительно свойственную: большинство растрат, учиняемых более солидными по возрасту индивидами, характеризуется сложностью, обдуманностью и тщательно предусмотренным исполнением. Здесь редко мы наталкиваемся на простые, чисто по-детски совершенные поступки; здесь мы подчас видим перед собой столь сложные манипуляции, для разбора которых требуется самое интенсивное вмешательство квалифицированных специалистов. Эта группа растратчиков вкладывает в совершаемые ею правонарушения весь свой опыт, весь благоприобретенный стаж. Сильное понижение количества обследуемых после 60-летнего возраста (0,3%) об'ясняется незначительностью служащих этого возраста вообще; кроме того, эти лета, сами по себе, уже являются в некоторой степени достаточной гарантией от растрат

Употребление алкоголя, как видно из вышеприведенной таблицы, весьма значительно; оно особенно велико в столице и других городах, где к услугам пьющих имеется целая плеяда пивных и ресторанов, так усиленно манящих к себе всевозможными аттракционами и деланным, аляповатым уютом. Имеющиеся у нас данные свидетельствуют, что в г. Москве из 14,6% растратчиков 11% в той или иной форме употребляют алкоголь; значительное большинство из них пьет изредка, пользуясь случаем; запойных и ежедневно пьющих немного. С последним обстоятельством мы не считаем возможным согласиться, ибо полагаем, что все же многие растратчики употребляли алкоголь ежедневно, намеренно умолчав про это в анкетных сведениях. Наша столица на только что указанный общий процент растратчиков дает лишь 25% лиц, совершенно не употребляющих алкоголь

Из употребляющих алкоголь индивидов, значительное большинство приходится на возрастные группы в 25—29 лет (2,9%) и 30—34 года (2,7%); более зрелый возраст дает сильное понижение кривой, при чем среди растратчиков свыше 60 лет употребление алкоголя почти что сводится к нулю (0,1%). Из той же самой таблицы мы усматриваем, что на 49,5% растратчиков, приходящихся на другие города Республики, 32% употребляют алкоголь, а 10% его не употребляют. Среди анкет, относящихся к городам, мы наблюдаем весьма большое количество уклонений от дачи того или иного ответа по вопросу об употреблении алкоголя; в процентном отношении цифра уклонившихся достигает 7,6%, почему мы лишены возможности считать точно выявленными количества как употребляющих алкоголь, так и от него воздерживающихся лиц. Здесь мы наблюдаем тот же самый «опасный возраст» пьющих растратчиков (в возрасте 25—29 лет 6,5%; в возрасте 30—34 года—6%). Молодые годы дают весьма незначительное количество пьющих, создавая отрадное впечатление, которым, однако, к сожалению, нельзя увлекаться, ибо мы более чем уверены в неправильности этих цифровых данных; они не должны соответствовать действительности по причине того, что изучаемое нами преступное деяние по характеру своему почти что исключает молодые годы. Если бы мы интересовались каким-либо другим преступлением, хотя бы хулиганством, то безусловно установили бы значительное употребление алкоголя среди несовершеннолетних. Нельзя также относиться с полным доверием и к взаимоотношению пьющих и непьющих в сельских местностях, где на общее количество растратчиков (35,9%) приходится 20% употребляющих алкоголь и 12,5% не употребляющих; современная деревня употребляет большое количество алкоголя, при чем на долю молодежи приходится далеко не последняя роль. Нужно полагать, что деревенские растратчики ничем не отличаются от своих городских собратьев, а также и не выделяются из общей массы крестьянства; некоторая неточность этих сведений может быть легко об'яснена как незначительностью имевшегося у нас под руками анкетного материала, так и несколько более чем осторожными ответами самих обследуемых по вопросу об употреблении ими алкоголя.

Таблица № 2. Возрастное распределение растратчиков в служебном отношении в процентах.

Возраст растратчиков.	Общее количество растратчиков.	Наименования учреждений.									
		Администр. органы.	Госуд. торговые органы.	Госуд. хозяйствен. органы.	Первичные кооперативы.	Кооперативные союзы.	Профсоюзы.	Фабкомы и месткомы.	Красная армия.	Жилтоварищества.	Общественные организации.
14—15 лет. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16—17 » . .	0,3	0,1	—	—	0,1	—	—	—	—	—	0,1
18—19 » . .	2,9	1,0	0,1	0,1	0,5	0,1	0,2	0,4	0,2	—	0,3
20—24 » . .	17,9	6,6	0,9	1,3	2,0	1,3	0,9	1,1	2,3	0,2	1,3
25—29 » . .	23,5	7,9	1,9	1,9	4,5	2,4	1,0	0,9	1,7	0,3	1,0
30—34 » . .	20,4	5,9	1,8	1,7	4,4	2,5	0,6	1,0	1,2	0,4	0,9
35—39 » . .	15,3	4,4	1,6	1,3	3,7	2,2	0,5	0,4	0,3	0,4	0,3
40—44 » . .	10,3	2,8	1,7	0,8	2,6	1,3	0,2	0,5	0,2	0,1	0,1
45—49 » . .	5.0	1,3	0,4	0,7	1,4	0,9	0,1	0,1	—	0,1	—
50—59 » . .	3,6	0,7	0,4	0,4	1,5	0,4	—	—	0,1	—	0,1
60 л. и более .	0,3	0,1	—	0,1	0,1	—	—	—	—	—	—
Неизв. возр. . .	0,5	0,1	—	0,1	0,1	—	0,1	—	0,1	—	—
Всего . .	100,0	30,9	9,6	8,4	20,9	11,1	3,6	4,4	6,1	1,5	4,1

Если мы перейдем к возрастному распределению растратчиков по учреждениям, в которых они служили, совершив инкриминируемое им деяние, то должны будем, прежде всего, отметить наличие того же самого «опасного возраста». Его устойчивость заметна не только в отношении каждой возрастной группы в отдельности, что уже нами было подмечено, но и в отношении служебного положения растратчиков; последние количественно сильно увеличиваются в возрасте от 20—34 лет почти во всех служебных группировках имеющегося у нас анкетного материала. Всюду мы усматриваем резкое повышение кривой растрат в пределах этого возрастного периода с сильным ее понижением при отклонении в летах в ту или иную сторону. Максимум растрат, даваемый 25—29 годами, здесь не выдерживает своей роли до конца и в отношении некоторых учреждений допускает небольшое колебание, зависящее, главным образом, от специфических условий той или иной служебной деятельности. Так, например, отмечаемое в Красной армии максимальное повышение количества растрат в более раннем возрасте, а именно от 20—24 лет (2,3%) об'ясняется тем, что главный контингент военнослужащих состоит из призывных годов или близко к ним стоящих, а не более пожилых, как, например, в первичных кооперативах и кооперативных союзах, где мы наблюдаем уже совершенно обратную

картину (здесь максимум растрат приходится на группу в 30—34 года, достигая в первых из них 4,5% и 2,5% во вторых). Некоторое еще большее отклонение от общеустановившегося положения вещей дают нам жилищные товарищества, в которых наивысшее число растратчиков приходится на возрастную группу в 30—39 лет (0,4%); это явление об'ясняется тем, что выборные должности в правлениях жилтовариществ замещаются, главным образом, лицами более зрелого возраста, несовершеннолетних растратчиков в жилтовариществах мы совершенно не наблюдаем, что безусловно соответствует действительному положению вещей. Весь имеющийся у нас материал обнимает собой десять служебных группировок всех растратчиков, при чем максимум последних приходится на административные органы (30,9%), вслед за которыми идут первичные кооперативы (20,9%). Меньше всего растратчиков дают жилищные товарищества (1,5%) и профессиональные союзы (3,6%), что отчасти об'ясняется имеющимся в них более интенсивным общественным контролем.

Таблица № 3. Начальный возраст употребления алкоголя растратчиками в процентном отношении.

Начальный возраст употребления алкоголя.	В Москве	В других городах.	В сельск. местностях.	Всего.
10—14 л.	0,6	2,3	0,6	3,5
15	0,6	2,7	1,3	4,6
16	1,8	3,6	1,8	7,2
17	1,6	3,4	3,3	8,3
18	2,2	7,8	4,0	14,0
19	1,6	3,6	2,1	7,3
20	2,1	7,8	5,7	15,6
21	0,5	2,4	1,3	4,2
22	1,0	3,0	1,9	5,9
23	0,3	2,1	0,8	3,2
24	0,2	1,6	0,8	2,6
25	0,2	1,3	1,1	2,6
Свыше 25 л.	0,7	3,8	2,1	6,6
Неизв. возр.	3,3	6,6	4,5	14,4
Всего .	16,7	52,0	31,3	100,0

Большого интереса заслуживает начальный возраст употребления алкоголя среди растратчиков.

Этот вопрос имеет большое общественно-научное значение не только в отношении одних лишь растратчиков или даже хотя бы всех правонарушителей; он несомненно имеет всеоб'емлющее значение, ибо для надлежащей постановки борьбы с алкоголизмом, как социально

вредным явлением, необходимо знать, с какого возраста и благодаря чему люди начинают употреблять этот губительный напиток. Имеющиеся у нас сведения чрезвычайно ограничены и, относясь только к одним растратчикам, не охватывают собой даже всей массы анкет. Большинство растратчиков начинает почему-то пить с двадцатилетнего и восемнадцатилетнего возраста, при чем на первый из них приходится 15,6%, а на второй—14%. Другие годы дают значительно меньшее количество новичков, при чем минимум их приходится на 24 и 25 лет, достигая в этом возрасте всего-на-всего 2,6%. Такое понижение кривой, начиная с двадцатилетнего возраста вполне естественно и может быть об'яснено тем обстоятельством, что лица, ранее не начавшие употребления алкоголя, могут считаться в достаточной степени забронированными от этого зла. Несколько иное явление мы наблюдаем в более ранние годы, когда молодежь всячески стремится стать взрослою, для чего иногда злоупотребляет курением и алкоголем. В возрасте от 10—14 лет дети чаще приступают к употреблению алкоголя, чем взрослые в возрасте от 23—25 лет, что, конечно, не обходится без некоторого участия родителей, если только речь не идет о беспризорных. Многие родители не только допускают, но и сами дают детям содержащие алкоголь напитки, упуская из вида не только его вредное влияние на молодой организм, но и крайне деморализующее значение; ребенок, отведав вина или водки, постепенно втягивается в это зло и приучается к нему также легко, как приучается к куренью. Особенно сильно распространено употребление алкоголя среди беспризорной молодежи, для которой оно является не только баловством, но и суровой необходимостью, так или иначе скрашивающей их тяжелую и неприглядную жизнь. Каковы бы ни были имеющиеся у нас цифровые данные, какую бы картину взаимоотношений алкоголя с преступностью вообще и растратами в частности они не устанавливали, мы вынуждены с несомненностью констатировать весьма значительное, пагубное влияние этого «зелья»: оно не только непосредственно создает преступников, оно не только властной рукой ежегодно толкает тысячи людей на присвоения и растраты, но оно, помимо этого, создает еще целую армию таких индивидов, которые являются непроизвольными носителями неизгладимых следов алкоголизма, не ими благоприобретенных, а лишь унаследованных. Эти лица, физически и умственно оскуделые, тяжким бременем ложатся на всю общественность, являясь ее живым и постоянным укором; не имея достаточно развитой силы воли для подавления особенно интенсивно вспыхивающих у них желаний и стремлений, они весьма легко входят в столкновения с уголовными нормами, пополняя собой ряды тюремных сидельцев, разлагающе влияя на окружающую их среду, причиняя общественности неизгладимый вред. Эти обе категории людей находятся в чрезвычайно тесном взаимоотношении, как бы образуя одно единое целое. Алкоголь—это могучий фактор преступности, это тот бич человечества, который, действуя на одних в качестве непосредственного фактора преступности, влияет на других лишь косвенно, ибо ограничивается подготовкой удобной почвы, обещающей богатую жатву. Трудно об'ять необ'ятное, трудно точно выявить границы действия алкоголя,

его органическую связь со всей преступностью и растратами в частности; в этой области исследователь видит, чувствует это всепоглощающее влияние, но не в состоянии его охватить, не в состоянии уложить в определенные рамки; он вынужден оперировать только с теми данными которые может лишь так или иначе уловить и фиксировать; самое тщательно проведенное анкетное обследование ведь говорит нам только о том,—употребляет ли или нет алкоголь обследуемый, как он его употребляет, с какого возраста, где он этому научился, в каком состоянии был в момент учинения деликта. Все же другое, возможно во много раз более ценное, более интересное, от исследователя-социолога ускользает и еще далеко не всегда может быть надлежаще выявлено даже и при помощи квалифицированного биологического исследования. Нам хорошо известны случаи влияния алкоголя во втором и третьем поколении, при чем, в свою очередь, это влияние может быть весьма разнообразно, начиная от самого незначительного своего проявления, едва заметного, едва ощутимого и кончая явным поражением тех или иных функциональных способностей. Во всех этих случаях индивид может чинить деяния, именуемые преступными, и во всех этих случаях влияние алкоголя будет безусловным и бесспорным, но степень его едва или почти неуловима. Либо ради попойки и кутежа он совершил инкриминируемую растрату, либо совершил ее уже находясь в состоянии опьянения, когда не мог отдавать себе полного отчета в своих поступках, либо совершая растрату ради какой-нибудь иной цели, ради удовлетворения какой-нибудь иной потребности, такой индивид не смог удержаться от нее, не смог надлежаще противостоять ей, хотя хорошо сознавал сущность им творимого. Во всех этих случаях почти безошибочно мы наталкиваемся на то или иное проявление алкоголя, явное или скрытое, настоящее или далеко прошлое. В период нашей научно-обследовательской и чисто практической работ, нам приходилось беседовать со многими растратчиками, вышедшими из разных социальных слоев: все они, в большинстве случаев, употребляли алкоголь так же, как употребляли его и их родители; свои поступки почти все они об'ясняли необдуманностью, какой-то внезапно окутавшей их рассудок завесой тумана; эти люди, из вполне здоровых и уравновешенных, становятся, в период растрат, какими-то полувменяемыми, неуравновешенными; сознавая совершаемое, они чувствуют свое бессилие в борьбе с ним, они являются пассивными зрителями своего собственного падения; с первой же минуты посягательства на вверенные им ценности они, не цепляясь за жизнь, не стараясь осилить гнетущие их желания и страсти, как-то индифферентно катятся вниз по наклонной плоскости, видя приближение своего конца.

«Страшно начать, страшно растратить первый казенный рубль,—как-то сказал нам один крупный растратчик, — а там все одно, от тюрьмы не уйдешь ..» Такова действительно жуткая картина совершения интересующего нас деликта, такова всеоб'емлющая и всепоглощающая роль алкоголя в его учинении. Приведенные нами цифровые данные дают лишь некоторое, более наглядное подтверждение живой действительности, выливая ее в процентные отношения и тем самым выявляя

особенности внутреннего взаимодействия изучаемых нами социальных явлений. Эти данные, обнимающие собой всего лишь около 2 300 анкет, к тому же далеко неполно разработанных, конечно, не могут претендовать на полное совершенство; они требуют дополнения от живой действительности, от самой жизни, от повседневного опыта, только все это вместе взятое, суммированное, и может, хотя бы в слабой степени, отразить и выявить влияние алкоголя на растраты.

Помимо алкоголя, в этиологии растрат играет видную роль и азарт во всех его разновидностях, начиная от самой заурядной картежной игры и кончая тотализатором с его почти неизбежными спутниками—попойками и женщинами. Непосредственное влияние азарта на растраты значительно превосходит собой то же влияние на них алкоголя; ради карт, ради «тотошки», ради всевозможных видов азартных игр, ежегодно совершаются десятки тысяч правонарушений, и львиная доля среди них падает на интересующий нас в настоящий момент деликт. Все виды азарта, вместе взятые, дают, при непосредственном их влиянии, отнюдь не меньше уголовных деяний, чем алкоголь; для того, чтобы последний мог свободно конкурировать с азартом и смело претендовать на первенство, ему приходится опираться и на то его косвенное, отдаленное проявление, которым он так щедро награждает человечество, справедливо заслуживая название его «бича». только в таком всеоружии алкоголь сохраняет за собой приоритет, ибо азарт, как бы он ни был распространен, как бы широко он ни охватывал собой все слои общества, безвреден для потомства в смысле передачи ему определенной наследственности, если не говорить только о том неизбежном расстройстве здоровья, которым он всегда почти награждает своих наиболее рьяных последователей. Эти два явления—алкоголь и азарт—так тесно связаны между собой, так тесно переплетены друг с другом, что неизбежно напрашиваются на совместное изучение их влияния на преступность вообще и растраты в частности. В практике мы часто наталкиваемся на совмещение этих двух начал, взаимно дополняющихся и в результате дающих одно единое целое, именуемое уголовно-наказуемым деянием. Страсть к азарту бывает не менее сильна, чем страсть к алкоголю; она еще легче и скорее опутывает человека своими сетями; она, на подобие болота, засасывает его неизбежным желанием так или иначе отыграться, так или иначе покрыть появившуюся задолженность. Если для того, чтобы стать настоящим алкоголиком, необходима привычка, более или менее значительный промежуток времени в течение которого индивид постепенно втягивается в употребление этого «зелья», то для азарта достаточно одного дня, одного часа; несколько проигранных партий, несколько битых номеров стальными цепями приковывают игрока к зеленому полю, превращая его из свободного гражданина в безвольного раба своих страстей, стремящегося так или иначе отыграться и вернуть обратно все потерянное. Большая должна быть у человека сила воли для того, чтобы властно противостоять стремлению отыграться, для того, чтобы не сделать попытки вернуть счастье казенными деньгами. Можно смело сказать, что всякий хранитель чужих ценностей, садясь за «зеленое поле» или играя

в тотализатор, делает непроизвольный, но верный шаг вперед по пути к скамье подсудимых. У такого суб'екта всегда значительно больше шансов стать преступником, чем во время отделаться от охвативших его азартных стремлений. Кажущаяся легкость наживы и возможность вернуть проигранное всегда значительно облегчают это социальное падение, этот быстрый бег по наклонной плоскости. По характеру творимых правонарушений, лица, одержимые азартом, в чем бы он ни выражался, всегда дают значительно больше растратчиков, чем алкоголики, ибо по природе своей растрата как бы специально создана для психологии наиболее рьяных последователей азарта, готовых поставить на карту не только все свое имущество, но и честь и благополучие близких.

Имеющиеся у нас анкетные сведения об алкоголиках касаются также и нескольких наиболее распространенных видов азарта, благодаря чему мы имеем возможность выявить их процентное отношение к общей массе прошедших перед нами растратчиков.

Все виды азарта сводятся, согласно анкетного материала, к нескольким наиболее распространенным его проявлениям, а именно, к посещению игорных домов, казино, тотализатора и всевозможных игорных притонов. К сведениям, даваемым нам обследуемыми относительно их пристрастия к азарту, надлежит относиться с особой осторожностью, ибо всегда бывает значительно легче и как бы естественнее сознаться в злоупотреблении алкоголем, чем в посещении тотализатора, казино или какого-либо тайного игорного притона. Подавляющее большинство растратчиков указывает на свое полное равнодушие к азарту; 88,5% из общего количества им совершенно не интересуются при наличии весьма большого процента отсутствия точных сведений (нет сведений о причастности к азарту в отношении 4,9%). Таким образом, подверженными этому злу, по имеющимся у нас сведениям, являются всего-на-всего 6,6%, каковая цифра, конечно, вряд ли может претендовать на полную и абсолютную непогрешимость; она вне всякого сомнения не охватывает собой всех растратчиков, имевших слабость к азарту в том или ином его виде, а является значительно преуменьшенной; видимо, некоторые из обследуемых постеснялись дать о себе правильные и исчерпывающие сведения.

Казино почему-то привлекает к себе значительно больше посетителей, нежели другие виды азарта; его посещаемость достигает 2,7%, тогда как на игорные дома приходится всего лишь 0,9%, а на тотализатор—0,4%. Несколько больший процент посещаемости дают нам игорные притоны (1%), а также и сведения, относящиеся к разным проявлениям азартной страсти (1,6%). Незначительное количество любителей тотализатора об'ясняется тем обстоятельством, что этот вид азарта развит только в крупных центрах и совершенно незнаком не только сельским местностям, но и подавляющему большинству губернских городов. В несколько лучшем положении находятся любители казино; последние довольно распространены в нашем Союзе и украшают собою далеко не одни лишь крупные центры. Игорные дома и всевозможные тайные притоны довольно сильно распространены несмотря на бдительность органов власти; вне сомнения, что их местонахождение

Таблица № 4. Виды азарта в процентном отношении к возрасту растратчиков.

Возраст растратчиков.	Общее количество растратчиков.	По г. Москве.								По другим городам.								По сельским местностям.							
		Не подвержены азарту.	Посещают игорные дома.	Казино.	Тотализатор.	Притоны	Разные виды азарта.	Неизвестно	Всего.	Не подвержены азарту	Посещают игорные дома.	Казино.	Тотализатор.	Притоны.	Разные виды азарта	Неизвестно.	Всего.	Не подвержены азарту	Посещают игорные дома	Казино.	Тотализатор.	Притоны	Разные виды азарта.	Неизвестно	Всего
14—15	—									—								—							—
16—17	0,[illegible]									0,1						0,1	0,2	0,1							0,1
18—19	2,[illegible]	0,2						0,2	0,4	1,1							1,1	1,1							1,1
20—24	17,[illegible]	2,0		0,1	0,2		0,1	0,1	2,8	8,5	0,2	0,2		0,1	0,1	0,3	9,4	5,3				0,1	0,1	0,2	5,7
25—29	23,[illegible]	2,2		0,3	0,2		0,2	0,6	3,5	9,7	0,2	0,2		0,3	0,1	0,3	10,8	8,8				0,1	0,1	0,2	9,2
30—34	20,[illegible]	2,0		0,6			0,1	0,5	3,2	8,8	0,3	0,4		0,1	0,2	0,1	10,2	6,7				0,1	0,1	0,1	7,0
35—39	15,[illegible]	1,5		0,3				0,1	2,2	7,1		0,1			0,3	0,2	7,7	5,0				0,1	0,1	0,2	5,4
40—44	10,[illegible]	1,1		0,2				0,1	1,4	5,0	0,2	0,1		0,1	0,1		5,5	3,3						0,1	3,4
45—49	5,[illegible]	0,4		0,1				0,1	0,6	2,4							2,4	1,9						0,1	2,0
50—59	3,[illegible]	0,4		0,1				0,3	0,8	1,1							1,1	1,7							1,7
60 л. и более	0,[illegible]									0,2							0,2							0,1	0,1
Неизв. возр.	0,[illegible]	0,1							0,1	0,1							0,1								
Итого	100,0	9,9		1,7	0,4		0,1	2,0	15,0	41,7	0,9	1,0		0,6	0,8	1,3	49,3	33,9				0,4	0,4	1,0	35,7

Хорошо известно многим растратчикам, обязанным своим падением именно этим злачным местам. Все запрещенное, а потому и тайное, всегда бывает более распространено, чем явное и терпимое, ибо нет таких радикальных мероприятий, которыми можно бы было сразу изжить то или иное социальное явление; уходя в подполье и ускользая от зоркого ока администрации такие антисоциальные проявления быстро размножаются, давая сильно чувствовать приносимый ими вред. Мы имеем все основания полагать, что тайные игорные притоны еще далеко не ликвидированы и роль их в учинении растрат далеко не последняя. Наконец, само понятие игорного дома весьма и весьма растяжимо, ибо нет абсолютно никакой фактической разницы между притоном, в котором играют на крупные суммы все желающие лица, сумевшие получить соответствующую рекомендацию от постоянных его завсегдатаев—и теми частными домами, в которых, в кругу знакомых, любители сильных ощущений спускают свои последние сбережения и втягиваются в долги и растраты, проводя бессонные ночи за зеленым столом. Этих квартир, этих чисто приятельских «вечеринок», не представляется возможным учесть; их деятельность протекает спокойно и вне поля зрения органов власти; зло, ими приносимое, во много раз превосходит последствия тотализатора и казино. В провинции, где отсутствуют разрешенные администрацией игорные дома, где жизнь каждого протекает на глазах соседей, где все друг друга хорошо знают, весьма распространены как всевозможные тайные притоны азарта, так и азарт, осуществляемый в кругу близких и знакомых за чашкой чая, за бутылкой вина и легко ускользаемый от всякого контроля и учета. Переходя к выяснению возрастного распространения интересующего нас явления среди растратчиков, мы, прежде всего, должны будем отметить и здесь некоторую устойчивость уже ранее установленного нами «опасного возраста». Мы чаще всего встречаем этих любителей сильных ощущений в возрасте от 25—30 лет; более молодой и более пожилой возрасты дают значительное понижение, что вполне естественно, если принять во внимание все сказанное нами выше относительно возрастного распределения растратчиков вообще.

Суммируя имеющиеся у нас сведения, мы приходим к тому заключению, что влияние алкоголя и азарта на растраты велико и всеобъемлюще; оба эти фактора мощно пополняют ряды правонарушителей все новыми и новыми жертвами. Обилие этой жатвы имеет глубокое *социально-экономическое* значение, ибо веками взлелеянный капиталистический строй представляет собой самую лучшую, самую подходящую почву для их произрастания. Беззастенчивая эксплоатация одних лиц, экономически более слабых, другими, более сильными, неравномерное накопление богатств в руках немногочисленной кучки людей за счет почти полного обнищания масс, естественно, создают самую плодородную и подходящую почву для всхода и размножения таких антисоциальных явлений как потребление алкоголя, наркотиков и процветание азарта во всех его проявлениях. Не будь этих, капитализмом созданных, социальных аномалий, не было бы и того сильного распространения алкоголизма и азарта. В нашей советской действительности эти аномалии весьма распространены, как и многие другие, от прошлого унаследованные, явления; они — ничто иное как пережиток былого, пережиток той эпохи, которая у нас безвозвратно ушла в прошлое, в переходное, ныне нами переживаемое, время, влияние алкоголя и азарта сказывается во всей своей полноте, и борьба с ними, при условии ее рациональной постановки, возможна главным образом мерами культурно-просветительными, мерами тщательно обдуманной превенции. Необходимо, чтобы законодатель осторожной, но твердой рукой постепенно искоренял эти въевшиеся на подобие ржавчины в наш общественный отрыжки старого быта, их влияние, при таком подходе, должно будет итти на верную убыль, давая самые положительные результаты. Мы твердо уверены, что так называемый переходной период будет могилой для алкоголя и азарта, которых наша общественность заменит какими-нибудь другими явлениями, явлениями, полезными для человечества, а не вредящими ему.

В настоящем кратком исследовании мы, собственно говоря, коснулись только двух важнейших факторов преступности вообще и растрат в частности; не имея специальных анкетных данных, мы вынуждены были обойти молчанием третий, также весьма существенный фактор изучаемого нами вопроса, безусловно дополняющий собой одно общее целое; к вину и картам напрашиваются женщины; их влияние в этой области также довольно существенно. Живая действительность, каждодневный опыт убеждают нас в правоте этого предположения и являет целый ряд разительных и наглядных примеров. Влияние женщины на преступность вообще и растраты в частности сказывается не только в качестве совершенно самостоятельного фактора; оно чаще всего наблюдается в тесном единении с алкоголизмом или азартом, особенно же с первым из них. Всевозможные кутежи и попойки редко проходят без участия женщин легкого поведения, вызывая в качестве своего непреложного последствия значительное усиление расходов.

Суммируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что как прошедший перед нами анкетный материал, так и личные впечатления, вынесенные нами от практической работы в этой преступной среде, вполне оправдывают обвинения, возводимые на алкоголь и азарт, как на самые мощные, самые жизнеспособные факторы производства растрат. Их влияние сказывается везде и всюду, оно вне всякого времени и пространства, оно властной рукой пополняет ряды правонарушителей, помимо того, еще ежегодно деклассируя тысячи людей. Наша общественность не может оставаться пассивным зрителем своего внутреннего разложения, особенно больно поражающего молодое, подрастающее, полное жизненных сил, поколение. Требуется срочная помощь, требуется самая решительная борьба с этим социальным недугом. Здесь требуется продолжительная, упорная, но верная борьба, направленная, главным образом, на устранение или хотя бы уменьшение причин, вызывающих растраты; только тогда, но отнюдь не сразу, скажутся безусловно полезные плоды этих мероприятий. Чем больше будет внедряться в нашу общественность просвещение, чем большее распро-

странение получат разумные и здоровые развлечения, тем слабее будет влияние алкоголя и азарта, тем меньше количество при их участии совершенных деликтов. В заключение мы позволим себе остановить внимание читателя на несколько наиболее интересных об'ектах нашего исследования, дабы облик их предстал бы по возможности ярче и выпуклее.

Растратчик Б —человек вполне интеллигентный и образованный, бывший штаб-офицер царской армии, получивший, в свое время, специальное военное образование. В былом безупречной честности, Б. резко выделялся среди прежнего офицерства революционностью своих взглядов, он даже умудрялся принимать некоторое участие в подпольной работе еще задолго до наступления февральской революции. С 1917 г Б. вступает в партию ВКП (б) и принимает самое деятельное участие в строительстве Красной армии, которой он, как специалист высокой квалификации, приносит большую пользу, особенно же в первые годы ее формирования. Не ограничиваясь организационной работой, Б. принимает также активное участие в гражданской войне, занимая ряд ответственных командных постов в Красной армии Везде и всюду Б слывет за честного и безукоризненного работника, отдающего все свои силы и знания новому строительству. После демобилизации Б. не бросает работы, а меняет лишь фронт, с фронта гражданской войны он переходит на фронт мирного хозяйственного строительства нашей Республики и последовательно занимает ряд ответственных должностей, из коих последней является должность заместителя председателя правления одного крупного общественного учреждения. Состоя в этой должности и располагая большими суммами, Б. осенью прошлого года производит растрату в несколько десятков тысяч рублей, обескровив и без того скудные средства возглавлявшегося им учреждения; эти деньги были им проиграны в казино, в сравнительно небольшой промежуток времени Просто и ясно повествует Б. свою историю, он не ищет себе оправдания, хорошо понимая серьезность и гнусность содеянного. На вопрос, как мог он, ответственный и всеми уважаемый работник, совершить растрату, Б. повествует, что в первое свое чисто случайное посещение казино, когда он решил попытать счастья, он проиграл три тысячи рублей Эту сумму, для него очень большую, он захотел вернуть обратно, благодаря чему несколько дней спустя пытает счастья в «золотой комнате» казино. Ему не везет, он вторично проигрывает несколько тысяч рублей и на этот раз уже вынужден прибегнуть к «внутреннему займу» вверенных ему по службе денежных сумм, для чего пользуется своим правом распоряжения кредитом учреждения, несколько раз под разными благовидными предлогами Б. получает из банка по чекам довольно значительные денежные суммы, которые захлебываясь в охватившей его страсти к игре, он последовательно приносит на алтарь азарта, куря фимиам своему грядущему падению и полной деклассации. Захлебываясь все больше и больше, желая так или иначе отыграться, вернуть уже растраченные суммы, Б. медленно, но верно погружался в ту пропасть, которая разверзалась перед ним еще со дня его первого посещения казино; он это великолепно понимал

и учитывал, но сделался каким-то безвольным, парализованным, лишившимся всякого самоконтроля суб'ектом Видя, что все кончено, исчерпав все возможности отыграться, Б , с несколькими стами рублей в кармане, уезжает на юг, где, отряхнув прах от казино, вновь превращается в прежнего сосредоточенного и серьезного работника; в течение месяца он усиленно работает над окончанием ранее им начатой поэмы, считая почему-то эту работу очень важной. После этого он возвращается в Москву и сам является в ГПУ с повинной. На суде Б. держится достойно, он отнюдь не умаляет значения им содеянного поступка и имеет гражданское мужество просить суд отнестись к нему без всякой пощады, ибо считает себя уже отпавшим, «отрезанным ломтем» Б приговаривается к максимальному сроку лишения свободы Человек недюжинного ума и способностей, хороший работник, безусловной честности, если не считать только что цитированного печального эпизода его жизни, Б. производит на окружающих весьма хорошее впечатление; он являет собой красочный тип «случайного» преступника, человека, переступившего запретную грань в силу простого случая, в силу первого необдуманного шага; это, безусловно, не тип афериста, искателя приключений, любителя легкой наживы. Здесь перед нами развертывается во всей своей неприглядной полноте глубокая жизненная трагедия, вычеркнувшая у случайно попавшего на скамью подсудимых труженика десять лучших лет его жизни и в корне разрушившая все его богатое прошлое.

Не менее интересен и тип другого растратчика—Г.; происходя из зажиточной семьи подмосковных крестьян-огородников, Г. до революции в течение многих лет состоял на службе в уездной полиции, где занимал должность письмоводителя у станового пристава. После переворота Г. последовательно занимает ряд должностей в местных продовольственных органах, при чем, как человек умный и ловкий, быстро приобретает себе известность хорошего и опытного служаки. В августе месяце 1925 г. Г. получает назначение на должность заведующего одним из продовольственных магазинов Уездного Совета. Почувствовав себя полным хозяином и выйдя из-под постоянного наблюдения начальства, Г. начинает свободно проявлять отрицательные стороны своего характера, дотоле находившиеся в потенциальном состоянии, благодаря хорошо осуществлявшемуся надзору за ним и отсутствию у него под руками денежных сумм и других ценностей. Забыв про семью (у Г. жена и несколько человек малолетних детей), Г. яростно предается пьянству и кутежам, которые вскоре принимают характер ежедневно устраиваемых попоек. В этих товарищеских попойках начинают принимать участие и женщины, главным образом, местные проститутки. После закрытия магазина, по ночам, в его помещении происходят настоящие оргии, при чем на вино и женщин кутящая компания, возглавляемая Г., денег не жалела; иногда кутежи устраивались и вне стен магазина—на холостой квартире Г., куда заблаговременно хозяином доставлялось все необходимое. Эта вакханалия продолжалась недолго; нагрянувшая из центра ревизия обнаружила в магазине довольно крупную недостачу как в деньгах, так и в товаре, и Г. был предан суду по обвинению по

ч. I ст. 113 Угол. Код. На суде он упорно отрицал приписываемые ему деяния и сознался лишь в том, что иногда любил немного выпить, но во вне служебное время; недостача по его словам могла произойти как от плохой постановки отчетности, так и от того, что его обворовывали приказчики. Суд, однако, не поверил Г., а на основании показаний целого ряда свидетелей признал установленным факт растраты и приговорил виновного к двум годам лишения свободы, удовлетворив гражданский иск. Личность обвиняемого Г. не симпатична; под маской жертвы плохой отчетности и чужих злодеяний чувствуется растратчик, человек, которому нельзя доверять, чувствуется далеко неслучайный преступник, хотя и впервые сидящий на скамье подсудимых. До тех пор, пока Г. не занимал ответственной должности, пока сфера его служебной деятельности была ограничена и он находился под постоянным бдительным контролем вышестоящих лиц, он был хорошим и добросовестным служакой, ибо службой своей он дорожил и опасался ее лишиться; стоило же ему только почувствовать себя самостоятельным вне контроля работающим, он сразу же дал волю своим инстинктам и в частности пьянству. На все это потребовались деньги, их у него не хватало и он решается на продолжение попоек за счет вверенного ему общественного достояния; о завтрашнем дне, о грядущей и неизбежной поверке Г., как обычно и все растратчики, совершенно не думает; он живет лишь одним сегодняшним днем, не желая и думать о будущем хотя, вне сомнения, хорошо сознает все его ожидающее.

Из заслуживающих внимания растратчиков надлежит остановиться также и на некоем С., который, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, занимал ряд ответственных постов в местных хозяйственных органах Республики. В 1924 г. С. служил заведующим губернской строительной конторой, а год спустя, вследствие ее ликвидации, он уже переходит в одно центральное управление Поволжья. Во время ликвидационных подсчетов в строительной конторе была обнаружена недостача нескольких тысяч рублей, которые, как оказалось после проверки, числились за ее заведующим, т.-е. С.; об этой недостаче было немедленно сообщено по месту новой службы С., но почему-то это сообщение осталось без должного внимания и дело как-будто заглохло. Несколько освоившись и привыкнув к новой обстановке, С. начинает и здесь свою традиционную работу; он берет, пользуясь своим служебным положением, крупные подотчетные суммы и всевозможные авансы не отчитываясь в предшествующих. Летом 1925 г. он уезжает в отпуск на юг России, оставив после себя задолженность в семь тысяч рублей. В отпуске он пребывает продолжительное время и уже возвращается обратно этапным порядком, ибо арестовывается в Пятигорске за целый ряд махинаций, из коих особенного интереса заслуживает его поступление там на должность директора одного из заводов и присвоение 900 рублей, полученных им от уполномоченного Госспирта; умело втершись на службу в Пятигорске, С. попрежнему продолжал и здесь забирать подотчетные суммы, бесцеремонно тратя их на свои личные нужды. Привлеченный к следствию и суду, он признал себя виновным лишь в самой незначительной растрате, хотя материалы следствия дали со-

вершенно иную, ужасающую картину его деятельности; с несомненностью было установлено, что этот субъект для удовлетворения своих непомерных аппетитов абсолютно ничем не брезгал; он с одинаковым успехом умудрялся присваивать себе под разными видами как крупные, так и мелкие суммы вплоть до четырех червонцев, однажды ловко полученных им от одного заведующего домом отдыха в Ялте. С. вел весьма шикарный образ жизни, значительно превосходивший получаемое им по службе содержание. Имея пристрастие к вину и женщинам, он не жалел на них средств; судебным следствием установлен целый ряд попоек, устраивавшихся С. и завершавшихся дебошами и катаньем на казенных автомобилях. Все эти попойки обычно сопровождались уничтожением бесчисленного количества бутылок хорошего вина. На своих двух жен С. тратит большие деньги, ибо показаниями целого ряда свидетелей установлен их шикарный образ жизни. Эти проделки требовали от С. все новых и новых ресурсов, в поисках которых он дошел до использования вверенных ему служебных ценностей и всяких иных преступных, подчас даже мелкокалиберных, махинаций. Губернский Суд, слушавший дело С., признал обвинение доказанным в полной мере и применил к нему максимальную санкцию, частью II ст. 113 Уг. Код. предусмотренную.

Чистейший тип алкоголика представляет из себя начальник одной из подмосковных станций Х. Старый железнодорожный служака, имеющий чуть ли не двадцатилетний стаж безупречной службы, Х. за последние годы начинает сильно увлекаться выпивкой. Страсть к вину появилась у него, по словам его жены, со времени полученного по службе повышения, благодаря которому Х. из начальника мелкой станции был переведен на должность начальника значительно большей, узловой станции. Здесь к его услугам оказался хорошо оборудованный станционный буфет и новая компания пьющих сослуживцев. Первое время Х. стал попивать в свободное от службы время; с пива он вскоре перешел на водку и вина, которыми торговал буфет. Эта атмосфера товарищеского пьяного окружения, царившего среди некоторых из сотрудников станции, сильно затянула Х., который и раньше никогда не отличался стойкостью характера и равнодушием к алкоголю. Х. начинает пить даже в дни своего дежурства; между поездами он постоянно забегает в буфет, при чем, широкий по натуре, он не жалеет средств на угощение своих собутыльников, видимо, ловко пользовавшихся случаем выпить за счет начальника. Жена неоднократно приводила его домой из станционного буфета в состоянии полного опьянения, без копейки в кармане. Никакие увещания, никакие просьбы не могли удержать Х. от начатого им пьянства; оно неуклонно прогрессировало, все больше и больше втягивая в себя уже намеченную жертву. Результаты этого не замедлили сказаться. Получаемого Х. по службе содержания не могло хватить на удовлетворение разбушевавшейся страсти к попойкам и он, совершенно незаметно для себя, начинает прибегать к позаимствованиям денег из кассы, пока очередная ревизия не устанавливает недостачу чуть ли не в тысячу рублей и Х. не попадает на скамью подсудимых. Уголовщина сразу его отрезвила; он заговорил о

семье, о детях, о том, что своим поступком аннулировал годы прежней беспорочной службы. Человек этот как бы переродился и воскрес; он понял сущность им содеянного и смело предстал перед пролетарским судом, прося себе лишь снисхождения ради малолетних детей. Поступок Х. был судом надлежаще взвешен, была учтена та непривычная обстановка, в которую внезапно он попал, получив повышение за безупречную прежнюю службу; приговорен Х. был к одному году лишения свободы. Личность обвиняемого производит положительное впечатление; перед исследователем не замкнутая, таинственная личность, старающаяся доказать ошибочность инкриминируемых деяний, а открытый и простой человек, все без утайки передающий своими словами; перед вами типичный, «случайный» преступник, которому эта печальная страница его жизни послужит в дальнейшем верным предупреждением от рецидива.

Можно было бы привести много подобных примеров, много тяжелых жизненных трагедий, окутывающих собою не только тех, которые сидят на скамьях подсудимых в ожидании своей участи, но и тех, которые, сидя среди публики, наполняющей собою залы судебных заседаний, прислушиваются к процессу им родных и близких, с которыми их так или иначе связала судьба. Все эти случаи красочно и ярко подтверждают вышеизложенное, оттеняя особенности каждого из вкратце затронутых нами факторов растраты.

Репрессия и растраты.

Растраты обусловливаются рядом социальных условий. Поэтому среда подлежит оздоровлению в первую очередь. Меры, которые применяются к растратчикам—лишь меры, имеющие цель временного устранения их из общества. Безнадежность предупредить растраты одними уголовными карами отмечалась в статьях и речах ряда ответственных работников правительственных органов. В задачи нашего исследования не входит детальное рассмотрение вопроса о предупреждении растрат. Цель нашей статьи, с одной стороны, показать читателю виды репрессивных мер, назначаемых судами к растратчикам, а с другой стороны,— исследовать и установить зависимость репрессии от ряда объективных моментов, иначе—имеется ли какая-нибудь закономерность в практике судов по применению репрессии в отношении растратчиков или ее нет.

При общем взгляде на количественные величины лиц, осужденных к тем или иным мерам, наблюдается, что большинство растратчиков приговаривается к лишению свободы. Лишение свободы, которому подвергаются растратчики, носит разнообразный характер. Разнообразие касается как сроков, на которые осуждаются растратчики, так и степени лишения свободы, т.-е. со строгой изоляции или без таковой. Приговоры со строгой изоляцией коснулись 0,5% из 2273 обследованных растратчиков. Но помимо строгой изоляции к 286 растратчикам или к 12,6% применена конфискация имущества—из них к 143 или к 6,3% полная, и к 143 или к 6,3%—частичная. Затем в отношении к 82 человекам или 3,6% вынесено постановление о поражении в правах.

При рассмотрении сроков лишения свободы обращает внимание значительное число лиц, приговоренных к довольно длительному пребыванию в местах лишения свободы.

Достаточно указать, что из 2.273 растратчиков на срок до 1 месяца осужден только один. Если считать пониженным сроком, срок до 6 месяцев, или даже до 1 года, то 20 процентов растратчиков приговаривается к лишению свободы на срок до 1 года и 80% свыше года.

Среди лиц, приговоренных к лишению свободы на время свыше 1 года, большинство, 919 чел., или 44,7% осуждено на срок от 1 года до 2 лет; 318 чел. или 15,4%—от 2—3 лет; 236 чел. или 11,4%—от 3—5 лет; 92 чел. или 4,5%—от 5—8 лет; 44 чел. или 2,1%—от 8—10 лет.

Но относительные величины тяжести репрессии представляются совсем другими в связи с теми учреждениями, в которых произошла растрата.

Здесь независимо от каких-либо других условий на определение степени репрессии, видимо, оказывало влияние то положение учреждения или органа, которое они занимали в общей системе государствен-

ного строительства, другими словами, являлось ли учреждение или орган общественным, например, жилтоварищество, или правительственным и государственным, например, исполкомы и т. д.

При сравнении репрессии к растратчикам из жилтовариществ, кооперации и профсоюзов и репрессии к растратчикам административных органов наблюдается полная разница в степени тяжести ее. В то время, как за растраты в административных органах, являющихся представителями власти и проводниками правительственных распоряжений, лица, совершающие их, чаще (40,4%) осуждаются на сроки от 2 лет и выше, т.-е. на более длительные сроки лишения свободы, растратчики жилтовариществ на сроки от 2 лет совсем не осуждаются. Или растратчики кооперации приговаривались на срок свыше 2 лет в 28 случаях из ста осужденных за растраты в кооперации; растратчики в профсоюзах—в 33 случаях; общественных организациях—30 случ., на те же сроки (от 2 лет и выше) осуждались растратчики административных органов—в 48 случаях из ста; Красной армии—в 38 случ., государственно-хозяйственных органов—35 случ.; в среднем по всей России для растратчиков всех учреждений (см. табл.) назначение лишения свободы на срок свыше 2 и до 10 лет составляет 33,5% из ста. Здесь мы видим, что длительные сроки лишения значительно чаще назначаются к растратчикам в государственных учреждениях и органах, чем к растратчикам всех вместе взятых. Что касается растратчиков общественных учреждений, то в отношении их, наоборот, частость назначения продолжительных сроков стоит ниже средней по всей России. Это новое подтверждение зависимости тяжести или мягкости (в смысле длительности и кратковременности срока лишения свободы) репрессии от того учреждения, в котором произведена растрата.

Итак, если учреждение государственное, то при всех прочих равных условиях за растрату в нем будет назначена более суровая репрессия; если общественное—наоборот. Но из этого безусловно не следует делать вывод, что за растрату в общественных органах и учреждениях тяжелая и суровая репрессия не назначается. Мы знаем такой случай, когда за растрату профсоюзных денег был вынесен приговор о расстреле, замененный 10 годами лишения свободы. Вопрос касается лишь частости случаев назначения повышенных сроков лишения свободы (по сравнению с пониженными). Такая разница в тяжести репрессии, надо признать, об'ясняется, как мы указали выше, родом социальных функций, отправляемых учреждением. Для судов растрата, учиненная председателем или работником кооперации—заслуживает менее тяжелой репрессии, чем растрата, учиненная председателем сельсовета или участковым надзирателем милиции, или старшим милиционером, или другим представителем власти.

В зависимости от того доверия, какое авансируется государством служебному лицу, и значения служебного лица в обществе, —в известной мере определяется и степень репрессии.

В качестве иллюстрации распределения тяжести репрессии (в виде лишения свободы на различные сроки) в связи с учреждениями и орга-

нами, в которых произведены растраты, приводим статистические данные. Сведения приводятся в суммарном виде по всей РСФСР (без деления на Москву, города, сельские местности) и без деления на лишение свободы с конфискацией имущества:

Названия органов и учреждений / Сроки лишения свободы	До 1 мес.	От 1 м. — 6 мес.	6 мес. — 1 года	1 — 2 лет	2—3 лет	3—5 лет	5—8 лет	10 лет	Всего
Фабзавкомы и месткомы	—	—	12 14,8	47 58,0	11 13,6	8 9,9	2 2,7	1 1,2	81 100,0
Профсоюзы	1 1,2	4 4,9	25 30,9	24 29,7	12 14,8	10 12,3	3 3,7	2 2,5	81 100,0
Первичные кооперативы	—	29 4,5	77 12,[illegible]	351 55,4	85 13,[illegible]	65 10,2	23 3,6	6 0,9	636 100,0
Кооперативные союзы	—	1 5,6	1 5,6	12 66,6	1 5,6	2 11,0	1 5,6	—	18 100,0
Административные органы	—	27 4,3	73 11,6	273 43,5	116 18,4	82 13,0	33 5,2	25 4,0	629 100,0
Государственно-торговые органы	—	12 9,5	35 27,8	35 27,8	22 17,5	10 7,9	10 7,9	2 1,6	126 100,0
Государственно-хозяйственные органы	—	16 6,6	69 28,6	73 30,4	34 14,1	34 14,1	10 4,1	5 2,1	241 100,0
Жилищные товарищества	—	12 35,3	17 50,0	5 14,7	—	—	—	—	34 100,0
Красная армия	—	9 7,1	24 18,[illegible]	46 36,[illegible]	23 18,1	18 14,2	5 3,9	2 1,6	127 100,0
Общественные организации	—	1 1,3	7 8,8	48 60,0	12 15,0	7 8,8	4 5,0	1 1,3	80
Прочие	—	—	1 16,7	2 33,3	2 33,3	—	1 16,7	—	6 100,0
Всего	1 0,0	111 5,4	341 16,5	919 44,7	318 15,4	236 11,4	92 4,5	44 2,1	2062[1]) 100,0

Таким образом, неодинаковая частость кратких и длительных сроков лишения свободы по отдельным группам учреждений свидетельствует о том, что назначение тяжелой и суровой репрессии за растраты

[1]) Даны сведения о растратчиках, относительно которых известны сроки лишения свободы; неизвестные 211 не вошли в данную таблицу

находится в зависимости от *значения социальных функций, выполняемых органом* или учреждением в системе народного хозяйства. Вскрытая зависимость не находится в противоречии и с Уголовным Кодексом РСФСР, по которому растраты, учиненные частными лицами в негосударственных и неправительственных учреждениях, в частности, в жилтовариществах, караются легче, чем растраты в государственных учреждениях.

Но само по себе положение учреждения в государственном организме не является еще единственно решающим моментом при определении срока лишения свободы. Если учреждения—государственное или общественное, из этого совсем не следует, что за растраты в них обязательно будут назначены длительный или короткий сроки лишения свободы. *Для определения краткости или длительности срока весьма важное значение имеет величина суммы растраченных денег.*

Правда, основным началам Уголовного Законодательства Советской России чужд принцип эквивалентности наказания совершенному деянию. В соответствии с чем, казалось, и мера социальной защиты, в виде лишения свободы на разные сроки, не должна быть назначаема из расчета,—чем больше, тем длительнее. В особенности если принять во внимание, что за данное правонарушение по ст. Уголовного Кодекса положено лишение свободы не ниже 6 месяцев. Согласно идей Советского Уг. Кодекса, меры социальной защиты могут быть повышены в зависимости от степени социальной опасности данного правонарушения. Как же, спрашивается, этот принцип проводится к растратчикам. При анализе преступлений растрат, прежде всего, следует признать, что суб'екты их менее всего удовлетворяют тому признаку, которым обычно характеризуются так называемые социально-опасные преступники, а именно, прежней судимости (после Октябрьской Революции). В виду отсутствия последней, их социальная опасность, как это мы увидим ниже, косвенно выводится из количественной суммы растраченных денег. Если считать, что социально-опасным может считаться и лицо, не совершавшее ранее преступлений, а могущее вообще совершить преступление, то, разумеется, при такой концепции весьма неопределенной, расплывчатой и произвольной, всякий растратчик, как совершивший данное преступление, всегда может быть подведен под категорию социально-опасных и в данный момент и в будущем. Если в связи с волной раскрытия растрат (а не фактического роста новых растрат, так как по справедливому замечанию Сольца, с об'явлением борьбы с растратами, возникло значительное число дел о растратах, совершенных до начала 1925 года), преступления—растраты признано считать действиями социально-опасными, как наиболее сильно подрывающими основы советского строительства, то казалось бы, каждый растратчик должен быть признан социально-опасным, и как таковой должен заслужить наиболее повышенного наказания, лишением свободы с длительными сроками.

Судебная же практика в этом отношении рисует нам совсем иную картину.

В самом деле, по некоторым учреждениям за растраты до 500 рублей срок свыше двух лет не назначается, а за растраты свыше 500 рублей назначается лишение свободы от 2—3 лет и даже от 3—5 лет. Далее мы видим, что за растраты свыше 1.000 рублей не только назначаются сроки от 2—3 л. от 3—5 л., и от 5—8 лет, но и частость их назначения усиливается по сравнению со сроками за растрату от 500 руб до 1.000 рублей.

Аналогичная картина интенсивности повышения сроков лишения свободы наблюдается и за растраты—2 500 р., 5 000, 10 000 рублей и свыше 10.000 рублей.

Но сумма растраченных денег не берется судом изолированно от значения учреждения, в котором произведена растрата. Значение социальных функций, выполняемых тем или другим учреждением, принимается во внимание.

В качестве отдельных иллюстраций *зависимости* кратких и длительных сроков лишения свободы *от высоты суммы растраченных денег* и значения учреждения приведем отдельные таблицы:

Сроки лишения свободы. \ Сумма растрач. денег.	Государственные торговые органы Москвы.								
	До 50 р.	От 50 р. — 100 р.	100 р. — 250 р.	250 р. — 500 р.	500 р. — 1000 р.	1000 р. — 2500 р.	2500 р. — 5000 р.	5000 р. — 10000 р.	10000 р. и более
До 1 мес. . . .	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
От 1 м.— 6 м. .	—	—	0,0	33,3	40,0	12,5	0,0	0,0	0,0
» 6 » — 1 г. .	—	—	100,0	66,7	60,0	50,0	66,7	0,0	0,0
» 1 г. — 2 л. .	—	—	0,0	0,0	0,0	37,5	33,3	50,0	0,0
» 2 л. — 3 » .	—	—	—	—	—	0,0	0,0	50,0	0,0
» 3 » — 5 » .	—	—	—	—	—	—	—	0,0	100,0
» 5 » — 8 » .	—	—	—	—	—	—	—	—	0,0
» 8 » —10 » .	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого. . .	0,0	0,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Сумма растрач. денег / Сроки лишения свободы.	Государственно-хозяйственные органы Москвы								
	До 50 р.	50 р.—100 р.	100 р.—250 р.	250 р.—500 р.	500 р.—1000 р.	1000 р.—2500 р.	2500 р.—5000 р.	5000 р.—10000 р.	10000 р. и более.
До 1 мес. . . .	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
От 1 м. – 6 м. .	0,0	—	0,0	20,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
» 6 » – 1 г. .	100,0	—	0,0	40,0	0,0	0,0	12,0	0,0	0,0
» 1 г. — 2 л.	0,0	—	100,0	40,0	66,7	58,8	37,5	33,3	0,0
» 2 л. – 3 »	—	—	0,0	0,0	22,2	17,6	25,5	33,3	0,0
» 3 » — 5 »	—	—	—	—	11,1	11,8	12,5	16,7	0,0
» 5 » — 8 »	—	—	—	—	0,0	11,8	12,5	16,7	66,7
» 8 » —10 » .	—	—	—	—	—	0,0	0,0	0,0	33,3
Итого.	100,0	0,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В приведенных таблицах мы видим, как *повышается репрессия в зависимости от растраченной суммы.* За растрату до 1.000 р. в государственных торговых органах репрессия не поднимается выше года. За растраты в тех же органах сумм свыше 1.000 рублей уже репрессия повышается. Из данных о репрессии за растраты в государственно-хозяйственных органах мы наблюдаем не только повышение репрессии в связи с повышением растраченных сумм, но и интенсивность темпа повышения репрессии в зависимости от величины растраты. Более повышенная репрессия за растрату одних и тех же сумм в разных учреждениях говорит за то, что подрыв путем растраты работы госуд. органов, в частности хозяйственных, оценивается судебными органами более суровой репрессией, чем в торговых.

Зависимость кратких и длительных сроков лишения свободы весьма рельефно обнаруживается при анализе репрессии в связи с растраченной суммой без связанности с тем или другим учреждением. Здесь наблюдается *полная закономерность* (прямая зависимость) между высотой растраченной суммы и высотой назначенного срока лишения свободы. Чем больше растрачено, тем более длительный срок получает растратчик. В этом отношении весьма показательны сведения о сроках лишения свободы и растраченных суммах по всем группам учреждений всех местностей.

Суммы растраченных денег. / Сроки лишения свободы.	До 50 р.	50—100	100—250	250—500	500—1000	1000—2500	2500—5000	5000—10000	10000 и свыше
До 1 мес. . .	—	—	0,3	—	—	—	—	—	—
От 1 м.—6 м. .	12,9	16,8	8,9	3,4	4,0	1,2	—		
» 6 м.—1 года	25,8	18,5	22,4	22,4	13,6	7,9	8,4	4,3	
» 1 г.—2 лет	44,0	52,2	52,1	51,1	40,7	41,3	18,9	30,4	4,0
» 2— 3 » .	8,6	8,4	9,7	12,9	16,8	24,6	26,3	17,[illegible]	12,2
» 3— 5 » .	6,5	2,5	4,7	7,1	13,0	17,6	28,7	[illegible]	28,[illegible]
» 5— 8 » .	2,2	0,8	1,1	1,8	2,1	5,3	13,7	23,9	32,[illegible]
» 8—10 » .	—	0,8	0,8	1,3	0,8	2,1	4,2	13,1	24,[illegible]
Всего . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Из приведенных данных видно, что степень интенсивности назначения длительного и краткого срока лишения свободы за мелкие суммы весьма отлична от таковой за крупные суммы. Если за мелкие суммы длительные сроки касались единиц, за крупные, наоборот, повышенные (свыше 2 лет) сроки самое распространенное явление. Так, из 1348 лиц, растративших на сумму от 50 руб. до 1.000 рублей—было осуждено на срок лишения свободы от 1 мес. до 2 лет (включительно) 1044 чел., или 74,4% и за те же суммы на срок свыше 2 лет и до 10 лет осуждено 304 чел., или 22,6%. Из 507 лиц, растративших свыше 1.001 руб. и до 10.000 руб. и выше, было осуждено к лишению свободы на срок до 2 лет (включительно) 215 чел., или 42,4%, а на срок свыше 2 лет и до 10 л.—осуждено 292 чел., или 57,6%.

Таким образом, за растраты сумм от 1.000 руб. и выше получить лишение свободы на срок от 2 до 10 лет представляется в два раза больше шансов, чем за растрату до 1.000 рублей.

Но из этого общего правила можно, правда, сравнительно редко, встретить исключения (см. предыдущую таблицу), когда длительный срок свыше 2 лет назначается и в отношении лиц, растративших менее ста рублей. При обследовании приходилось встречать, с одной стороны, лиц, у которых растрата не превышала 100 рублей и осужденных на срок от 5—8 лет, а с другой стороны,—растративших на сумму свыше 5.000 рублей и приговоренных к лишению свободы от 1 года до 2 лет. Для заключенных, психологически ассоциирующих длительный срок соответственно большей растраченной сумме, описанные случаи диспропорции срока наказания и растраченной суммы представляются непримиримым противоречием. Такая диспропорциональность, по их мнению, об'ясняется либо делом случая, либо настроением судьи. Следует заметить, что некоторыми судебными органами величина растраченной суммы бралась как исходный пункт. «На практике, как отмечают за

ключенные, судья брал при определении репрессии, заработок растратчика. Допустим, растратчик получал в месяц 50—60 р., а в год 600—720 рублей. Если растрата у него составляла 1.500 рублей, он получал срок 2 года лишения свободы». Иначе, растраченная сумма делилась на годовой бюджет растратчика. И на сколько времени, соответственно своему бюджету, предполагалось, растратчик мог обеспечить или обеспечивал себя присвоенными казенными деньгами, столько он должен и просидеть в тюрьме. Встречаются случаи, когда год лишения свободы расценивался в тысячу рублей растраченных денег. Но повторяем, что подобные случаи арифметических вычислений сроков лишения свободы не имели широкого распространения.

Эти случаи достаточно показательны лишь для встречающегося разнобоя в назначении сроков лишения свободы за крупные и, можно сказать, ничтожные растраты. Если об'явлена кампания борьбы с растратами, это не означает, что суды отдельных местностей должны действовать, не внося никаких коррективов в свою практику. Усиленная борьба с присвоениями и растратами, замечает М. Челышев, «вовсе не исключает обязанности внимательно и вдумчиво относиться к каждому отдельному преступлению этого рода» [1]) и не сваливать «в одну кучу все растраты и присвоения» и назначать «одинаковую меру репрессии и за случайные единовременные растраты, и за растраты явно злостные систематические, и за растраты из нужды, и за крупные растраты, и за растраты мелкие, ничтожные» [2]); тот же автор отмечает случай назначения судом лишения свободы за растрату 75 копеек [3]). Среди нами обследованных не встречалось таких осужденных, но пример близкий к тому приводим — «телеграфист почтово-телеграфной конторы Н. К. П. и Т. 31 года, беспартийный, грамотный, был добровольцем в Красной гвардии, Кр. армии, получал 36 рублей, на иждивении жена и двое детей в возрасте 5 и 8 лет, ранее не судился, растрата его выразилась в сумме 20 руб., за что осужден на полтора года к лишению свободы». «Умысла растраты не было», говорит бывший телеграфист, «брал деньги в качестве аванса, на нужды семьи. Растраченная сумма удержана из жалованья». Тем не менее судебная процедура произведена и так называемый «злостный» растратчик отбывает срок. Спрашивается, внесен ли в подобном случае хотя какой-либо корректив? Разумеется, никакого. Или, например, Ч.— 21 года, беспартийный, грамотный, имет на иждивении 4 человека, состоя в должности запасным лесником, был обвинен в том, что им присвоено полсажени дров, в переводе на деньги стоимостью 6 руб. Осужден по ст. 113 ч. I У. К. на 6 месяцев лишения свободы [4]). Это лучшие примеры проведения

[1]) М. Челышев — «Борьба судебных органов с растратами» — Журнал «Рабочий Суд» № 49—50, стр. 1852.

[2]) Там же, стр. 1853.

[3]) Там же, стр. 1853.

[4]) В целях проверки сведений, сообщаемых в анкетах, от института были посланы запросы в места лишения свободы, откуда получены ответы, подтверждающие эти сведения: 1) отношение Гжатского исправдома от 9 июля 1926 г. за № 130 и 2) отнош. Терск. окружн. исправ. труд. дома от 13 июля № 10641.

в жизнь, где нужно и не нужно, теории устрашения, так горячо защищаемой некоторыми теоретиками уголовного права.

Однако, не всегда можно говорить о том, что кратковременный или длительный срок лишения свободы зависит от количества растраченных денег. При определении размера репрессии иногда весьма существенную, если не решающую роль в некоторых случаях, играет *качество растраченных денег*. Для иллюстрации повышенной меры социальной защиты, при выборе которых исходным пунктом было не количество, а качество растраченных денег, приведем данные анкет:

Берем растратчиков, осужденных по второй части ст. 113 Уг. Кодекса [1]):

А.—51 года.	Б.—60 лет.	В.—23 лет [2]).
Образование — среднее.	Низшее.	Низшее.
Беспартийный.	Беспартийный	Беспартийный
Бюджет—60 рублей.	29 рублей	20—30 руб.
На иждивении—3 чел.	3 человека.	Одинокий.
Растрату совершил, состоя на службе в УФО на должности Заведующего приходно-расходной кассой.	Растрату произвел, будучи в должности бухгалтера УФО (Уездн. Финанс. Отд.).	Растрату совершил, состоя на должности начальника Волостной Милиции.
Растратил—4624 р. казенных денег. По специальности бухгалтер с 1891 года.	257 рублей, которые были получены им по сбору продналога.	113 рублей, собранные с крестьян. Деньги израсходовал на пьянство.
Мера социальной защиты: лишение свободы на 3 года без строгой изоляции.	К 6 годам лишения свободы.	На 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией.
Осужден по 2 ч. ст. 113 Уг. Код. (анкета № 4).	Осужден по 2 ч. ст. 113 Уг. Код (анкета № 9).	Осужден по 2 ч. ст. 113 Уг. Код. (анкета № 10).

Приведенные примеры весьма показательны в смысле разницы суровости репрессии в зависимости не от количества растраченных денег, а от их качества. В самом деле, во всех данных случаях растртчики привлекаются по 2 ч. ст. 113, по которой лишение свободы полагается на срок не ниже 3 лет и до 10 лет. Если следовать той точке зрения, что срок повышается пропорционально величине растраты денег, мы должны были бы ожидать, что за растрату 257 р. или 113 руб. растратчики будут осуждены, допустим, максимум на три года, а за растрату суммы свыше 4 тысяч—на 5 лет и выше. Оказалось же совсем наоборот. Растратчики меньших сумм получили сроки значительно

[1]) И те же действия, т.-е. присвоение и растрата—«совершенные должностным лицом, облеченным особыми полномочиями, или присвоение особо важных госуд. ценностей караются наказаниями, предусмотр. 2 ч. ст. 106», лишением свободы на срок не ниже 3 лет, а при отягчающих обстоятельствах высшей мерой наказания.

[2]) Буквы А, Б, В и другие ставятся условно.

более высокие, чем растратчики больших сумм. Об'яснение такой разницы следует искать в значимости растраченных денег.

Как указывалось выше, приведенные примеры не являются массовым явлением. В огромной же массе репрессия повышается пропорционально величине растраченной суммы денег. Чем больше растрачено, тем на больший срок осужден растратчик. Тенденция поставить длительные или краткие сроки лишения свободы в зависимости от высоких или мелких растрат наблюдается не только по всем группам растрат, но и *по всем местностям России*, будь то Москва, прочие города или сельские местности. Для этой же цели проследим, *как повышалась репрессия параллельно увеличения растраченных сумм по отдельным учреждениям*. Возьмем растраты по первичным кооперативам в городах. За растрату до 100 руб. приговаривают к лишению свободы на срок от 1 месяца до 1 года—12,5%, на срок от 1 года до 2 лет—62,5% и на срок от 2—3 лет—25,0%.

За растрату от 100 до 250 рублей—на срок от 1 мес. до 1 года осуждается—11,4%, на время от 1 года до 2 лет—71,4%, на срок от 2—3 лет—11,4%, на срок 3—5 лет—2,9% и на срок 8—10 лет—2,9%. Незначительная разница в сумме растраты в 150 рублей влечет большую ответственность в форме лишения свободы на сроки от 3—5 лет и от 8—10 лет. При растрате суммы от 250 р. до 500 рублей интенсивность репрессии сроком свыше 2 лет увеличивается на 7,2%. Если за растраты от 100—250 рублей приговоры со сроками лишения свободы свыше 2 лет коснулись 17,2%, за растраты сумм от 250 до 500 рублей эти сроки постигли 24,4% растратчиков. Далее за растрату 500 рублей до 1.000 рублей репрессия сроком свыше 2 лет касается 28,0%, за 1.000 р.—2.500 рублей—срок свыше 2 лет—53,6%, за растрату от 2.500—5.000 рублей—76,5% и т. д., наконец, за растрату 10.000 руб. и более уже на срок свыше 3 лет осуждается все 100%, их совершившие.

Приведенные данные лишний раз подтверждают общую тенденцию выносить приговоры с тем большим сроком лишения свободы, чем выше растраченная сумма. Что касается репрессии к растратчикам в первичных кооперативах сельских местностей, здесь наблюдается такая же тенденция.

В подтверждение приводим соответствующую табл. (см. стр. 127)

В практике судебных органов Москвы так же, как и по другим местностям России наблюдается тенденция назначать сроки лишения свободы тем выше, чем больше растрачено. Характерно для Москвы и то, что за растраты в первичных кооперативах Москвы краткие сроки лишения свободы назначаются чаще длительных.

Стремление судебных органов г. Москвы назначать краткие сроки лишения свободы в противоположность судебным органам прочих городов и сельских местностей замечается не только за растраты в кооперации. По другим группам растрат в г. Москве также большая часть растратчиков осуждена на сравнительно краткие сроки. Различные степени суровости и относительная мягкость (в смысле краткости срока

Сроки лишения свободы. / Величины растрач. сумм.	Репрессия за растраченные суммы по первичн. кооп. сельск. местност.								Репрессия за растраченные суммы по первичн. кооп. в Москве.							
	До 50 р.	50–100 р.	100–250 р.	250–500 р.	500–1000 р.	1000–2500 р.	2500–5000 р.	5000 р. и более	До 50 р.	50–100 р.	100–250 р.	250–500 р.	500–1000 р.	1000–2500 р.	2500–5000 р.	5000 р. и более
До 1 мес. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—								
От 1 м. — 6 м.	10,0	11,9	15,0	1,7	2,6	1,6	0,0	0,0			50,0					
» 6 м. — 1 г.	0,0	23,5	11,2	18,0	7,7	6,3	7,1	0,0								
» 1 — 2 л.	90,0	64,7	61,2	70,4	64,0	50,8	11,8	50,0								
» 2 — 3 »	10,0	0,0	5,0	5,7	16,7	22,2	28,6	0,0								
» 3 — 5 »	0,0	—	3,8	3,4	9,0	12,7	28,6	50,0								
» 5 — 6 »		—	3,8	0,0	0,0	6,4	14,3	0,0								
» 8 — 10 »		—	0,0	1,0	0,0	0,0	7,1	0,0								
Итого . . .																

лишения свободы) репрессии, какую нетрудно наблюдать по отдельным местностям России, позволяют говорить *о меньшей суровости репрессии в Москве и о тяжести ее в остальных местах России*. И, действительно, в то время как в Москве к лишению свободы на срок до 2 лет (включительно) приговорено 77,5%, на тот же срок в прочих городах—62,2% и в сельских местностях — 72,7%. Что касается суровых приговоров (с длительными сроками лишения свободы) свыше 2 лет до 10 лет — к ним присуждено в Москве 22,5%, в прочих городах—37,8% и в сельских местностях—27,3%. При чем, из пониженных сроков в Москве сравнительно часто назначаются краткие сроки лишения: до 6 мес. и от 6 м. до 1 года. Представление о зависимости степени репрессии от места совершения растраты и места суда дает следующая таблица

Репрессия за растрату в местностях.

Сроки лишения свободы	Г. Москва.	Прочие города.	Сельские местности.
До 1 мес.	—	0,1	—
От 1 мес. до 6 мес.	10,1	3,6	6,0
» 6 » » 1 года	21,1	17,1	13,7
» 1 года » 2 лет	46,3	41,4	53,0
» 2 лет » 3 »	11,0	17,4	14,0
» 3 » » 5 »	5,7	13,1	9,6
» 5 » » 8 »	4,0	4,6	2,9
» 8 » » 10 »	1,8	2,7	0,8
	100,0	100,0	100,0

Повышенная репрессия за растраты в сельских местностях по сравнению со столицей говорит за то, что в них деньги ценятся дороже, чем в Москве. В то время, как среди обследованных растратчиков г. Москвы почти никто за растрату до 500 р. не был осужден на срок свыше 2 лет, в сельских же местностях из 47 растратчиков, кои растратили до 50 руб.—19% приговорены к лишению свободы на время от 2—3 и 3—5 лет; точно так же и за растраты сумм от 50—100 рублей. Более того, в сельских местностях за растраты сумм от 100—250 руб. имели место приговоры с лишением свободы на срок от 5—8 лет. В прочих городах репрессия за растрату тех же сумм отличалась еще большей суровостью; в них за растрату сумм до 50 руб. 2 лица осуждены на срок от 5—8 лет, а, напр., за растрату от 50—100 руб. 1 растратчик осужден на срок от 8—10 лет. Несмотря на то, что интенсивность повышения репрессии по отдельным местностям различна, но если мы поставим репрессию в связь с суммами растраченных денег, наблюдается параллель между повышением репрессии (в смысле частости назначения длительных сроков лишения свободы) и возрастанием растраченных сумм. Чтобы не вдаваться в детали, приведем сведения об относительных величинах осужденных на срок свыше 2 лет и растраченных ими суммах по отдельным местностям:

Относительные величины осужденных к лишению свободы на срок от 2 до 10 лет.

Суммы растраченных денег. / Местности.	До 50 руб.	От 50—100 р.	От 100—250 р.	От 250—500 р.	От 500—1000 р.	От 1000—2500 р.	От 2500—5000 р.	От 5000—10000 р.	От 10000 и более
Г. Москва . . .	0,0	0,0	0,0	7,7	15,2	26,3	33,3	49,9	100
Прочие города .	15,5	12,6	19,7	27,9	35,7	57,6	87,2	75,0	100
Сельск. местности	19,1	13,8	16,0	18,1	34,1	46,0	83,3	80,1	100

Для репрессии за растраты по отдельным местностям помимо зависимости ее от растраченных сумм характерно и то, что *темп* частости назначения высоких сроков лишения свободы (в связи с высотой растраченных сумм) по городам и сельским местностям в два—три раза интенсивнее, чем в Москве.

Представляет интерес вопрос о том, где взят более правильный курс при отмеривании сроков лишения свободы к растратчикам: в г. Москве или остальных местах России? Надо полагать, что в Москве, где, как мы видим, за растраты до 250 руб. лишение свободы свыше 2 лет не назначалось. Едва ли находит оправдание надежда на то, что приговоров о лишении свободы на время свыше 2 лет, за растраты 50 руб. в сельских местностях, можно прекратить растраты вообще. Соответственно с тем, как увеличиваются случаи приговоров с длительными сроками параллельно повышенной сумме растраченных денег, наблюдается и обратный процесс: увеличение числа лиц, осужденных на краткие сроки сообразно с малыми суммами. В этом отношении интересны следующие статистические сведения:

Относительные величины осужденных к лишению свободы на срок до 2 лет включительно в связи с растраченными суммами.

Растраченные суммы. / Местности.	До 50 р.	От 50—100.	От 100—250.	От 250—500.	От 500—1000.	От 1000—2500.	От 2500—5000.	От 5000—10000	От 10000 и более
г. Москва . . .	100,0	100,0	100,0	92,3	84,8	73,2	66,7	50,1	0,0
Прочие города	84,5	87,4	80,3	72,1	64,3	42,4	12,8	25,0	0,0
Сельские местности	80,9	86,2	84	81,9	65,9	54,0	16,7	19,9	0,0

Данная таблица дополняет таблицу о сроках свыше 2 лет и рисует картину обратного движения пониженной репрессии в связи с высотой уровня сумм. И если мы говорим, что чем больше растрачено, тем на больший срок осуждается растратчик—приведенная таблица приводит к другому выводу: чем меньше растрачено, тем больше шансов понести легкую, а не суровую ответственность.

Большой интерес представляет вопрос о репрессии к лицам в связи с (теми или другими) их должностями, на которых они произвели растраты. Для ответа на данный вопрос нами взяты большие группы растратчиков: по административным органам и по кооперации (по городам и сельским местностям) в количестве 1224 человека [1])

При анализе репрессии к растратчикам в связи с их служебным положением оказывается, что *должность также не оставалась без известного влияния* на вынесение приговоров: с повышенным или пониженным *сроками лишения свободы*. Так, напр., завед. отделами в административных органах осуждаются к длительным срокам (от 2 до 10 лет) чаще (43,7%), чем кассиры, бухгалтера в тех же органах на такие сроки (32,6%). Как видит читатель, первых к длительным срокам осуждено на 11,1% больше, чем вторых. Возьмем начальников милиции, уг. розысков, они также чаще (35,7%) приговаривались к лишению свободы на время от 2 до 10 лет, чем милиционеры, агенты уг. розысков, надзиратели, которых на этот срок осуждено 27,6%. *В известных случаях влияние служебного положения растратчика на определение степени репрессии было, видимо, сильнее влияния величины растраченной суммы.* Что это так, приведем сравнительные данные: 1) о сроках лишения свободы, 2) величине растраченной суммы и 3) должностях.

Административные органы в городах (без Москвы).

Должность. / Суммы растрат. / Сроки лишения свободы.	Зав. отдел.				Кассиры, бухгалтера.			
	До 1000 р.		От 1001 р. до 10000 и более		До 1000 р.		От 1001 р. до 10000 и более	
	Абс. числа.	% %	Абс. числа.	% %	Абс. числа	% %	Абс. числа	% %
До 2 лет	13	71,2	5	31,2	21	87,5	8	42,1
От 2 до 10 лет	3	18,8	11	68,8	3	12,5	11	57,9
Всего .	16	100,0	16	100,0	24	100,0	19	100,0

[1]) В число 1224 чел. входят только известные: 1) по растраченной сумме, 2) по срокам лишения свободы неизвестные по указанным признакам в итог не вошли.

Таким образом, растратчики одних и тех же сумм, но занимавшие различные по степени ответственности должности, неодинаково (в процентном отношении) приговаривались к кратким и более длительным срокам лишения свободы. Но из этого отнюдь не следует делать вывода, что занимаемая должность является самодовлеющим фактором при назначении той или другой степени по суровости репрессии. Влияние должности, как мы увидим ниже, не настолько велико, чтобы величина растраченной суммы теряла свое определяющее значение при вынесении приговора. Для большей ясности известной зависимости степени репрессии от занимаемой должности растратчиком приведем сведения о репрессии по должностям, без указания величин растраченных сумм.

Репрессия за растраты в административных органах и занимаемая должность.

Города [1]). Сроки лиш. свободы / Название должностей.	Зав. отдел.		Нач-ки милиции, Уг. Роз.		Председ., члены Исполком.		Зав. лавками и маг.		Агенты конторы, торгов. и др.		Кассиры, казнач., бухгалт.		Канц. служ.		Милицион., агенты Уг. Роз., надз.		Прочие.	
До 2 лет включ.	18	56,3	18	64,3	4	63,6	5	83,3	32	80,0	29	67,4	55	80,9	21	72,4	26	—
От 2 до 10 лет	14	43,7	10	35,7	7	36,4	1	16,7	8	20,0	14	32,6	13	19,1	8	27,6	16	
Итого	32	100,0	28	100,0	11	100,0	6	100,0	40	100,0	43	100,0	68	100,0	29	100,0	42	—
Сельск. места. До 2 лет включ.	17	60,7	9	81,8	87	90,6	—	—	22	81,5	19	70,4	46	75,8	22	88,0	13	—
От 2 до 10 лет	11	39,3	2	18,2	9	9,4	-	—	5	18,5	8	29,6	14	24,2	3	12,0	5	—
Итого	28	100,0	11	100,0	96	100,0	-		27	100,0	27	100,0	60	100,0	25	100,0	18	—

Приведенная таблица служит убедительным аргументом большей ответственности не только по службе, но и по суду лиц, занимающих ответственные должности. Напр., председателей исполкомов, по сравнению с канцелярскими служащими. Неодинаковая ответственность лиц разных служебных положений нашла отражение в практике судебных органов, независимо от места совершения растраты, будь то город или сельская местность (села, деревни, местечки). Но как мы и указывали что сами по себе должности еще не определяют, в конечном счете, степень репрессии. Здесь важную роль играют величины растраченных сумм. В подтверждение этого приводим следующие сведения:

[1]) Без. гор. Москвы.

Репрессия к растратчикам административных органов в связи с 1) занимаемыми должностями, 2) величиной растраченных сумм.

Должность.	Завед. отд			Н-ки милиции, Уг. Розыск.			Председ. исполк., члены.			Агенты.			Кассиры, Казнач., бухгалт.			Канц. служ.			Милиц. агенты Уг. Роз.			Прочие		
Сроки. / Суммы.	До 1000	От 1001 1000		До 1000	От 1001—10000.		До 1000	От 1001—10000.		До 1000.	От 1001—10000.		До 1000.	От 1001—10000.		До 10 0.	От 1001—10000.		До 1000	От 1001 10000.		До 1000	От 1001 10 0	
Города. До 2 л.	13	5	18	16	2	18	6	1	7	24	8	32	21	8	29	53	2	55	20	1	21	2	1	—
Города. От 2 до 10 л.	3	11	14	3	7	10	2	2	4	5	3	8	3	11	14	9	4	13	6	2	8	6	2	—
Сельск. местн. Всего до 2 л.	15	2	17	8	1	9	8	4	87	18	1	22	16	3	19	41	2	46	22		22	11	2	
Сельск. местн. От 2 до 10 л.	3	8	11	2		2	6	3	9	1	4	5	5	3	8	10	4	14	3		3	2	3	—

При рассмотрении данной таблицы наблюдается то, что по всем должностям чаще назначаются длительные сроки именно за растраты крупных сумм. В самом деле, в то время как за растраты до 1.000 р (см. должн. зав. отд., н-ки милиции и т. д.) большинство осуждается до 2 лет, за растраты 1.001 руб. и до 10.000 руб.—большая часть таких растратчиков—на сроки от 2 до 10 лет. Анализ репрессии в связи с растраченной суммой позволяет установить и то, почему к лицам одних и тех же должностей в разных местностях она неодинаково была сурова (см., напр., председ. и членов исполкомов в гор. и сельск. местн.) Такая разница находит об'яснение в том, что в городах они больше (в %%) растративших суммы свыше 1.000 рублей, а в сельских местностях меньше (в %%).

То же в отношении зав. отд., милиционеров.

Таким образом, величина суммы, при растрате ее всяким лицом, является одним из важных об'ективных признаков, в особенности в связи с занимаемой должностью, чтобы к растратчику была применена менее или более суровая репрессия.

Почти аналогичную картину можно наблюдать и при рассмотрении данных о репрессии в связи с должностями и растраченными суммами по кооперативным растратам. Приводим соответствующие сведения:

Назв. должн.	Предс., члены правл. кооп.			Зав. магазин., лавками			Агенты.			Кассиры в кооп.			Кассиры			Проч. служащ.			Прочие		
Сумма. / Срок лиш. св.	До 1000	От 1001 1000		До 1000	От 1001—10000		До 1000	От 1001—10000		До 1000	От 1001—10000		До 1000	От 1001—10000		До 1000	От 1001—10000		До 1000	От 1001—10000	
Города. До 2 лет.	22	7	29	32	21	53	9	3	12	24	12	36	6	4	10	9		9	9	3	12
Города. 2—10 л.	4	5	9	4	11	15	—	3	3	5	4	9	2	6	8	1	1	2	1	1	2
Сельск. местн. До 2 лет.	8	21	101	31	22	56	6	—	6	13	15	148	3	4	7	5	1	6	—	—	—
Сельск. местн. 2—10 л.	12	17	29	—	2	2	1	1	2	3	5	8	2	2	4	—					

Отмеченная нами выше тенденция осуждать за растраты в кооперации на краткие сроки, приводит к известной пестроте степени репрессии в связи с занимаемыми должностями. Однако, и здесь нетрудно видеть, что, напр., председатели, члены правлений кооперативов к длительным срокам лишения свободы приговариваются чаще, чем завед. магазинами, лавками, несмотря на то, что среди последних больше лиц, растративших суммы свыше 1.000 р. и до 10.000 рублей.

В вопросе о назначении суровой или смягченной репрессии в отношении растратчиков оказывала влияние и их партийность или беспартийность.

Распределение осужденных на партийных и беспартийных имеет значение для анализа суровости или мягкости репрессии к партийным и беспартийным.

Если мы, для различения репрессии менее и более суровой, условимся и здесь репрессию в форме лишения свободы до 2 лет включительно считать менее суровой, а лишение свободы на срок свыше 2 лет более суровой, мы должны признать, что *пролетарский суд более суров и строг к партийным* (членам и кандидатам коммунистической партии), чем к беспартийным. И, действительно, в то время как на срок двух лет осуждается по городам (без Москвы)—61,8, а по сельским местностям—72,2%, на те же сроки партийных осуждено по городам (без Москвы)—59,7%, а по сельским местностям—66,5%. Или беспартийных к более суровой репрессии на срок от 2 лет до 10 лет по городам осуждается 38,2%, а по сельским местностям—27,8%, партийные осуждаются, в первом случае—40,3%, и во втором—33,5%. Таким образом, как в городах, так и в сельских местностях партийным за растрату приходится испытать более строгую репрессию чаще, чем беспартийным, иначе партийные приговариваются к длительным срокам лишения свободы гораздо чаще, чем беспартийные. Если принять во внимание, что вместе с осуждением партийные исключаются из партии, то их ответственность еще более усугубляется. Мы бы сказали, что при такой двойной ответственности партийных необходимо с особенной тщатель-

ностью приходить к утверждению—совершена ли растрата, или имел место недостаток, просчет, усушка и т. д. товаров по неопытности. А что у известного числа растратчиков, бывших партийных, неопытность привела к недостатку товаров или сумм, нетрудно видеть из сопоставления занятий до растраты и занятий во время растраты (о чем см. статью Родина). Например, за растрату осужден уездный финансспектор или кассир, партийный, до этого он был портной—больших сумм на руках ни казенных, ни своих ранее не имел, при неналаженности отчетности запутался в составлении отчетности—в результате не хватило около 200 рублей. Судился за растрату, получил 3 года.

Если мы из числа осужденных к повышенным срокам, т.-е. на срок свыше 2 лет и до 10 лет, выделим осужденных от 2 до 3 лет и осужденных от 3—8 лет, то мы увидим, что к сроку от 2—3 лет партийные приговаривались чаще, чем беспартийные: партийные—20,1%, а беспартийные—15,8%, на срок же от 3—8 лет и наоборот чаще осуждались беспартийные, частость здесь выражалась 2,2%. Что касается приговоров с лишением свободы от 8—10 лет, то они чаще выносились в отношении партийных (3,6%), чем беспартийных (2,8%). Итак, хотя картина колебаний сроков лишения свободы в связи с партийностью сравнительно не велика, однако, она отражает большую ответственность партийных на практике. Принцип более тяжелой ответственности партийных по сравнению с беспартийными значительно резче проводится в сельских местностях. Здесь коэффициент частости осуждения на срок от 2—10 лет, партийных перед беспартийными значительно выше, чем в городах, а именно в сельских местностях партийных осуждено на срок от 2—10 лет на 5,7% больше, чем беспартийных, а в городах такое превышение выражается в 2,1%.

Для наглядности приведем сравнительные сведения о сроках лишения свободы, примененных к партийным и беспартийным по отдельным местностям в относительных величинах:

Сроки лишения свободы.	Гор. Москва.		Прочие города.		Сельские мести	
	Беспартийные.	Партийные.	Беспартийные.	Партийные.	Беспартийные.	Партийные.
До 1 мес.	—	—	0,2	0,0	0,0	0,0
От 1 м.—6 м.	10,8	9,7	4,2	2,7	6,5	3,1
» 6 »—1 г.	23,2	21,0	17,5	16,8	11,9	16,8
» 1 г.—2 л.	41,6	46,7	39,9	40,2	53,8	46,3
» 2 л.—3 »	10,8	6,5	15,8	20,1	13,9	16,1
» 3 »—5 »	9,9	9,7	13,8	12,0	9,8	12,0
» 5 » 8 »	2,5	3,2	5,8	4,6	3,5	3,4
» 8 » 10 »	0,9	3,2	2,8	3,6	0,6	2,0
Всего [1].	100,0[2]	100,0[2]	100,0[3]	100,0[3]	100,0[4]	100,0[4]

[1]) Проценты вычислены в отношении известных сроков лишения свободы
[2]) Абсолютные числа по Москве 212, прочие города 686, сел. местн. 481
[3]) » » » » 82 » » 333 » 149.

Но из этого отнюдь не следует делать заключение в том смысле, что за растраты в сельских местностях суды были более строги, давая большие сроки, чем в городах. В городах репрессия как к партийным, так и беспартийным отличается большей строгостью и суровостью, чем в сельских местностях. Это видно опять-таки из сравнения длительных и кратких сроков лишения свободы по городам и сельским местностям:

Осуждено из общего числа партийных и беспартийных

	В городах	Сельских местностях.
Партийных на срок от 2—10 лет .	47,3%	43,3%
Беспартийн. » » » » . . .	38,2%	27,8%

Обнаруженная тенденция в назначении более длительных сроков лишения свободы в городах по сравнению с сельскими местностями как партийных, так и беспартийных, об'ясняется тем, что в городах чаще, чем в сельских местностях, растрачивались большие суммы, что, как мы установили, имело существенное значение при определении степени [1]) репрессии. А с другой стороны, в сельских местностях главную массу растрат составляют растраты в кооперации. В отношении же растратчиков из кооперации вообще наблюдается более пониженная репрессия, чем, например, из административных, государственно-хозяйственных, торговых органов и профсоюзов, которые в сельских местностях почти отсутствуют. Представляет интерес *повышенная и пониженная репрессии к растратчикам в связи с их партийностью и беспартийностью по отдельным группам учреждений*, в которых производились растраты. За растраты в профсоюзах партийные приговаривались к более длительным срокам чаще, чем беспартийные: первых на срок свыше 2 лет осуждено 31,2%, а вторых—25,0%.

В фабкомах и месткомах, наоборот, на срок свыше 2 лет больше осуждено беспартийных (40,9%), чем партийных (20,0%). Что касается других учреждений, то только в военных учреждениях Красной армии и государственно-хозяйственных органах беспартийные чаще, чем партийные осуждались на срок свыше 2 лет. В остальных учреждениях чаще длительные сроки (от 2—10 лет) получали партийные. Для подтверждения приводятся статистические данные по растратам в городах без Москвы (см. табл. на стр. 136).

Большая ответственность служащих административных как партийных, так и беспартийных, чем служащих кооперации наблюдается и в сельских местностях. Например, в беспартийных административных органов на срок до 2 лет осуждено 66,8%, а свыше 2 лет (от 2—10 лет) 33,2%. За растраты в кооперации тоже беспартийных в первом случае осуждено—75,8%, а во втором—24,2%.

Если взять партийных в отношении их также наблюдается различная частость назначения кратких и длительных сроков лишения свободы в зависимости от того, где произведена растрата. За растраты в административных органах партийные так же, как и беспартийные, значительно чаще приговаривались к длительным срокам, чем партий-

[1]) Степень в данном случае в смысле высоты срока лишения свободы.

Сроки лишения свободы, на которые осуждены.	Сельские и местные.		Профсоюзы		Первичные кооперативы		Административные органы.		Государственно-торговые органы.		Государственно-хозяйственные органы.		Красная армия.		Общественные организации.	
	Бесп.	Парт.	Бесп.	Парт.	Бесп.	Парт.	Бесп.	Парт.	Бесп.	Парт.	Бесп.	Парт.	Бесп.	Парт.	Бесп.	Парт.
До 1 мес.	0,0	0,0	3,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
От 1 м. — 6 м.	0,0	0,0	10,7	0,0	2,9	0,0	2,0	1,2	9,1	6,5	8,5	8,3	2,0	12,5	2,9	0,0
» 6 м. — 1 г.	18,2	11,8	28,6	50,0	9,1	7,7	10,7	7,4	24,2	19,4	34,0	38,9	26,5	16,7	14,3	33,3
» 1 г. — 2 л.	40,9	67,6	32,1	14,3	50,9	49,2	12,9	34,6	31,8	35,4	21,7	25,0	30,6	37,4	57,1	33,3
» 2 л. — 3 »	18,2	11,8	10,7	0,0	14,8	26,2	17,1	25,9	15,7	25,8	12,3	13,9	30,4	16,7	17,2	16,7
» 3 » — 5 »	18,2	5,9	10,7	12,5	15,1	10,8	13,2	14,8	7,6	9,7	18,5	11,1	14,4	12,5	5,8	16,7
» 5 » — 8 »	4,5	2,5	0,0	6,3	6,3	1,5	8,3	7,4	9,1	3,2	1,9	0,0	4,1	4,2	2,9	0,0
» 8 » — 10 »	0,0	0,4	3,4	3,1	0,6	4,6	5,9	5,7	1,5	0,0	2,8	2,8	2,0	0,0	0,0	0,0
Всего . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ные кооперации. Из каждых ста партийных административных органов на срок свыше 2 лет осуждалось 44,8 %, а партийных в кооперации на те же сроки—23,1 %. Если сравнить процент (44,8 %) осужденных партийных к длительным срокам от 2 до 10 лет за растраты в административных органах, с процентом (33,2 %) таковых беспартийных, читатель и здесь наблюдает ту суровую ответственность, какую несут партийные, по сравнению с беспартийными. Правда, в кооперации процент (23,1 %) партийных, осужденных от 2 до 10 лет, несколько ниже 1,1 %) ниже процента (24,2 %) осужденных беспартийных к тем же срокам. Однако, повторяем, это не ослабляет вывода об общей тенденции судебных органов и за растраты в сельских местностях назначать **более суровую репрессию к партийным, чем к беспартийным.**

В суммарном виде данные о репрессии в связи с партийностью в сельских местностях по отдельным группам дает следующая табличка.

Сроки лишения свободы.	Административные органы		Первичные кооперативы	
	Беспартийн	Партийн	Беспартийн	Партийн
До 1 мес.	0,0	[illegible]	0,0	0,0
От 1 м—6 м	6,4	2,8	6,7	[illegible]
» 6 м—1 г. .	12,3	15,8	10,[illegible]	[illegible]
» 1 г—2 л. . .	48,1	38,[illegible]	50,[illegible]	5[illegible]
» 2 » —3 » . . .	16,[illegible]	25,1	12,3	[illegible]
» 3 » — 5 » . . .	12,8	13,2	[illegible]	[illegible]
» 5 » —8 » . .	[illegible]	3,9	3,3	3,1
» 8 » —10 » . . .	1,[illegible]	2,[illegible]	[illegible]	[illegible]
В [illegible]	100,0	100,0	[illegible]	[illegible]

В заключение мы не будем повторять выводов, отмеченных выше. Ответим лучше на вопрос, который был поставлен вначале: имеется ли закономерность в практике определения, или вернее, в движении репрессии к растратчикам. Поскольку мы установили зависимость репрессии от целого ряда об'ективных условий, следует признать, что относительная закономерность имеется. Далее, невольно напрашивается вопрос: какова же роль судьи в борьбе с растратами? Мы бы сказали, что роль судьи—детерминирована: судья находится под влиянием социально-об'ективных моментов, связанных с данной растратой, при чем руководящим и направляющим его деятельность об'ективным моментом является «величина растраченной суммы». Само собою разумеется, что такое значение этот признак получает в его связанности с социальными признаками (показателями): занимаемая должность, характер учреждения, партийность, местность и отчасти образование.

Приложение к статье В. Куфаева «Репрессия и растраты».

Растраченные суммы. / Сроки лишен. свободы.	До 50 р.	То же в %	От 50—100 р.	%	100—250	%	250—500	%	500—1000	%	1000—2500	%	2500—5000	%	5000—10000	%	10000 и более	%	Итого	%
Москва.																				
До 1 м.	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
От 1 м.—6 м.	—	—	4	80,0	10	28,6	5	12,8	4	8,7	—	—	—	—	—	—	—	—	23	10,1
» 6 »—1 года	1	100,0	—	—	11	31,4	17	43,6	13	28,3	—	—	5	20,8	1	[illegible]	—	—	48	[illegible]
» 1—2 лет	—	—	1	20,0	14	40,0	14	35,9	22	47,8	38	73,2	11	45,9	5	41,8	—	—	[illegible]	[illegible]
» 2—3 »	—	—	—	—	—	—	3	7,7	3	6,5	9	17,3	4	16,7	3	25,0	3	[illegible]	25	[illegible]
» 3—5 »	—	—	—	—	—	—	—		4	8,7	2	3,8	2	8,3	1	8,3	4	[illegible]	[illegible]	[illegible]
» 5—8 »	—	—	—	—	—	—	—		—	—	2	3,8	2	8,3	1	8,3	4	[illegible]	9	[illegible]
» 8—10 »	—	—	—	—	—	—	—		—	—	1	1,9			1	8,3	2	[illegible]	4	[illegible]
Итого	1	100,0	5	100,0	35	100,0	39	100,0	46	100,0	52	100,0	24	100,0	12	100,0	13	100,0	227	[illegible]
Прочие города.																				
До 1 м.	—	—	—	—	1	0,5	—		—	—			—	—	—	—	—		1	[illegible]
От 1 м.—6 м.	6	13,3	7	12,5	8	4,3	6	3,0	6	2,9	2	1,1	—	—	—	—	—	—	[illegible]	[illegible]
» 6 »—1 года	16	35,6	10	17,8	50	26,6	40	20,6	26	12,4	21	11,1	2	[illegible]	—	—	—		[illegible]	[illegible]
» 1—2 лет	16	35,5	32	57,1	92	48,9	90	46,5	101	48,8	57	30,2	4	[illegible]	7	[illegible]	—	—	[illegible]	[illegible]
» 2—3 »	4	8,9	3	5,4	22	11,7	29	14,9	36	17,5	55	29,1	15	31,9	4	14,3	—		[illegible]	[illegible]
» 3—5 »	1	2,2	2	3,6	11	5,9	21	10,8	28	13,5	41	21,7	15	31,9	4	14,3	3	[illegible]	[illegible]	[illegible]
» 5—8 »	2	4,4	1	1,8	1	0,5	4	2,1	7	3,4	8	4,2	9	[illegible]	9	32,1	3	[illegible]	44	[illegible]
» 8—10 »	—	—	1	1,8	3	1,6	4	2,1	3	1,4	5	2,6	2	[illegible]	4	[illegible]	4	[illegible]	26	[illegible]
Итого	45	100,0	56	100,0	188	100,0	194	100,0	207	100,0	189	100,0	47	100,0	28	100,0	[illegible]	100,0	[illegible]	[illegible]
Сельские местности.																				
До 1 м.	—		—		—															
От 1 м.—6 м.	6	12,8	9	15,5	16	10,2	2	1,4	5	4,1	2	2,0							[illegible]	[illegible]
» 6 »—1 года	7	14,9	12	20,7	24	15,3	28	19,0	12	9,8	6	6,0	1	4,2	1	16,7			[illegible]	[illegible]
» 1—2 лет	25	53,2	29	50,0	92	58,5	90	61,2	64	52,0	46	46,0	3	[illegible]	2	33,2	1	[illegible]	[illegible]	[illegible]
» 2—3 »	4	8,5	7	12,1	15	9,6	17	11,6	24	10,5	20	20,0	6	[illegible]					[illegible]	[illegible]
» 3—5 »	5	10,6	1	1,7	7	4,5	6	4,1	17	13,8	17	17,0	10	41,7	1	16,7			[illegible]	[illegible]
» 5—8 »	—	—	—	—	3	1,9	3	2,0	1	0,8	8	8,0	2	8,3	1	[illegible]	1	[illegible]	19	[illegible]
» 8—10 »	—	—	—	—	—	—	1	0,7			1	1,0	2	8,3	1	[illegible]			5	[illegible]
Итого	47	100,0	58	100,0	157	100,0	147	100,0	123	100,0	100	100,0	24	100,0	[illegible]	100,0	2	100,0	[illegible]	[illegible]
Всего (по Москве, пр. города, сельск. местн.).																				
До 1 м.		—	—	—	1	0,3	—	—					—						1	[illegible]
От 1 » 6 м.	12	12,9	20	16,8	34	8,9	13	3,1	15	4,0	4	1,2							[illegible]	[illegible]
» 6 » 1 года	24	25,8	22	18,5	85	22,4	85	22,[illegible]	51	13,6	27	[illegible]	8	[illegible]	[illegible]	4,3			[illegible]	[illegible]
» 1—2 лет	41	44,0	62	52,2	198	52,1	194	51,1	187	49,7	141	41,3	18	[illegible]	14	30,4	1	4,[illegible]	[illegible]	[illegible]
» 2—3 »	8	8,6	10	8,4	37	9,7	49	12,[illegible]	63	16,8	84	[illegible]	25	[illegible]	7	15,2	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
» 3—5 »	6	6,5	3	2,5	18	4,7	27	7,[illegible]	49	13,0	60	17,6	27	[illegible]	6	13,[illegible]	7	[illegible]	[illegible]	[illegible]
» 5—8 »	2	2,2	1	0,8	4	1,1	7	1,8	8	2,1	17	5,3	13	[illegible]	11	23,[illegible]	8	32,[illegible]	72	[illegible]
» 8—10 »		—	1	0,8	3	0,8	5	1,[illegible]	3	[illegible]	7	2,1	4	[illegible]	[illegible]	13,[illegible]	6	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Итого	93	100,0	119	100,0	380	100,0	380	100,0	376	100,0	341	100,0	95	100,0	46	[illegible]	25	[illegible]	1855[illegible]	[illegible]

[1]) В данный итог не вошли: 1) неизвестные по растраченной сумме и 2) неизвестные по срокам лишения свободы.

Растратчики в местах заключения.

Места заключения издавна справедливо слывут живым зеркалом уголовной политики государства. Особенно ярко они отображают организованную борьбу в наш переходный период, борьбу, которая ведется государством против срывающих строительство новой жизни темных (суб'ективно или об'ективно) сил. Если перелистывать тюремные записи с начала революции до наших дней, мы по ним этап за этапом можем восстановить картины перемежающихся побед и поражений, успехов и неудач. Бурный поток событий, вытекающих из величайшей в мире революции, выносит на своих волнах сметенные слои старого общества, устои рухнувшего строя, с корнем вырванные и навсегда опрокинутые, вообще все чужеродное новой жизни.

Вот все эти элементы, не пожелавшие или не сумевшие слиться с новым строем, оказавшиеся по ту сторону новой жизни или пытавшиеся извнутри препятствовать ее развитию, все они мощным течением революционной борьбы и ходом государственного строительства заносятся в места заключения, эти своеобразные лаборатории по приспособлению представителей старого общества к новому строю. Поэтому-то, если надо ознакомиться с персонажем контр-революции за период гражданской войны, или со спекулянтами времени военного коммунизма, или со взяточниками, самогонщиками, хулиганами и т. п. «героями» судебных процессов последних лет, удобнее всего искать их именно здесь, в местах заключения, где, пребывая «безвыходно» в течение более или менее продолжительного времени, они в большей степени доступны изучению, чем в «свободном» состоянии.

Очередная мощная волна заключенных, которая нахлынула на места заключения, это лишенные свободы по делам о растратах.

Вслед за имущественными преступлениями растраты сейчас поставляют в места заключения максимальное число заключенных. В марте 1926 года мы имели в местах заключения РСФСР без автономных республик девять слишком тысяч чел.[1]) приговоренных к лишению свободы за растрату, что составляет 11% всего числа срочных заключенных.

Мы не имеем точных данных о количестве растратчиков за предшествующие годы, но во всяком случае их было несравненно меньше чем сейчас. Некоторые цифры это подтверждают.

[1]) Без м. з. Гомельской губ., составляющих по числу своих заключенных 1,2% общего числа заключенных, откуда сведений нет, было 8987 человек.

На 100 обследованных заключенных приходилось растратчиков

Время и размер обследования.	[illegible] отношение растратчиков
1. Разработ. личные карточки на срочно-заключенных 1919 г. в количестве 7079 ч.	0,6
2. Разработ. в ноябре 1923 г. сведения о составе 672 заключенных Сокольнического и. д. г. Москвы	2,7
3. Разработ. карточки на освобожденных в 1923 г. из разных м. з. в колич. 2729 чел.	1,2
4. Разработ. летом 1925 г. общим числом 9651 личных карточек	2,8
5. Специально нами предпринятое обследование всего состава заключенных весною 1926 г.	11,0

Занимая в настоящее время весьма заметное место среди всей массы заключенных своим количеством, растратчики особенно выделяются среди них качественно, т.-е. условиями отбывания лишения свободы. Необходимо иметь в виду, что культурный уровень растратчиков в среднем значительно превышает средний культурный уровень всего тюремного населения.

Так, на каждые 100 заключенных соответствующей группы приходится:

Степень грамотности.	Среди		
	Всей массы закл.[1]).	Срочно-закл.[2])	Растратчиков
Неграмотные	12,3	18,9	0,4
Умеющие только читать	34,2	—	
Малограмотные		3,1	7,7
Грамотные	53,5	78,0	91,9
Из них.	100,0	100,0	100,0
Имеющие среднее или высшее образование	6,8	8,4	[illegible]

[1]) По данным НКВД за июль—сентябрь 1925 г.
[2]) По данным спец. [illegible] 9651 личн. карточек в 1925 г.
[3]) По данным спец. обследов. Соц. [illegible] Секции [illegible] Института по изучению преступности.

В большинстве грамотные, в жизни весьма бывалые, растратчики прекрасно осведомлены о нормах и правилах уголовного и исправительно-трудового законодательства, хорошо знают принадлежащие им права и в общем не без умения часто выступают в защиту своих и прочих заключенных интересов.

Являясь по лишения свободы активными деятелями государственного и общественного аппарата, в большинстве случаев по роду службы облеченными особым доверием, а часто даже выборными, растратчики в заключении также стараются выдвинуться и добиваются руководящего, а иногда даже привиллегированного среди других заключенных положения.

Другим их отличием и уже не в их пользу является то, что они осуждены за преступления, борьба с которыми ведется в порядке ударной кампании, что не может не отразиться и на условиях содержания в месте заключения. Исправительно-трудовые учреждения, призванные продолжать начинающееся еще в суде воздействие на совершивших то или иное преступление, обязательно должны считаться с общим духом уголовной политики момента и следить за тем, чтобы условия содержания заключенных вполне соответствовали целям и задачам уголовной репрессии, которая диктуется на каждый данный период для каждой группы приговоренных к лишению свободы. Это вытекает из всего существа исправительно трудового дела, из факта неразрывной связи, которая существует между уголовной политикой в целом и пенитенциарией, как ее частью. И вот, когда растраты начинают принимать эпидемический характер, когда это социальное зло своими размерами приковывает к себе внимание соответствующих государственных и общественных организаций, когда обсуждение вопроса о растратах находит себе место даже на с'езде правящей партии (XIV С'езд ВКП), деятели исправительно трудового дела не могут не отдавать и своей дани этому специфическому подходу к растратчикам, не могут не выделить их особо в смысле более осторожного и более сдержанного продвижения их по ступеням прогрессивной системы к обстановке полусвободного режима или полного досрочного освобождения.

Тут необходимо, однако, оговориться, что исправительно-трудовое воздействие, формально возникающее только в результате соответствующего приговора (постановления) и являющееся как бы переводом юридической формулы уголовной санкции на язык конкретно выраженных условий режима, по существу вовсе не *адэкватно* приговору. В то время, как для последнего доминирующее значение имеет преступное деяние, практическое осуществление приговора больше всего связано не с деянием, а с деятелем (личностью) осужденного. Вот почему, при всей ударности борьбы с растратами, при всем стремлении довести уголовную репрессию за этот вид преступлений до максимального напряжения так, чтобы получаемый эффект оказывал предупредительное влияние на широкие слои общества, фактическое содержание лишения свободы не может не варьироваться в зависимости от степени социальной опасности каждого растратчика в отдельности. Иначе говоря, - основной принцип советской исправительно-трудовой политики, прин-

цип индивидуализации мер воздействия, находит свое обязательное применение и на этом боевом участке борьбы с преступностью. Ряд цифр и фактов это подтверждает. Так, размещены растратчики по местам заключения всех видов от изоляторов специального назначения до колоний и переходных исправительно-трудовых домов (по состоянию на 1 сент. 8656 человек растратчиков, приговоренных к разным срокам лишения свободы, о которых имеются сведения [1]), оказалось содержащихся в

Домах заключения и исправит. трудовых домах . . .	72,1%
Изоляторах спец. назн. и таковых отделениях	11,7%
Разного рода трудовых колониях	13,7%
Переходных домах и таковых отделениях	2,5%
Итого	100,0%

Приведенные цифры никак не могут быть приняты, как показатели сугубо строгого отношения распределительных комиссий к растратчикам. Наоборот, тот факт, что только 1/10 с немногим всех растратчиков приходится на долю изоляторов, говорит за более или менее выгодную для растратчиков классификацию.

То же самое даже с пользой в сторону растратчиков, мы констатируем при сопоставлении процентного отношения разных разрядов заключенных среди всего населения мест заключения и среди заключенных растратчиков, а именно:

На 100 заключенных приходится (по данным ГУМЗ):

Состоящих в разряде.	Среди всех заключ. (данные ГУМЗ на янв.—26 г.).	Среди растратчиков (данные спец. обслед. ГУМЗ).
Начальном	65,5%	57,5%
Среднем	27,1%	32,3%
Высшем	7,4%	10,2%
Всего .	100,0%	100,0%

Правда, на наш запрос о соображениях относительно условий режима для растратчиков мы от некоторых местных [illegible] пенитенциарного дела получили расходящиеся с приведенной точкой зрения ответы.

Так, например, Смоленская Инспектура мест заключения считает усилить карательную [illegible] по отношению растратчикам. Только этим в настоящий момент», по ее мнению, «можно пресечь растрату». Желательно [illegible] растратчиков более строгий режим по всем стадиям [illegible]. Вознесенская Инспекция считает необходимым «для усиления режима в отношении растратчиков содержание [illegible] в местах заключения отдаленных от места совершения преступления», и Тульская Инспекция рекомендует использовать растратчиков на работах [illegible] права получения кратковременных отпусков и досрочного освобождения, огра-

[1]) Остальные 331 чел. не разбиты по учреждениям.

ничившись зачетом рабочих дней. Но преобладающее большинство ответов обнаруживает вполне отчетливое и правильное понимание необходимости проводить и по отношению к растратчикам индивидуализацию мер исправительно-трудового воздействия.

Последняя точка зрения находит свое официальное подтверждение в следующем раз'яснении заместителя председателя центр. распределительной комиссии и начальника главного управления местами заключения. В ряде заявлений жалуются на то, что, при разрешении вопросов о предоставлении тех или иных льгот в отношении заключенных, осужденных по делам о растратах, а также вообще вопросов о применении в отношении означенной группы заключенных мер исправительно-трудового воздействия, считаются лишь с признаками совершенного заключенными правонарушения, совершенно не принимая во внимание в каждом отдельном случае действительную степень социальной опасности самого правонарушения и правонарушителя.

Учитывая общий дух циркулярного раз'яснения НКЮ о мероприятиях по борьбе с растратами, а также основное требование Исправительно-Трудового Кодекса о необходимости индивидуального подхода при разрешении вопросов о применении исправительно-трудового воздействия, Главное Управление местами заключения считает, что при разрешении тех или иных вопросов в отношении заключенных, осужденных по делам о растратах, необходимо учитывать степень социальной опасности как самой личности заключенного, так и содеянного им правонарушения».

Да может ли быть иная точка зрения, которая не противоречила бы нашей уголовной политике вообще и исправительно-трудовой в особенности? Лишение свободы в нашей системе не является равноценным возмездием за содеянное и не может одинаково и механически применяться ко всем подвергающимся ему осужденным, а понятие «растратчик» может браться только в его терминологическом значении, т. е. отнюдь не как определение однородной социальной группы лиц. Пестрота социального состава растратчиков, множество и разнородность причин и мотивов совершения растрат, диктуют при осуществлении судебных приговоров за растраты каждый раз учитывать особенности личности растратчика и применительно к ним устанавливать условия отбывания лишения свободы.

Подобная индивидуализация исправительно-трудового воздействия вовсе не обозначает смягчения уголовной репрессии. Выше мы уже указывали на то, что администрация мест заключения не может не считаться с отношением общества к растратчикам, не может не учитывать того вреда, который растраты причиняют государству, и, естественно, держит на особом счету эту группу заключенных, но это является не для излишнего или специального ущемления, а для соблюдения правильной перспективы при применении отдельных мер исправительно-трудового воздействия. Для установления и сохранения соответствия между общей целью лишения свободы и той задачей, которая ставится в отношении каждого отдельного лица. Особенно ярко это отражается на степени и характере вовлечения растратчиков в трудо-

вые процессы на разного рода работах в местах заключения. Если для всей массы заключенных мы имеем только 40% занятых на работах, то растратчики заняты на 70% при следующем распределении их по отдельным видам занятий.

На 100 занятых трудом заключенных растратчиков приходится занятых:

Физическим трудом в предприятиях	31,4%
» » на хоз. работах	25,4%
Канцелярской работой	20,8%
Инструкт. по рабочим частям	1,4%
Педагогич. и культ.-воспит. част.	10,8%
Прочими работами	10,2%
Всего	100%

Как видно из приведенных цифр, первое место принадлежит физическому труду. Чуждые ему на воле при совершении преступления, растратчики поневоле приобщаются к нему в местах заключения.

О преимущественном приложении растратчиков к физическому труду в местах заключения говорит большая часть полученных с мест ответов: растратчики в своем большинстве люди умственного труда, потерявшие сознание того, с каким трудом создаются те материальные ценности, которые многие из них так легко прокучивают. И для того, чтобы они осознали и почувствовали значение растраченных ценностей, они здесь, в качестве лишенных свободы, должны собственным трудом принять участие в производстве таковых. В этом, между прочим, мы и видим важнейшее значение исправительно-трудового воздействия и смысл лишения свободы для большей части заключенных.

Таким образом, для мест заключения растратчики не представляют ничего особенного и не требуют особых методов воздействия или обращения. Гибкая наша исправительно-трудовая система и всеобъемлющий Исправительно-Трудовой Кодекс, правильно примененные, дают все гарантии для целесообразного осуществления необходимой уголовной репрессии, и в этой стадии нет надобности ни в какой «ударности». Больше спокойствия и уверенности в своих силах, больше постоянства и четкости в борьбе с преступностью, больше продуманности и последовательности в предупредительных мероприятиях, и этот враг будет побежден.

Растраты.

Мотивация преступления.

> La vie est établie sur notre terre de manière à engendrer constament le crime et la douleur.
>
> A. France.

Наиболее интересным моментом для изучения преступлений по личностям преступника является «мотивация» свершения преступного деяния. Те переживания, которые толкают человека на столкновение с законом и та социальная обстановка, которая эти переживания обусловливает, являются предметом изучения при био-психологическом и психопатологическом подходе к изучению явлений преступности. При психиатрической экспертизе обычно коренное значение для суда имеет оценка переживаний преступника в момент свершения преступления, личность преступника должна изучаться, главным образом, в таком освещении, чтобы выяснилась на суде обстановка свершения проступка, та детерминация, то сочетание обстоятельств, которое обусловило данную преступную, т.-е. социально-опасную, т.-е. анти-социальную реакцию данной личности. Уловить характерные черты, типические симптомы преступления с точки зрения социальной психопатологии, значит выяснить психическую механику момента свершения преступления в зависимости, с одной стороны, от целей, размаха, об'ективного замысла, так сказать, стратегической обстановки, предусмотренности и социальной значительности обвиняемых, а с другой стороны, в зависимости от борьбы мотивов в пределах внутренних переживаний каждой преступной личности, каждого из участников, соучастников, пособников, укрывателей и подстрекателей. То, что античное, языческое мышление понимало, как роковое, трагическое столкновение, то, что средневековье, христианское мировоззрение толковало, как искушение, дьявольское навождение, в настоящее время воспринимается как «амбивалентность чувства», как, в частном случае преступления, борьба между социальными и грубо индивидуальными инстинктами и навыками. Обрисовать методами клинического наблюдения разновидности таковых психических процессов, поскольку они проявляются в судебных процессах по делам о растратах, дело интересное и благодарное, но полное тяжелых, иногда непреодолимых трудностей.

Чем длительнее момент свершения преступления, тем сложнее и выпуклее проявляется борьба мотивов. Если даже и не было заранее обдуманного намерения, то при длительности процесса нарушения

закона, человек еще имеет время одуматься, раскаяться, попытаться исправить нанесенный вред или, наоборот, воспользоваться безнаказанностью первого времени, тем, что не сразу хватились, не накрыли и торопливо усугубить вину тем, что воспользуется остающимися днями, неделями, месяцами свободы действий. В этом отношении интереснее всего корыстные преступления, взятка, вымогательство, растрата и преступления, предусмотренные ст. ст. 128 и 130 УК, т.-е. хозяйственные преступления, вплоть до хозяйственной контрреволюции.

В настоящее время центр внимания криминальной психопатологии из всех хозяйственных преступлений привлекают к себе преступления растраты, т.-е. присвоения или употребления в свою пользу должностным лицом вверенного ему по его должностным, служебным обязанностям имущества. Эти преступления заслуживают особого внимания по целому ряду причин. В то время, как взятка явилась в послереволюционном мире безусловно пережитком дореволюционного устройства жизни и поэтому была сравнительно быстро и коренным образом изжита, растрата в отношении должностных лиц принадлежит по своей житейской сущности новому послереволюционному миру с его обобществлением производства и обмена. Целый ряд функций, которые до революции исполнялись как бы частными гражданами, ныне входит в обязанности исключительно должностных лиц, при чем, так как эти должностные функции носят хозяйственный характер, то даже всякое корыстное исполнение того, что должен был бы не делать или неисполнение того, что должен был сделать отразится в виде убытка или недочета по делу и проявятся под видом растраты, а не злоупотребления или халатности по службе или даже взятки.

По своей обстановке, так сказать декорации, по окраске среды и, почти параллельно, размеру гражданских исков все дела по ст. 113 УК и иным смежным лучше всего разделить на три большие группы. Первая—это растраты в домоуправлениях, жил. товариществах и месткомах профсоюзов. На этих группах растратчиков выпукло и ярко видно, как и в чем видоизменилась жизнь в ее искушениях и соблазнах. Раньше, однако, чем перейти к их детальному анализу уместно будет отметить, что во вторую большую группу войдут кооперативы и в третью—госучреждения (госбюджет) и гострести (хозрасчет).

Итак, домоуправление в жил. товариществе и его хозяйственные преступления, в частности, растраты: Москва город в высшей степени пестрый в смысле плотности населения по разным районам, частям города и даже отдельным улицам и переулкам и даже в отношении отдельных домов, флигелей и квартир. Создать единую общественную организацию домохозяйства, управляемую должностным лицом, является сложной задачей и, хотя юридическая природа домоуправления вне всяких сомнений пред. жил. т-ва, секретарь и кассирей являются должностными лицами, а управдом и дворник, поскольку они наемные рабочие, таковыми не являются, в действительности, в обыденной жизни не так бывает просто определить юридическую природу преступления. На окраинах часто дворник, поступивший на службу дворником через биржу труда, член профсоюза, проводится в члены жил. т-ва и избы-

рается председателем правления. Домик не велик и не богат и один и тот же самый гражданин служит по выборам бесплатно председателем и служит по найму дворником, выплачивая самому себе зарплату. В один прекрасный день означенный гражданин, собрав в качестве председателя, должностного лица, деньги за электричество, воду, очистку мусора, вручил их дворнику, т.-е. себе же для уплаты в МОГЭС и МКХ, но в качестве дворника по дороге, встретив товарища, загулял и эти деньги пропил. Как будет теперь отвечать обвиняемый, как дворник (ст. 185 УК), или как преддомуправления (ст. 113 ч. I УК). Конечно, это вопрос судебной квалификации и не здесь надо ему давать разрешение, но из этого анекдотического случая выясняются те мелкие житейские дела, которые приняли совсем иной характер потому, что послереволюционная организация труда и гражданских отношений выдвинула совершенно новые требования к сознательности сограждан. При дореволюционном, старом порядке, когда дома были частной собственностью, имелись сочетания: хозяин и работник, т.-е. дворник или домовладелец, управляющий и дворник, кроме того, имелись в доходных домах жильцы. При чем жильцы были те, кто доход давал, а хозяин или владелец были теми, кто доход получал. Что же касается управляющего и дворника, то и с точки зрения жильцов и с точки зрения хозяина, было или, вернее, считалось естественным, чтобы дворник брал «на чай» или «на водку», за исполнение или неисполнение и т. д., т.-е. другими словами известная освященная обычаем взятка — благодарность входила в его заработную плату, и чтобы управляющий «воровал». Слово «воровать» никогда не понималось в смысле «кражи», т.-е. тайного похищения, а лишь в смысле ведения хозяйства в свой личный «управляющего» доход, т.-е. ворование—как-то нелепо в этом смысле говорить воровство—было в действительности чистейшей растратой и присвоением, но «жильцов» это не касалось. Их не затрагивало, каким образом распределяется получаемый с них «доход». Другими словами, весь быт, все миросозерцание жильцов, дворников, управляющих и хозяев—владельцев соответствовали тому периоду первоначального накопления, который неминуемо связан с более или менее терпимым или преследуемым откровенным или прикровенным грабежом и воровством. И растрата и взятка считались недопустимыми и наказуемыми лишь в том случае если они выходили за пределы обычно допустимого. «Не по чину бе решь»—есть классическое выражение для характеристики недопустимого, социально опасного и наказуемого — бесчинства в поведении согласно мещанского миросозерцания периода первоначального накопления. Упоминать о том, что таковым же считалось поведение управляющих имениями—излишне. Суть дела одинакова, здесь пришлось бы лишь усложнить исследование упоминанием о всех прежних периода крепостного труда и зависимости, о прибавочной стоимости чрез барщину и оброк и о принципах ее распределения между помещиком, управляющим, бурмистром, старостой и т. д., и т. п. Этот экскурс был бы нужен для оценки растрат в совхозах и отношения окрестного крестьянского населения к «бесхозяйственности» в совхозах. Но это несколько побочная тема.

Жилищное дело в городах—административных и промышленных центрах — стоит сейчас на распутье, чтобы не сказать, в тупике. Доходных домов сейчас нет, а есть лишь убыточные для владельца, т.-е. для муниципалитета, поскольку они муниципализированы; жильцов, для которых была бы безразлична судьба платимых ими в качестве древней квартирной платы денег, тоже нет, так как все жильцы в смысле содержания дома связаны круговой порукой повинностей, не только за коммунальные услуги, но и за ремонт и т. п., так что то, что не заплатит один или другой из жильцов, заплатят их соседи, товарищи по жилищу. Таким образом, роли управляющего, дворника и преддомуправа вырисовываются в своем совершенно новом, огосударствленном обличии. Это, по своим функциям, уже безусловно должностные лица, чтобы не сказать «чиновники», они служат делу распределения налогового бремени в отношении коммунальных или муниципальных повинностей в их классовом разрезе, следят за выполнением каждым гражданином этой своей повинности, собирая эти суммы и доставляя их, в целости и сохранности, до казнохранилища. Но в этих функциях выборных должностных лиц по дому есть еще одна сторона, которая бесконечно осложняет их деятельность и работу—это сторона хозяйственная. В то время, как только что очерченные, свои общественно-правовые функции эти лица должны исполнять, как должностные лица, хозяйствовать по дому хотя бы в смысле ремонта крыши, побелки, покраски, вывоза снега, нечистот, мусора, очистки выгребной ямы и т. д. и т. п. должны они, как прежние хозяева-домовладельцы, управляющие и дворники. Когда дом закупает уголь для центрального отопления, то фирма—будь то Гострест или нэпман—совершенно не интересуется социальным составом жил т-ва, а лишь его кредитоспособностью, и еще более наличностью кассы. Особенно это относится к одиночным мастеровым или мелким артелям маляров, плотников и т. п. С одной стороны, нечто совсем новое—должностное выборное лицо, а с другой стороны—мастеровой—кровельщик, рядится и торгуется, как при царе горохе и учит немудреной сноровке купить листовой жести для починки крыши весом полегче, числом листов на пуд побольше, а показать наоборот, точно также истопник указывает на всевозможные тайны ремесла с «угаром» угля, протечкой и сваркой котла и т. п. и так далее, все то, что раньше считалось «безгрешным доходом», а теперь подлежит ведению ревизионной комиссии и грозит карой по статьям уголовного кодекса. В этой-то расщепленности двух сторон деятельности работников жил. т-ва в их бытовом воплощении коренится много столкновений в мотивах действий и проступков. Здесь сталкиваются навыки, соответствующие периоду первоначального накопления, существующие, как бы по инерции, по закону запаздывания изменений сознания по отношению к изменениям бытия, с теми общественными инстинктами, которые должны возникнуть на почве новой экономики нового социально-политического строя. Вековые пережитки обычных правовых ощущений, «не пойман—не вор»—гаснут и бледнеют, будучи извлечены и освещены в сознании, но пока «не пойманы» очень авторитетно диктуют поведение, тогда как новые взгляды, новые понятия права

и долга, полномочий и ответственности восприняты лишь словесно лишь во внешнем декоративном воплощении, как какие-то «заговоры от дурного глаза», для «отвода глаз», для придания современной правовой внешности, но совершенно не проникли в эмотивную подоплеку инстинктивных потребностей и желаний, которые только и диктуют действия и поступки. Такова психическая механика мелких житейских соблазнов в делах о жил. т-вах, которые проходят пред изумленными глазами современников. Интимные переживания отдельных личностей находятся в зависимости от их характеров и конституций, «а также склада мышления». Здесь же дана попытка выяснить сущность «соблазна», борьбы мотивов, ведущих к растратам в жил. т-вах в социально-патологическом разрезе.

Очень близко к этим растратам в жил. т-вах по своей социально-психологической механике подходят растраты в месткомах профсоюзов, в кассах взаимопомощи, закрытых распределителях и т. п.; сюда же придется отнести и растраты или злоупотребления служебным положением на бирже труда, по распределению вакантных мест, пособий по безработице, мест в санаториях, домах отдыха, на курортах и т. п. Одним словом, все те растраты и злоупотребления, которые в дореволюционное время на житейском языке характеризовались выражением «покормиться у общественного пирога». «Общественный пирог» имеет до сих пор еще для слишком многих особый вкус, точно так же, как и «казенные деньги» имеют совершенно особые свойства, отличающие их для обывательской совести от «частных» «хозяйских» денег. При чем конечно, «хозяйские» деньги имеют опять же своеобразный «классовый» запах для другого «хозяина», для «соседей» или для «работника». Но к чести членов профсоюзов надо здесь же отметить, что подобные хищнические мотивации растрат, с заранее обдуманным намерением встречаются редко.

Средний человек вообще редко умеет составлять планы на далекое будущее и еще реже проводить их в жизнь. Так называемые «бессменные месткомщики» встречаются редко, так что дела их сводятся в показательных процессах. Это люди более крупного размаха с темпераментом борцов за власть для личной власти, для личных преимуществ, со вкусом к интриге, к склоке и т. п., и не они дают типические обычные будничные картины мелких растрат по профсоюзной линии. Обычный средний профработник всегда, за исключением тех отмеченных случаев, является или настоящим пролетарским рабочим, или таким же пролетарским служилым интеллигентом, за всю свою жизнь он зарабатывал деньги только своим личным трудом и никогда не торговал, не получал никакой прибыли, а лишь заработную плату, никогда не делал никаких оборотов или операций с деньгами. Теперь такой человек становится распределителем кредитов, он собирает и хранит сборы — членские, кассы взаимопомощи, МОПР и т. д. — он же выхлопатывает различные права и привилегии, одним словом, у него в его руках сосредоточиваются некоторые деньги. При чем суммы эти деньги эти, конечно, не его, не его личные, это он знает и сознает, но в то же время и не совсем не его, он к ним причастен и прикосновенен,

он этим деньгам даже, в известной степени, распределитель и хозяин. В подобной обстановке, при такой констелляции, нужна сложная и без перебоев, правильно действующая строгая учетно-контрольная организация, чтобы в сознании профработника создалась, отразилась строгая, точная установка на права и обязанности, и ответственность, чтобы резко осознались границы его персональных прав и полномочий и его прав и полномочий и обязанностей, и подотчетности как должностного лица. Чисто житейски, обычный средний человек никогда не умеет уловить момента, когда из горсти делается куча... Если он сейчас в городе по профсоюзным делам, у него на руках три червонца общественных денег, а своих нет ни копейки, так как он не получил долга, на который рассчитывал, дома у него есть еще собственных пять рублей, остаток от личного жалованья, то истратив из казенных денег 19 коп. на трамвай, он растраты не совершит. Однако, если он, кроме того, позавтракает на общественные деньги и истратит при этом рубль или полтора, растраты тоже еще нет. Но он не один, с ним встретилась в городе его жена, у которой тоже как раз не оказалось денег, пришлось истратить уже три рубля. Мало того, когда он ходил по делам, то встретил члена своей же организации, с которым сговорились вместе ехать домой, тут подошел еще один товарищ и все вместе пошли завтракать и нельзя было отказать,—надо ведь поддерживать свою популярность, ведь будут же и перевыборы—угостить всех пивом. Таким образом, когда вернулся домой, то от тридцати рублей общественных сумм в кармане оказалось лишь двадцать пять. Правда, дома есть пятерка, но ее уже могли истратить, а если не истратили сегодня, то истратят за те дни, что остались до получки. Приведенная здесь схема мотивации растраты не должна казаться мелочной. Весь низовой аппарат профдвижения ведется на копейках и весь он в руках людей ни в каком отношении не коммерческих. Все меркантильные мудрости: «денежки счет любят», «копейка рубль бережет» совершенно чужды человеку, живущему на зарплату, трудами рук своих. Для него каждый месяц два раза наступает богатство в дни получки, когда и рубль ни по чем, а перед получкой и копейке цены нет. Это отношение к деньгам невольно переносится и на подотчетные суммы и небольшая прореха, которую как будто еще нельзя назвать растратой, пополняется сначала в каждую получку, чтобы снова образоваться к концу месяца. У человека, который никогда, всю жизнь не имел «свободных» денег, накопилось столько мелочных, ничтожных, копеечных нужд и потребностей—хотя бы потребность угостить друга или одолжить три рубля приятелю, — что теперь, когда у него на руках оказались деньги, он с большим трудом улавливает перспективу и не замечает, как прорешка неожиданно превращается в дыру, которую уже не пополнить из зарплаты, и понятие растраты понемногу выплывает в его сознании. Дальнейший путь бывает очень различен в зависимости от темперамента и всего психического склада личности. Но самые опасные люди и самые опасные моменты, это когда человек испугался и в панике хочет что-то исправить, или чем-то помочь. Страх самый плохой советчик. Самые большие по сумме растраты, если только они не были злостно задуманы

заранее, свершаются именно в попытках пополнить растрату. Именно тогда пробуют рулетку, спекуляцию, подлог и подкуп. Не так опасно «играть», как «отыгрываться».

Растраты в кооперативных организациях настолько многочисленны и разнообразны, что в них нельзя уловить одну преобладающую мотивацию, даже в социально-психологическом разрезе, как это было сделано с предыдущими группами. Ясно, конечно, что и здесь, как и там надо с самого начала сбросить небольшую группу людей, которые вошли в организацию, пошли на кооперативную работу с заранее обдуманным намерением обратить в свою пользу общественные деньги. Такие есть всюду, но они в кооперативе не отличаются от таковых же в тресте или наркомате и о них будет сказано особо. Но и помимо этой группы предприимчивых людей с их особенной стратегической одаренностью к паразитизму, в делах о кооперативных растратах необходимо выделить некоторые отличные друг от друга группы или подгруппы людей. Организация кооперативного дела в Союзе Республик имеет громадные размахи и начиная с низового аппарата восходит до центральных органов. В то время, как на низах кооперация воплощается в розничных магазинах, продуктовых и товарных, или мастерских и предприятиях ремесленного типа, об'единяющие и направляющие органы носят характер государственных учреждений, по сложности своих задач, по размаху организационного плана и по суммам оборотов и величине возможных искушений и злоупотреблений приближаются к государственным предприятиям или крупным трестам. Поэтому в исследовании социально-психологической атмосферы растратных дел в кооперативах надо раньше всего выделить аппарат низовой кооперации бесконечные и горькие дела завмагов или ответственных приказчиков. При изучении этой группы вин, ясно видно, как все они распадаются на две большие подгруппы. С одной стороны, люди новой формации, никогда не стоявшие у прилавка, люди, выдвинутые товарищеской средой на общественную работу по кооперативной линии, пролетарии или бедные крестьяне и даже представители интеллигентски-пролетарских профессий (народные учителя, земские служащие старого режима), а с другой стороны, и старые спецы лавочного дела, взятые в кооператив за знание товарного продукта, за понимание покупателя, за умение торговать. Ясно, что в жизни бывают представители смежных прослоек, переходных социальных образований, но все же в общем и целом удается наметить два типа мышления, две манеры реакции на обстановку розничной кооперативной торговли со стороны выше отмеченных столь различных социальных групп, различных по своей классовой сущности. В то время, как психология выдвиженцев до известной степени приближается к психическим переживаниям описанных выше представителей месткомов, никогда представит жизненных процессов, мышление спецов торговли является совершенно своеобразным и весь строй мотивных переживаний иным и отличительным. Выдвиженец раньше всего должен преодолеть целый ряд технических навыков, приобрести особые навыки и умения как по приемке товара от поставщика, распределителя, грузоперевозчика, так и по продаже товара. Розничная, а тем более мелочная

торговля имеет своеобразный характер по сложности и консервативной определенности обрядностей, чтобы не сказать, ритуалов по подготовлению товара к продаже, его выставка, предложение покупателю и окончательная продажа. Отмеривание, отвешивание, отсчитывание товара или продукта является в то же время отбором и как бы сортировкой и в конечном счете влияет на отчетность, поэтому вся эта как бы внешняя торжественность обрядов имеет свой смысл и учет. Если новый человек, выдвиженец, не обладает широким объемом внимания или способностью быстрого осмышления, то он невольно теряется, дезориентируется в новой обстановке. Подобное состояние не отлично для ученика, для молодого начинающего работника, поставленного на неответственный пост: переходя с одной работы на другую, постепенно овладевает он искусством резать хлеб, не крошa его, вешать масло сливочное, подкладывая торжественно листочки бумаги достаточно большие, чтобы сказаться на весе и в то же время достаточно маленькие, чтобы быть воспринятыми покупателем, как дань опрятности и аккуратности, мерить ситец, не обмеривая и не промериваясь, отсчитывать, примерять и т. д. Постепенно новичек приобретает опыт, втягивается в работу, накопляет профессиональные навыки и привычную ориентацию спеца прилавка, если он при этом сумел не растерять своей выдвиженческой идеологии, тем лучше для него и для дела, в противном случае, стало одним выдвиженцем меньше, одним рыцарем прилавка больше, но растраты не создалось, и трагедии не произошло. Бывают, однако, совершенно другие повороты обстоятельств. Выдвиженец, человек с партийным эмигрантским стажем, назначается на место завмага, где имеются винное, мясное, гастрономическое, зеленное и хлебно-булочное отделения. Безукоризненно честный, с широким кругозором, революционер по жизненному пути и житейским привычкам, социалист по миросозерцанию, такой человек органически не может воспринять, не в состоянии ориентироваться в атмосфере мелочных, до одной десятой копейки—расчетов при развешивании и отсчитывании, не может проникнуться важностью и незыблемостью правил и обычаев, установленных вековой эмпирией, для него не может быть понятна незыблемость порядка рассечения говяжьей туши, откупоривания сельдяного боченка, хранения мороженых поросят, фехтовального искусства, с которым змееподобный трепещущий в опытной руке закусочный нож расслаивает, подобно микротому, окорок литовской ветчины.

Все это кажется мелочами недостойными внимания, и в то же время совершенно инстинктивно за каждой мелочью ощущается ловушка, трясина, болотное окно, провал, куда может, как большая бочка в маленькую дырку, утечь много денег и даже репутация честного работника. И у выдвиженца завмага создается настоящая дезориентированность, растерянность среди тьмы ничтожных мелочей и тревожно мнительное, опасливое настроение человека, которого «обошли» или «обойдут». Он чувствует себя в своем магазине, как в лесу, во враждебном лагере, где из-за каждого дерева может поразить удар. Но и в этом своем состоянии не всякому дано себя осознать, очень многим личное самолюбие, излишняя самоуверенность или горделивая заносчи-

гость мешают ориентироваться в собственной дезориентированности. И, правда, люди талантливые, административно одаренные, выходят на положения, они умудряются, если не овладеть сразу техникой продажи и знанием товара, то оценить окружающих их сотрудников и помощников и овладеть ими в том смысле, что их держат в рамках безупречной работы. Здесь уже возникает вопрос об особенной способности ориентироваться в людях, или как принято говорить, подбирать персонал. К сожалению, в размерах настоящей работы невозможно подробнее исследовать вопрос о различных одаренностях, о специальной приспособленности к административной деятельности. В общем же обычно тот, кто не умеет ориентироваться в товаре, не способен ориентироваться и в людях вообще и в своих сотрудниках и подчиненных, в особенности. Таким образом, создается тип «растерявшегося» завмага. «Горе его в том», показывал на суде свидетель о таковом экземпляре, «что он верил, кому не надо, а кому бы надо поверить — не доверял». Мало того, обыкновенно растерявшийся, недоверчивый завмаг старается все сделать сам, поэтому ведет себя суетливо в лавке, ставит себе в заслугу, что он работает день и ночь, поэтому для него перегруженного мелочами, проходит незаметным то, что должно бы по существенности и значительности привлекать главное внимание подотчетного лица, т.-е. правильная организация учета товара и кассы, и правильная и регулярная отчетность подручных и приказчиков. «Никогда он ничего только не запишет, всегда ему некогда. Все у него на карандаше, да на честном слове». И когда у подобного, безусловно честного, бескорыстного и добросовестного человека при точной ревизии и бухгалтерском подсчете оказывается прореха на тысячи рублей на 10% оборота за сравнительно небольшой период, он первый повергается в горестное недоумение, он не перестает повторять: «я так много работал». Встречаются иные случаи дезориентированности или, если можно в данном случае так определить, относительной недостаточности в совершенно другом аспекте, но коренящиеся в той же относительности человеческих качеств или соотносительности одаренности и отношению к внешним условиям. Человек — это дробь, где числителем являются способности и дарования, а знаменателем те требования, которым он должен удовлетворять в силу жизненной необходимости. Таким образом вырисовывается совершенно своеобразная растрата, окончившаяся смертью растратчика. В низовом кооперативе рабочего района был выдвинут за трезвость и честность некий товарищ на должность заведующего винно-гастрономическим отделением. Здесь трезвость таких пор никогда не пивший спиртного, человек не выдержал искушения и запил. Винное отделение хорошо поставленного магазина всегда очень щеголевато и заманчиво, как бы приглашает и уговаривает выпить. Имеется также совершенно особая опасность подойти к соблазнительным вещам в слишком зрелом возрасте. Мальчишка поваренок или кондитер с первых дней об'едается сладким на всю жизнь, его молодой желудок справляется с этим шоком бесследно, и он уже на всю жизнь застрахован, его от сладкого претит. Но, крестьянин из голодной губернии, который всю жизнь не видал сладкого куска, может серьезно заболеть,

если сразу даст волю своему аппетиту. Подобное же случилось и с описываемом случае. Не взяв ни одной бутылки, не взяв ни одной копейки из кассы, соблазненный терпкой радостью хмеля, очарованный разнообразием вкусовых ощущений и богатством букетов, пил он во время работы и оставаясь вечером, после закрытия магазина. По неволе симпатии ко всяким пьющим и надо полагать, утешающемся его сотрудники и подчиненные ревниво оберегали тайну, и, когда ревизия обнаружила пустые бутылки без соответствующей суммы наличных, растратчик был уже в состоянии алкогольного помешательства. Он явился на суд с путевкой районного психиатра и весь его вид и поведение не оставляли, к сожалению, никакого сомнения в правильности направления в психиатрическую больницу. Скорая смерть прекратила это дело в судебном порядке. К сожалению, описанный здесь случай не единичен. Однако, гораздо чаще и обычнее случаи, когда растрата является переоценкою сил и способностей как со стороны самого служащего, так и его непосредственного начальства. Молодой человек поступает практикантом прямо со школьной скамьи. Как хорошо грамотному и расторопному, дают ему некоторые поручения, он с ними справляется быстро и находчиво. Ценя заслуги, желая дать дорогу молодым силам, дают ему место агента для поручений. Чем расторопней и шустрей он работает, тем большим доверием пользуется и тем большие суммы проходят через его молодые руки и искушают его молодые желания и страсти. Подобно тому, как шоффер, постепенно ускоряя ход машины, перейдя известную границу, конечно, индивидуальную в зависимости от целого ряда условий теряет ощущение скорости и чувство пространства, теряет перспективу и оценку опасности, точно также теряет голову и молодой агент для поручений. Нельзя предвидеть, о какой именно камень заденет автомобиль или о какое именно дерево разобьется, и в какую канаву посыпятся осколки, но тот, кто вверяет шофферу то, что ему дорого, должен предвидеть, что при данных условиях катастрофа неминуемо наступит с превышением известной скорости. Что сыграет роль камня преткновения в жизни агента, перегруженного поручениями и ослепленного количеством червонцев, проходящих через его руки, также трудно предвидеть, а иногда даже невозможно установить и после катастрофы: иногда это хорошенькая машинистка, иногда больная мать, иногда пожар в семье близких людей. Возможности жизни неисчерпаемы. Для характеристики завистливой и близорукой наблюдательности свидетелей, интересно отметить два показания: «он вел роскошную жизнь — все на автобусе катался» и, еще более красочное: «он ходил в парикмахерскую ежедневно и весьма по туалетной части себя украшивал: я сам видел, как для наведения туалета голову его со всеми напыщенностями повязали платком для улучшения, как видно, волос и всего лица; платит он по два с полтиной за визит». Ловкие, хлесткие молодые люди, конечно, должны быть использованы для агентов по поручениям, но поручающий должен все же предвидеть [illegible] самовлюбленных, несколько величавых юношей, склонных к пре-

увеличивающей фантастичности, потому что именно предвидеть—и называется управлять и направлять.

Вторая группа кооперативных растратчиков — спецы продавщицкого дела значительно отличаются от только что описанной группы выдвиженцев и новых людей. Но хотя они и особая статья, у них наблюдается много черт, роднящих с общей семьей обвиняемых по ст. 113 УК. В торговле, мелкой индивидуальной торговле, поскольку она носит характер личного заработка, имеются резкие, внутренние противоречия. Всякий подросток, едва затронутый агитпропом или политпросветом, знает, что труд продавца или закупщика товара не есть труд производительный, ни покупка, ни продажа товара не повышает его ценности, однако, и продавец и покупатель, каждый из них, когда продает или покупатель должен быть уверен, что зарабатывает. Один должен купить дешевле, чем, по его мнению, товар стоит, а другой должен продать дороже, чем, по его мнению, товар стоит, действительная же трудовая ценность товара совершенно скрывается из кругозора «торговых» людей. Для продающего—покупающего люда—«даю—беру» совершенно безразлично, что он «дает—берет», ему интересно найти того, который тоже «дает—берет», при чем каждый из них для того, чтобы сделка состоялась, должен быть уверен, чтобы обманутым в своих предположениях и расчетах остался его партнер. Здесь весь антураж сделок основан на каких-то иллюзорных переживаниях, на последней надежде на последнего потребителя, который отдаст действительную стоимость продукт своего труда—с таким роскошным излишком, чтобы хватило поделить всем участвовавшим в процессе «даешь—берешь». Этот процесс и олицетворяется знаменитой формулой «один с сошкой, а семеро с ложкой». Но на рынке и базаре, на ярмарке, на всенародном торжище этот последний потребитель в своем сознании совсем не намерен отдать свой труд по низкой цене, он, наоборот, тоже хочет купить на грош пятаков. Поэтому там, где нет абсолютной монополии, или где дело идет не о предмете первой катастрофической необходимости в роде соли или хлеба во время голода, там начинается торговля в смысле сложного процесса созидания иллюзорной обстановки. Вековой завет розничного продавца:

«Осквернил уста я ложью:
Не обманешь—не продашь,
И опять на церковь божью
Долго крестится торгаш»

должен быть теперь понят и распространен во всех противоречиях своих, дающих в психике ряд амбивалентных переживаний, «не обманешь — не продашь», но «не обманешь и не купишь», кроме того, «не обманешься — не купить», но и «не обманешься и не продать». И победитель среди купцов, победитель, который не обманывается, и которого не судят, это тот, вокруг которого все обманываются, это тот, который умеет создать вокруг себя словно магнитное поле всеобщей иллюзорной одержимости. В таком большом размахе это, конечно, не применимо к рыцарям прилавка, а относится скорее к последней части настоящей работы, к людям калибра Джона Ло, но, как солнце в малой капле воды

отражается эта психическая механика в деятельности любого картузника Смоленского или Тишинского рынков. Поэтому мелочная торговля на Руси лишь очень недавно и то лишь в больших городах [illegible] характер восточного торга с божбой, проклятиями и заклинаниями, со всеми атрибутами бутафорской честности и [illegible] с плохо прикрытой хитростью и [illegible] при чем продавец считает для себя возможным обжулить и покупателя и хозяина, покупатель—подвести продавца и ввести в убыток хозяина, а хозяин—обмануть покупателя и обсчитать продавца. Аншлаги «цены без запроса», лишившие покупателя возможности торговаться, еще совсем недавно, впервые лет тридцать тому назад, появились на улицах Москвы лишь в больших магазинах и сразу лишили массового покупателя возможности весьма острых и интересных для него переживаний. Но до сих пор в мозгу среднего [illegible] сохранившего [illegible] среднего, мелкого лавочника, осталась незыблемой заповедь: «торгуй так, чтобы не обиделся покупатель и у хозяина остался барыш»; каким образом достигается эта заветная цель с остатками для продавца—дело личного таланта, одна из тайн ремесла. Основы кооперативной торговли, которая вовсе не является «торговлей» в смысле получения барыша, путем иллюзий и обмана зрения, описанных выше, а лишь одним из видов государственной организации обмена, совершенно не проникают в сознание того «психологического лавочника» из подвида спецов торговли, которые так обильно попадают на скамью подсудимых. Он, этот «подсудимый» лавочник-приказчик видит в кооперативе только вывеску, фирму, для него ЕПО, Поткопечатник, Красный Железнодорожник, Коммунар — только декорация, завеса, ширма обычной, дооктябрьской лавочки «мирного времени». Став на место, он, первым делом, ищет того хозяина, которого надо ублаготворить, которому надо «дать», чтобы самому можно было «взять». Мудрость античного мира—do ut des—с той лишь разницей, что теперь берут и дают чужое. Это убеждение, эта мудрость отцов и дедов в торговом деле, ведет неминуемо на скамью подсудимых всех неудачливых торговцев современности, так как способы ублаготворения себя и хозяина путем жульничества всегда стереотипны и неминуемо, через более или менее краткие сроки, обнаруживаются. В противовес описанным выше выдвиженцам с их дезориентированностью от новизны обстановки, описываемые здесь спецы прилавка с детства прошли весьма основательное практическое товароведение, ориентируются и в самом товаре, и в его ярлыке, и в его учете, и в практическом счетоводстве с учетом процентов. Они до тонкостей умудрены во всех обрядностях прилавка, склада и транспорта, во всех «утрусках, усушках, утечках», учетах тары, упаковочного материала, оберточной бумаги, пакетов, которые по весу то дороже, то дешевле отпускаемого в них товара. Им знакомы законы потери веса копченой грудинки или провесной ветчины, и способы, и средства бороться с этим полегчанием окороков: они по виду, на горсти знают определить «пылкость овса», и насколько он убудет поэтому в весе, если повезут его по мостовой на рессорном, или [illegible] рыбы сразу же отмечают они партию «пылкого» судака с выкаченными

глазами, которого покупатель с руками оторвет «от неудачно замороженного», где «больше льда, чем товара», и с которым наплачешься. Мало того, они обладают искусством так ловко обрезать колбасную половину, чтобы за вес ее веревочного хвостика по возможности заплатил покупатель, и чтобы этот вес можно было «скинуть при учете товара». Наконец, хотя по сути дела это еще далеко не конец, так как сведения и уменья опытного продавца бесконечны, как всякая эмпирия ловких рук, для них не составляет тайны интимная жизнь антоновских или королевских (reinette) яблок, упакованных в ящики с двумя заначками. Понятна та самоуверенность и убеждение в безнаказанности этакого мастера своего дела из прежних молодцов, хотя в большинстве случаев у него нет «заранее обдуманного намерения», когда он становится на работу, но все совершается как-то само собой. Теперешний приказчик, заведующий отделением или даже магазином кооператива, был продавцом у частного хозяина, тогда ему сходили с рук его маленькие уловки и бесчестности, несколько раз удалось даже смошенничать покрупнее и не попасться. Все это создает благоприятную почву и достаточно хотя бы незначительного повода, чтобы начались уголовно наказуемые деяния. Побудительной причиной, конечно, всегда бывает жадность, реже нужда, а романтика растрат в роде роковой женщины, рулетки, разгула, выкупа карточного долга — все это относится к другим категориям растратчиков. Коренной лавочник, настоящий герой периода первоначального накопления, в его первых стадиях очень жаден и жаден именно на денежный доход, на доходное предприятие. Он даже ни в коем случае не скуп. Скупость, это менее стенический аффект, свойственный уже второй стадии периода первоначального накопления — это квакерская, менонитская добродетель, своеобразный режим экономии — Америка времени Франклина — свойственна тем группам личностей, которые уже что-то накопили, которым есть что беречь, есть на чем экономить и есть что терять из лично накопленного. В тех кооперативных лавках, где завмаг по своей классовой сущности принадлежит к крепким, хозяйственным мужичкам, там растрат не бывает. Этот скупой и прижимистый человек пользуется в законом предоставленных пределах всеми привилегиями усушек и т. п. процентных скидок и отчислений, по зернышку клюет и сыт бывает. Такие люди попадают под суд совсем в других соотношениях. Жадность же завочника, которому не с чем начать, принадлежит к очень ярким и резко стеническим эмотивным переживаниям. Искушенье последний повод для растраты является в таких случаях в виде возможности обернуться на кооперативные деньги, быстро и верно заработать. Жадность ослепляет и, казалось бы, опытный торговец пускается в рискованные операции. Иногда искуситель является в виде старого знакомого мирного времени «хозяина», «хорошего человека», который сам капитал имел, трех молодцов держал и т. п. Однажды искушение явилось в виде подмосковного огорода с клубникой. Продавец Ларька женился на дочери вдовы огородника и вся его репутация, можно сказать, пошла на унавоженье клубничных гряд. Туда же пошли и деньги от растраты. Видали его свежие огурцы с тещиного огорода, которыми он торговал

параллельно с госрозничным товаром и которые благодаря менее ранним работам, произведенным в тепличном огороде на [illegible], были первыми огуречными ласточками всего зеленного рынка столицы. В этом случае намечается путь самой [illegible] и [illegible] кооперативных растрат — путь перевода кооперативных сумм на свой личный оборот, примитивной «хитрой механики», [illegible] воду на свою мельницу». Начиная торговать в кооперативной лавке и приобретать свой круг покупателей и знакомств, приказчик постепенно наравне с кооперативным вводит свой товар, которым торгует на свой риск и страх, на оборотные средства кооператива он ведет свои собственные более или менее рискованные торговые операции.

Такая параллельная частная торговля, предпринимательство всегда носят характер спекуляции, азарта, неминуемо кончаются крахом. Особенно это типично для деревни. Здесь товар однообразен, всегда одних и тех же фирм, той же марки и поэтому появление нового товара возбуждает внимание. Если товар не имеет марки — мясо, [illegible] овощи, то все знают, кто и когда бил скотину, а иные продукты слишком громоздки и потому удельно малоценны. Таким образом, надо покупать молчание. Момент сообщничества, момент сговора, соучастия сразу же осложняет и усложняет положение как в житейском, так и в судебном смысле. Дело теряет свою примитивность как по характеру участников, так и по фабуле процесса. Несмотря на относительную незначительность растраченных сумм, по сложности переплетающихся обстоятельств и доказательств, дело приближается уже к «большим» процессам, центральных органов кооперации или Гострестов. Выступают на сцену соучастники, которые могут быть сообвиняемыми, но, иногда оставаясь свидетелями, совершенно извращают картину. Обвиняемый в своих показаниях начинает оговаривать, обвинять в соучастии всех, особенно свидетелей обвинения и, с особенной настойчивостью, контролировавших его деятельность людей. Кроме трудностей следствия, теряющего свой примитивный характер, возникают трудности судебного процесса и карательной политики. Процесс протекает гласно, среди местного населения, каждое показание, каждое слово, всякий жест, запоминаются всеми заинтересованными, их друзьями и врагами и отдается и отражается целым свитком, спутанным клубком злопамятства, ненависти и жажды мести, или, наоборот, признательности, благодарности и обязательства на будущее время. Поэтому, если растратчик не просто ухватил и унес, а пытался внести систему в свое хищничество, старался устроиться в серьез и надолго, то дело обрастает жалобами, исками и доносами, не говоря уже об оскорблениях и драках, которые вплетаются в букет обычных ссор и драк, которыми полна деревня. От того среднего типа, который описан здесь, отходят два — один в сторону примитивности, а другой в сторону усложненности как самого процесса растраты в его техническом выполнении, так и процесса психической механики, житейской обусловленности, мотиваций переживаний. Оба они служат в то же время переходом к пониманию обвиняемых в растратах в крупных государственных учреждениях.

---

[1]) См. „Пролетарский Суд", № 2 за 1926 год.

Растратчики примитивного образа действий среди спецов прилавка встречаются большею частью в виде демобилизованных, вернувшихся с фронта. При чем по вполне понятным причинам это — человек и на фронте стоявший у продуктов и товара — каптенармус, завхоз или что-нибудь в этом роде. Демобилизованный каптенармус в качестве обвиняемого за растрату в кооперативе обещает стать типической фигурой, чем-то в роде страдающего профессиональной болезнью. Обычно такой потенциальный растратчик, вернувшись с многочисленных фронтов, где он благодаря грамотности и привычке к прилавку занимал хозяйственные должности, поступает на более или менее ответственные посты, вторым приказчиком или завмагом. Судьба складывается совершенно стереотипно, особенно у крестьян или хотя бы связанных с деревней, имеющих свое хозяйство, горожан. У приказчика, не имеющего своего непосредственного хозяйства, дело несколько осложняется, прямолинейность нарушается включением передаточных звеньев в роде печища огорода, о котором говорилось выше, или чулочных машин, или еще какого-либо «верного дела», обеспечивающего личную судьбу. Домашнее крестьянское хозяйство у демобилизованного в упадке, ему надо строиться, он сам и гол и бос, семья пообносилась, крестьянский инвентарь тоже. На войне он привык видеть, как самая строгая, придирчивая отчетность внезапно сводится на нет катастрофической неожиданностью военного успеха или боевой неудачи, то поступают на склад без описи захваченные неприятельские обозы, то сжигаются целые склады, пускаются под откос целые поезда с добром в минуты беспорядочного отступления. Он начинает торговать, обязанный, принужденный строго следить за стрелкой весов: из шестнадцатых составятся восьмушки и если он превысит процент «провеса» — это будет на его личный счет в его убыток. Нужда семьи требует не только денег, наличных денег, но как раз тех именно товаров, которые имеются у него, по обычаю он имеет право кредитовать самого себя в пределах месячного жалованья. С этого момента, с того самого «рокового мига», когда ответственный приказчик отпустит самому себе в долг в счет будущего жалованья первый бидон керосина, первый фунт сахара или ящик колесной мази — с этой роковой секунды он пропал. В глубине души, в подполье своего сознания, он все время надеется на что-то роковое и сверхобычное, сверхестественное, что, как на войне, освободит его от ответственности. Бывают, ведь, пожары, потопы, наводнения, ураганы, оползни, молния может сжечь дом, буря — его опрокинуть или придавить поваленными деревьями, наконец, воры, нашествие крыс, саранчи, да мало ли есть на свете событий, которые избавят его от ответственности. А пока под влиянием растяжимого понятия «в долг под будущее жалованье» берется пакля конопатить стены у строющейся новой избы, берутся продукты, чтобы прокормить плотников. В другом случае, задерживается часть выручки, чтобы купить на выплату корову, швейную, чулочную или вязальную для галстухов машину. На деньгах не видно откуда они взяты: продажею молока и выгодою от чулок, прибылью от галстухов можно надеяться обернуться, пополнить недостачу в кассе и все обойдется. Случается, что первая ревизия пройдет благополучно,

удалось во время пополнить, внести, заткнуть, а вторая почему-либо задержалась. Этим дается срок для раздумья и тот, который умеет призадуматься, оглядеться, пользуется этим временем, чтобы ликвидировать задолженность». Своеобразным образом у людей неискушенных, легко теряющихся, подобная попытка может повести к новой растрате. Так, некий гражданин, пробыв целый год безработным, стал на место, где получил доступ к деньгам. Лишь тогда узнал он, что жена его, которая в течение года кормила всю семью и его в том числе, сделала растраты вверенных ей сумм и ныне со дня на день ждет ревизии. Растерявшись и расстроившись, не находил он ничего лучшего, как взять с места новой службы достаточную сумму для того, чтобы покрыть задолженность жены. Однако, ревизия обнаруживает растрату жены ранее, чем муж успевает распределить присвоенные им деньги, а на новой службе немедленно обнаружили его преступление и на скамье подсудимых оба супруга и вместо одной растраты — две. Сюда же падают попытки отыграться путем рулетки, азартной и рискованной спекуляции, сюда же относятся попытки взять, как можно больше, чтобы хоть уж было за что пострадать. Иногда случается, что в этот момент приказчик самостоятельно просит о назначении ревизии, доносит сам на себя. При этом часто растратчик пытается «покончить дело миром», выдает обязательства внести недостающие деньги, отработать их и т. п., подобные предложения далеко не всегда имеют под собой реальную почву, так как у него ничего нет, все растрачено. Но бывают возможности действительно исправить нанесенный вред. Так, уполномоченный деревней произвести постройку школы некий крестьянин в Звенигородском уезде, будучи сам уроженец Сибири, [illegible] ссуду в 200 руб., выстроил школу, [illegible] привел в порядок отчетность и [illegible] был уполномочен собрать с односельчан деньги на возмещенье ссуды. И вот, когда он поехал с деньгами, чтобы их внести и погасить долг банку, [illegible] его охватила непреодолимая тоска по родине: в чем был, без багажа, сел он в поезд и поехал домой, в Сибирь. При аресте по телеграфу он во всем признался и неистраченные 100 руб. были у него отобраны. Деревня немедленно попыталась [illegible] с банком [illegible] еженедельно обслуживать своей лошадью и подводой местную кооперативную лавку, считая ему за каждую ездку 5 (пять) рублей, пока не выплатит, не отработает в 20 недель всей суммы. В [illegible] же порядке получит он условное осуждение. Иногда же [illegible] донос на самого себя объясняется [illegible] который вдруг понял, что он [illegible] преступление, а иногда расчетом, что [illegible] будет учтено, как смягчающее вину обстоятельство. Не надо забывать, что ст. 38 УК и ст. 271 ГПК [illegible] гражданский иск в пределах [illegible] чивают, до известной степени, [illegible] городных огородников [illegible] состояние, из-за которого он идет на преступление. Иногда требование ревизии, донос на самого себя, диктуются более сложными обсто-

тельствами: это в тех случаях, когда в одной лавке было два ответственных приказчика, оба воровали и доносом один думает смягчить свою участь, выдав другого. Попытка назначать двоих ответственных приказчиков, при чем оба имеют доступ к товару, к кассе и к книгам создала целый ряд соблазнов: каждый, сознавая тяжесть ответственности за другого, торопился за то же наказание в будущем приобрести не менее соседа в настоящем. За «один ответ» в уголовном порядке, всякий разрешал себе все «семь бед», надеясь, что в порядке гражданского иска разорят не его, а другого ответчика.

В противовес всем вышеописанным встречаются люди, действовавшие с заранее обдуманным намерением, поступившие в кооператив с целевою установкой заработать не только всеми правдами, но и всеми неправдами. Этот тип встречается редко в низовой кооперации, его место уже на верхах, и сразу выделяется из общей массы своим поведением в лавке, на суде и даже в местах заключения. Политика их поведения бывает двух видов. Или замыкаясь в себе и изображая Иванушку-дурачка, этакий стратегически-мыслящий, предвидящий и предусмотрительный гражданин, твердит упорно и стереотипно: «мы люди темные, мы рабочие и крестьяне, мы не знаем, как это насчет процентов, мы писать-то учились угольком на стене» и все это говорится человеком, который хранит в памяти невероятное количество цифр и расчетов, фактов, событий и взаимоотношений, даже распоряжений и циркуляров, который умеет купить и продать, провести и вывести, но который всех считает чужими и враждебными, всех считает глупее себя, людьми с «купленным», т.-е. дурацким умом по сравнению с его смекалкой Особенно ненавидит он бухгалтеров, которые кажутся ему какими-то колдунами, совершающими зловещие и злобные операции с цифрами и счетами, благодаря чему обнаруживаются, казалось бы, так хорошо запрятанные тайны и уловки. Весь план, вся стратегия этих растратчиков коренятся в глубоком убеждении, что бухгалтерия—одно жульничество, и что путем запутывания счетов или подкупа счетовода можно все сделать. Или, исходя из таких же предпосылок, другие люди, этого же стратегически мыслящего типа, считают себя великолепными знатоками коммерческой отчетности и учения о доказательствах на суде. С самого начала службы и работы собирают они доказательства неточности, халатности, неправильности, порочности работы складов, возчиков, кладовщиков, счетоводов, бухгалтеров, ревизоров. Зная, или инстинктивно чувствуя, что лучшим способом защиты является нападение, они при первой же тревоге, при первом намеке на точный «опасный» учет, не говоря уже об инструкторской ревизии, вооружаются припасенными бумагами, расписками, заметками, целым ворохом доказательств и угрожают судом и расправой. При достаточной дозе наглости и некоторой уголовной опытности, эти люди могут сначала даже иметь успех Сразу со всех сторон видно столько упущений, что на первый взгляд создается впечатление, будто все кругом виноваты, только один он, несправедливо обвиняемый, несчастная жертва. Даже после вынесения приговора, после утверждения приговора во второй инстанции, после рассмотрения в порядке прокурорского надзора, все равно такой

человек не успокаивается. Он слишком убежден в своем знании и умении, чтобы поверить, что он ошибся или просчитался, чтобы его можно было уловить на преступлении. У некоторых даже развивается нечто в роде бредовой системы, при чем трудно разобрать, где человек сознательно говорит неправду, а где он и сам себе поверил.

В одном из процессов подобный герой кооперативной лавки, который умудрился иметь двойные ключи к выручке и к складу, т.-е. обеспечил себе доступ к товару и к деньгам в то время, когда основные ключи и вместе с ними вся ответственность ложилась на другое лицо, этот самый хитроумный человек, у которого в лавке был обнаружен «чужой», неизвестного происхождения товар, которым он торговал на свой счет, т.-е. в свой доход на оборотные средства кооператива, так поставил свою защиту на суде, что речь шла совсем не об этих двойных ключах и не об его «самостоятельных» операциях, а о провинностях конторы и бухгалтерии перед ним, жертвой халатности и невнимания ответственных руководителей кооперативного дела. Все инкриминируемые ему недостачи образовались лишь потому, что не были достаточно учтены утруски, усушки и провесы, товар посылался с неточностями до одного фунта на 20—30 пудов; на необходимости отпускать дешевый товар, в дорогих пакетах он потерял сотни рублей и т. п.—посыпался целый град, хлынул поток жалоб и претензий, совершенно отодвигающий в тень неприглядную правду жульничества.

Мотивация преступлений, совершаемых последней из изучаемых в этой работе групп растратчиков, мотивация растрат в центральных органах кооперации или в гострестах и иных государственных учреждениях в общем и целом содержит в себе те же элементы, те же переживания, о которых уже говорилось выше. Новым является элемент власти. Чем больше денег в руках у человека, чем большему он распорядитель, тем сильнее соблазн, тем ощутительнее искушения и тем пьянее хмель власти. Количество переходит в качество, но не всегда сознание ответственности растет пропорционально полномочиям, слишком часто наблюдается как раз обратное.

Самый умный и сильный человек имеет обыкновенно какое-нибудь слабое место, быв поражен в это место, теряет силу и ум. То-есть, другими словами, каждый человек может быть поставлен, приведен обстоятельствами жизни в положение относительной недостаточности, относительной дезориентированности. Легенды о Самсоне с остриженными волосами повторяются очень часто на протяжении человеческой истории, слабым местом очень многих и многих мужчин является женщина. Вопрос о половой зависимости, как мотивация преступления, широко разработан в криминологической литературе и здесь нет оснований в него углубляться: он найдет себе место в других трудах Института. Здесь же важно отметить, что мотивация растраты ради женщины, из увлечения женщиной, одинакова, идет ли речь о «Ксюше, закликалке сада «Приволье», что на Воробьевых горах», соблазнившей заведующего Моссельпромовской пекарней, или о парижской кокотке или о бывшей княгине, из-за которых поплатились и жизнью, и честью люди более высокого калибра. Среди этих дел интересно отметить одну

своеобразную черту, которая характерна не столько для мотивации растрат, сколько для типа половых зависимостей, ведущих к хозяйственным преступлениям. Никогда не встречается, чтобы поводом к растрате являлась половая связь типа постоянного сожительства или зарегистрированного брака: таковые связи, если толкнут на растрату, то лишь по типу жадности первоначального накопления и об этом говорилось уже в предыдущем. Ответственный работник, политически зрелый человек, часто с партийным стажем, не ловится в эти сети. У него нет жадности накопления, так как по самой своей классовой сущности он лишен этих переживаний. Появившиеся после нэп'а все рассказы о мещанском уюте и канарейках быть может и имеют смысл, но только не для мотивации растрат в госучреждениях. Распорядители кредитов по огромным сметам гострестов или управлений достаточно обеспечены, чтобы не прибегать к преступлениям для удовлетворения нужд семьи, даже, если приходится путем алиментов заботиться не об одной только семье. Роковым является внезапный, буйный хмель, внезапные женские связи, никогда не ведущие ни к рождению детей, ни к искам на алименты, какой-то дикий кутеж и разгул, переживаемый самим растратчиком, как роковое несчастье, вихрь, уносящий работу и сознание долгих лет. Часто, когда миновал первый кратковременный порыв, сознание непоправимости, ужас перед пропастью, обнаруженной в самом себе, желание не думать, забыть то, что натворено, гонит по тому же пути. В этих случаях рулетка, азартные игры, взятки и т. п. быстро нанизываются на первое неожиданное преступление. Иногда вплоть до шпионажа или участия в экономической контрреволюции. Быть может, здесь можно найти некоторую аналогию с переживаниями того выдвиженца, трагическая судьба которого в виде смерти в состоянии алкогольного помешательства была описана выше. Внезапная острая заманчивость незнакомого и как бы запретного наслаждения, затем особая терпкая сила чувственных впечатлений, их исключительная сосредоточенность для неискушенного в любовных утехах, когда он впервые в зрелом возрасте попадает в руки квалифицированных жриц любви. К этому надо еще прибавить совершенно исключительное по своей интенсивности чувство освобождения, разрыва со всем пережитым, которое переживает человек, внезапно поступающий вопреки всему тому, что до сих пор определяло его жизнь и деятельность. Таковы сложные и загадочные переживания внезапных и необъяснимых растратчиков из среды безукоризненных, никогда не судившихся людей, занимавших ответственные посты по хозяйственной линии, еще одна страница из главы об амбивалентности, противоречивости человеческих эмотивных переживаний. Среди больших дел, среди обвиняемых по большим громким процессам, намечаются, конечно, точно также различные группы по мотивации преступного деяния, как намечались они и среди рыцарей кооперативного прилавка, и среди месткомовских и жил. тов. дельцов. Здесь также есть обвиняемые, на мышление и деятельность которых война наложила неизгладимый отпечаток, точно также есть спецы, убежденные в своей безнаказанности, забронированности специальными знаниями и умениями, и есть, наконец, и они

те, самые интересные и опасные из растратчиков, люди стратегического мышления, действующие с заранее обдуманным намерением хищения. Кроме того, в этих делах еще ярче и выпуклее выступает антураж, окружение, среда, все эти сваты и посредники, приживальщики и сводни, подстрекатели, укрыватели и пособники, которые создают обстановку житейского болота, являются носителями соблазнов и искушений, вьются всюду, где пахнет деньгами, в надежде утечки и утруски, как воробьи за телегой, нагруженной овсом или просом, а на суде изображают они из себя что-то вроде вещего и зловещего хора греческой трагедии.

Для того, чтобы уловить подоплеку, механику психических переживаний растратчика из героев фронта, человека, вернувшегося после долгой, честной, самоотверженной работы, подвергавшегося многим опасностям, ранениям и неврозам, лучше всего начать с небольшого гражданского дела, разбиравшегося в участковом Нарсуде. Некая воинская часть, в качестве истца, ищет с ответчика, бывшего краскома большой кавалерийской единицы, ныне занимающего ответственный хозяйственный пост, шесть верховых лошадей или стоимость таковых. Ответчик не только не признает иска, но никак не может понять оснований иска. Он сам своими трудами «из ничего» создал не только шесть этих лошадей, но и всю ту кавалерийскую часть, над которой он начальствовал. Часть эта под его начальством избороздила сотни верст и много, много раз менялся и конский и людской состав. «Почему они ищут у меня шесть, а не двадцать шесть коней», — с искренним изумлением вопрошает ответчик. В боевой страде, в пылу атак и стычек, столько лошадей было отбито и убито, столько потеряно и найдено, что он им и счет потерял. Много лошадей раздал он беднейшему крестьянству, отходя из местностей, где население было разорено войной, дарил коней в награду особенно отличившимся в бою, дарил в торжественной обстановке, считая это своим правом, и теперь у него есть лошади, на которых он вернулся домой, но он их лично отбил в схватке. Интенданты времени царских сенаторских ревизий создали афоризм, выражающий законы попадания снарядов вражеской артиллерии: первый снаряд попадает в казначейство (денежный ящик), а второй в архив и отчетности. Конечно, герой красных фронтов никогда не додумается до столь циничного выражения закономерности вражеских попаданий, но возможности подобной закономерности он, где-то в глубине сознания, готов допустить. Ведь, все эти лошади, наверное, были бы перебиты или загнаны и изувечены, если бы он их не уберег. Это одна сторона дела, одна сторона той жизненной обстановки, той деятельности, которая формирует мышление, наполняет содержанием сознание. Другая—это привычка к власти. Трудно себе представить, какое количество людей и нужд облепит подобного прямолинейного и отважного человека, когда он станет во главе учреждения в качестве распорядителя кредитов. К его несчастью росчерк пера влечет за собой гораздо более роковые последствия, чем удар сабли или даже разрыв снаряда. Здесь уже выступает психология относительной дезориентированности, о которой подробно говорилось выше. Но в настоящем случае, это состояние дезориентированности

осложняется двумя грозными обстоятельствами. Первое—это военная привычка быстро принимать решения. Он привык, он должен решить; самое страшное, нестерпимое—это состояние нерешительности. Поэтому, удовлетворившись как бы поверхностной разведкой, внешней ориентировкой, он быстро решает и дает распоряжения, принимает на себя ответственность и запутывает себя гораздо более, чем предполагал. Потому что, увидав ошибку, из ложного самолюбия, едва ли найдет в себе мужество ее признать, вернуть распоряжение, чего иногда и невозможно сделать, а попробует его исправить, т.-е. начнет отыгрываться, что по логике вещей всегда ведет к проигрышу. Второе—это действительные сложности обстановки, вполне реальная трудность найтись в переплетающихся взаимодействиях и соотношениях центрального хозяйственного аппарата. В кооперативной лавке высшая мудрость не превышает все же кунстстюков с контрольной лентой механической кассы или искусственно создаваемой путаницы накладных, здесь же в центральных аппаратах вплетается сложная игра ценностями, безусловно спекулятивного типа, примешиваются всевозможные способы вуалирования бюджета и баланса и замысловатые тайны портфеля векселей. Неподготовленному человеку довольно трудно быстро разобраться во всех этих сложных комбинациях и трагедия опасливого недоверия, сменяемого необоснованной зрящей доверчивостью, еще усугубляет растерянность и противоречивость внутренних интимных переживаний в то время, когда фронтовая выдержка и привычка к решительности не дает осознать внутренней глубины непродуманности действий, необоснованности решений. Подобное состояние неминуемо влечет или к нервному истощению, или к алкоголизму, особенно у контуженных (травматиков) или к тому и другому вместе. Такова одна из фигур действующих лиц большого дела не только по обвинению в растрате, но и по другим статьям главы о хозяйственных преступлениях; мотивация здесь одинакова. Но инициативная роль принадлежит, конечно, другому. Тот, кто направляет интригу растраты или иного способа перевести суммы государства из большого центрального учреждения в свой карман, конечно, ориентируется превосходно во всех колебаниях рынка, тайных спекулятивных маневрах и методах ведения учетов и расчетов. Антрепренер — лицо стратегического мышления и большого волевого размаха, даже, если в последний момент и ускользнет за пределы досягаемости, спасая свою личную жизнь и похищенные ценности, так что не поддается персональному обследованию, тем не менее оставляет в деле такие яркие неоспоримые следы и отпечатки, что личность его, в ее интимной мотивации вырисовывается во вес рост. Мало того, побег с похищенным, при чем оставляются близкие люди и по семейным связям и по ответственности по делу, часто даже поручители, которые платятся собственной свободой—только дополняет и оттеняет облик интернационального экономического хищника. Здесь выступает в игре мотивов хищения жадность, та же жадность, как и в мотивах, описанных в начале работы, но эта жадность уже совсем другого периода капиталистического развития. Поскольку наивная примитивная жадность, предшествующая скупости в процессе капиталисти-

ческого развития, может заключать в себе даже творческие черты,— не даром же созданы ст. 38 УК и ст. 271 ГПК, как бы признающие государственно-социальный смысл за некоим наименьшим благосостоянием, хотя бы и приобретенным сомнительным путем, — постольку жадность, описываемая здесь, принадлежит, так сказать, империалистическому периоду капиталистического развития, несет в себе [illegible] разрушение и разложение. Носитель этой классовой подоплеки неминуемо хищник —все равно несет ли он с собой торговые предприятия или биржевые операции или концессионные договоры. Особенными отличительными признаками деятельности подобных господ является лишь им одним свойственная способность распространять вокруг себя, как бы заражая, бредовое настроение. Достаточно изучить [illegible] такие исторические события, как афера Лоу в предреволюционном Париже, дело Панамы, дела банковских крахов, начиная с первого русского Ссудного (барон Струсберг) и кончая западно-европейскими (банк di Roma, Dresdenër B., и т. д.), а затем сравнить их с процессами Гукона и плеяды «Рыбаков» и иных современных в роде Рязторга и т. п., чтобы бросилось в глаза это совершенно особенное свойство дельцов создавать бредовые, иллюзорные настроения. Воздушные замки романтики ничто в сравнении с фиктивными ценностями биржи или дутыми ценами спекуляции. Поражает примитивность операционной основы всех этих операций и их стереотипная первоначальная удача, с неминуемым конечным крахом. Схема в общем такова: под некий товар — 5.000 пуд. подсолнечного масла, которого никто не видал, которое удостоверено «бумагой»—выдаются векселя—снова бумага и начинается своеобразный балет обмена бумагами, какая-то «китайская цепь», кадрили из фигуры «большого кольца», в которой все берут друг друга за руки, а в сущности никто ни за кого не держится... Масло, если даже допустить, что оно существует, не стало ценнее от того, что его владелец переменился двадцать раз или от того, что оно дважды проехало от Вологды до Керчи или от Алтая до Днепра. Нидерландские тюльпанные луковицы, точно так же, как и вологодское масло, точно так же, как кимберлеевские алмазы, луизитанские земли или амурские рыбные ловли—все это ведет к ажиотажу, растратам и спекуляции только тогда, когда приобрели нужные для хищнического империалистического капитала бредовые иллюзорные свойства. Что может быть проще и невиннее грубых мешков, трех тысяч штук мешков по семь гривен штука, но некий гражданин, обладатель этих мешков, продал их Моссельпрому, получил за них деньги, но мешков не сдал, а получил их обратно, так как заключил одновременно с Моссельпромом договор о поставке муки, которою надлежало наполнить вышеупомянутые мешки. Почему Моссельпрому, которому, надо думать, нужна мука, понадобилось у того, кто обещает в будущем муку, покупать в настоящем пустые мешки, чтобы не получив их, вернуть ему обратно, может быть ясно лишь для людей, привыкших к кривой логике иллюзорного мира так называемых торговых операций.

Таким образом, в больших хозяйственных делах и процессах на первом плане стоят две фигуры: первая, это обойденный [illegible]

ный работник, трагическая судьба которого была очерчена выше, со всей мучительностью амбивалентных эмоций, это, во-вторых, всегда старающийся остаться за кулисами, но извлекаемый рукою суда и следствия и доступный для изучения в Лефортовском изоляторе «маг и волшебник»—представитель враждебного класса мышления, антрепренер и режиссер трагикомедий бредовых иллюзий рынка в биржевом смысле, стратег, действующий с заранее обдуманным намерением. Очень поучительно изучение этих господ, после вынесения приговора и утверждения его, когда остыл пыл борьбы и можно толковать в порядке воспоминаний, восстановления картины прошлого. Тогда-то и развертывается вся бредовая система мышления, подобно своему собрату по психике из низовой кооперации, никогда не признается такой человек в своей вине, в своем хищничестве. Подобно бессмертному Ло будет он твердить о своей невиновности, о том, что он пал жертвой глубокого невежества и злобного завистливого пристрастия. Приводя на память цифры, факты и выкладки, или подтверждая их уже ненужными документами, будет он указывать, что он «оживил торговлю и промышленность», что лишь благодаря ему «пошла в Москву рыба» (проц. «Рыбаков»), «расцвели» Рязанские и Тамбовские и т. п. низовые лавки и т. д. Быть может, не без влияния судебных процессов, где обвиняемый воспринимает лишь речи своих защитников и показания благоприятных свидетелей, развивается у него целая бредовая система; иллюзорный мир спекуляции и даже шантажа представляется ему единственно реальным миром действительности. Вокруг этих двух центральных действующих лиц группируются обычно «спецы»; в противовес низовой кооперации, где специальные знания не претендуют на «незаменимость», в громких больших процессах каждый спец невероятно величав и «незаменим». В этой «незаменимости» тоже коренится достаточное количество бредовых воззрений коммерческого мира, столь цепких и живучих лишь потому, что до сих пор еще громадная масса земледельческого населения страны не хочет отказаться от жгучих наслаждений рыночного торга, удесятеряющихся на «черной бирже», самое название, наименование каковой указывает на ее сродство в мозгу обывателя с чем-то колдовским и магическим, ирреальным в смысле возможности чудес... Единственно в самом деле незаменимые в стране Советов знание и умение—это умение произрастить хлеб и рожать детей, но эти специалисты судятся не по 113 ст. УК. Помимо «спецов», встречается обязательно вечно-деятельный и расторопный «агент для поручений», молодой человек, который был уже подробно описан выше. Мотивация его действий и поступков, конечно, в большом, громком процессе та же, что в процессе низовой кооперации, но некоторые его черты, уже отмеченные выше, приобретают особое значение. Именно, склонность к хвастовству, хлестаковщине или фантастическая лживость при хорошо подвешенном языке, делают подобного молодого человека совершенно «незаменимым» для «наведения тумана», а говоря ученым языком—создания бредовой иллюзорной обстановки, своеобразной массовой заразительной одержимости, атмосфера которой так ясно ощущается при изучении крупных процессов по хозяйственным преступлениям. И, наконец, «спецы». Те представители высококвалифицированной дооктябрьской интеллигенции, обсуждение судьбы которой вызывало даже лекции и диспуты и появление которых на скамье подсудимых возбуждало у одних злорадство, у других глубокую скорбь. Здесь мотивация преступления очень сложна и может быть понята двояко. С одной стороны, ressentiment—это острое ощущение затаенной обиды, незабываемой никогда. Многие, особенно спецы по торгово-промышленной части, считающие до сих пор капиталистический строй периода империализма высшей мудростью государственного благосостояния, заинтересованные в нем, связанные с ним и классовыми и личными интересами, органически не могут отказаться от самих себя, даже желая работать лойально, они роковым образом поддаются на всякий соблазн со стороны предприимчивых и оборотистых антрепренеров. Здесь опять играют роль старые знакомства и связи с искусителем по уже упомянутому образцу низовой кооперации—та же схема «дооктябрьской» дружбы, деловых связей «мирного времени»—«хороший» человек, свой капитал имел, сам-то людям заработать давал. Кроме чувства старой обиды—ressentiment—выдвигается еще и другое переживание неудовлетворенности: неподвижность спец-ставки. Поощрение инициативы состоит единственно в том, чтобы открыть человеку перспективу безграничного дохода. В этом одна из самых действительных побудительных причин, почему человек так охотно отдается в обман всевозможных афер и мошенничеств; какую бы высокую спецставку ни получал спец,—он всегда остается в убеждении, что вознаграждается пропорционально меньше, чем он приносит прибыли и доходу предприятию и государству. Человеку свойственно обманываться—mûndûs vult decipi,—а тем более самообманываться. Достоевский неоднократно повторял, что «человек не только живет, но и самосочиняется». Неоднократно в оправдание приходится слышать: «я взял себе 20 тысяч сверх положенного мне жалованья, но я принес государству 100 тысяч сверх средней доходности предприятия». Это до известной степени та же логика, о которой говорилось по поводу шести верховых лошадей. Вся заманчивость частной, не контролируемой государством спекулятивной торговли, начиная с толкучки и кончая мировой биржей, коренится именно в этой принципиальной неограниченности личного дохода, который каждый для себя понимает как безграничное его именно обогащение, иллюзорно воспринимая принципиальную, мало вероятную, возможность, как безусловную уверенность в безграничной ценности его личных талантов на мировом рынке. Если бы Наркомтруд создал для этих спецов подвижную скалу особой спец-ставки для «незаменимых», при чем размер вознаграждения прогрессивно бы поднимался параллельно приносимому государству доходу, по типу ставок прогрессивно-подоходного налога, отпало бы одно весьма веское основание для соблазна и соучастия в хозяйственных преступлениях.

Таким образом, пришла к концу эта горькая работа, которой приоткрывается еще одна страничка для суждения о своеобразной логике ассоциальных человеческих поступков, изученных и понятых по мере сил, на чисто жизненных примерах, путем клинического наблюдения.

Индивидуально-социальные факторы растраты.*

(Психологический очерк).

Одно древнее изречение гласит: «Когда сотворено было железо, трепет страха прошел по деревьям. Но железо сказало: «Не давайте рукоятки для топора — и ни одно из вас повреждено не будет»».

Если бы общество осознало вдумчивую мысль, лежащую в основе этого изречения, оно поняло бы, что нужно бояться не преступности и преступника, подрывающего его устои, а прежде всего тех социальных условий, которые служат рукояткой для топорища, символизирующего собою индивидуума. Целая серия правонарушителей, изученных нами, в частности убийц, получала такую рукоятку, с помощью которой наносила удар обществу, от него же самого, когда оно само санкционировало ношение оружия у таких лиц. Совершенно так же целый ряд мошенничеств обусловлен тем, что преступник мошенник находит не менее преступную волю в обществе, поддерживающую его мошенничество (например, при желании поживиться заведомо краденными бриллиантами, получают взамен их простое стекло). В факторе растраты общество без достаточно зоркого глаза вверяет свои деньги лицам, часто вполне бескорыстным, но неустойчивым, внушаемым, излишне доверчивым, теоретичным, оторванным от реальности и т. д.

Всякое правонарушение есть продукт организации воспитания — индивидуального фактора, с одной стороны, и социальных отношений — с другой [1])

Выделить *слитный момент индивидуально-социального фактора* растраты — вот задача нашей работы. Эта задача всякой *психологической* работы в методологическом изучении преступника и преступности вообще. Ясно, что такая задача в своем законченном виде непосильна для первых шагов психологической работы Государственного Института по изучению преступности и преступника.

Во-первых, нам пришлось не только изучать растратчиков, но и предварительно вырабатывать методику психологического исследования преступника вообще. Мы не закрываем глаз на те временные трудности, которые связаны с этим и в свое время отмечены Ашаффенбургом: Написать психологию преступника мы пока не в состоянии. Главным образом, потому, что материал, из которого мы заимствуем отдельные

[1]) Проф. Г. Ашаффенбург: Преступление и борьба с ним. Одесса, 1906 г., стр. 158.

черты воспроизведения целого портрета, отличается чрезмерной пестротой. Всякая попытка извлечь из этого материала основные свойства разбивается о трудности, с которыми мы сталкиваемся при желании найти точные определения этих свойств, и вместе с тем грозит опасностью поспешного обобщения слишком исключительных фактов. *«Черты грубейшей жестокости уравновешиваются сентиментальными наклонностями другого; поразительная лживость* одного находится в резком противоречии с *откровенной наивностью* другого и что еще удивительней, часто в одном и том же индивидууме мы встречаем соединение *самых противоречивых свойств»*.

Все сказанное здесь относительно преступника вообще может быть отнесено и к более частным группировкам: в данном случае к растратчикам. Таким образом, трудность нашей задачи выделения психологически слитного момента—индивидуально-социального фактора растраты заключается в отсутствии в криминальной психологии [illegible] установок по типу нозологических единиц психиатрии и по типу социологических группировок.

Между тем, индивидуальные факторы правонарушения не всегда могут быть сведены к патологическим совершенно так же [illegible] ные факторы не исчерпывают этиологию преступления [illegible] и по мнению Ашаффенбурга «лучшей группировкой преступников по различным категориям была бы группировка *с психологической точки зрения*, если бы только она вообще была возможна» (ib. 158) [1])

Итак, необходимо выделяется самочинная роль психологии в изучении преступности и преступника. Психологический путь есть путь тонкого разреза между двумя отчетливо очерченными дисциплинами, психиатрии и социологии,—сливающийся с той и другой, однако, самостоятельный в своем обособленном виде. Психолог *прежде всего* должен изучать *личность* преступника, как таковую, не ставя себе задачей определять ее, как *преступную*, так как последнее всегда является итогом двух слагаемых: индивидуального фактора (самого по себе никогда не преступного, как одно H_2 без O не составляет еще воды) и социального фактора.

Выделение *индивидуального* фактора тесно связано с работой по психологической классификации личностей вообще. Такая работа также является одной из основных задач психологической работы Института. Разумеется, «всякая группировка всегда до известной степени искусственна: богатство и разнообразие природы не укладываются в рамки схематических определений. Всякая классификация [illegible] и не может быть ничем иным, как только *руководящей нитью*, позволяющей нам ориентироваться среди пестрого разнообразия явлений» (Ашаффенбург, ib. 158)

[1]) Она возможна, и является одной из основных задач психической работы Института, но мы не претендуем разрешать ее с первых же шагов нашей вынужденно-спешной краткой работы о растратчиках; тем более, что биологическая секция Института сформировалась позднее других и в ударном порядке приступила к общей работе. Это вторая, более частная причина трудности нашей работы.

Вот те общие, схематично взятые моменты нашей общей методологии психического изучения личности [1]), которые, несмотря на всю их теоретичность, необходимо здесь предпослать для уяснения нашей работы над растратчиками.

Если разобраться во всем многообразии отдельных индивидуальностей аналитически-синтетическим путем, как это принято в естественно-научных классификациях, и представить себе, что каким-нибудь способом удалось классифицировать все возможные дифференциальные различия людей, то такая классификация показала бы, что все типические особенности людей находятся в определенных отношениях друг к другу более близкого и более отдаленного родства, образуя в совокупности систему с характерным внутренним соотношением членов. Именно, такую связную классификацию мы имеем, например, в схеме *цветовых ощущений*. Мы хотим, чтобы психологический эксперимент, переломляющий индивидуальности на типические особенности по типичности их психических реакций, при исследовании целого ряда лиц дал бы нам некоторое подобие такого полного замкнутого спектра. А так как в естественном порядке сложных психических реакций мы замечаем несколько отдельных групп, то мы думаем, что согласно таким признакам (по реакциям) возможно построить психологическую классификацию личностей по указанному образцу, именно гаммы цветовых ощущений. В самом характере перехода одного типа к другому можно представить себе такое же взаимоотношение, как и в цветовой гамме. Все такие различия мы считаем конституциональными.

Опытным путем мы убедились далее, что все многообразие отдельных личностей *прежде всего* (помимо конституциональных особенностей) распадается по их психическим реакциям соответственно культурному уровню развития: *на примитивы и непримитивы* [2]). Примитив (при своей норме) указывает на самую низшую ступень культуры. Но этот культурный уровень можно представить себе повышающимся непрерывно; точной грани, где достигается момент собственно культуры, так же не существует, как не существует ее при переходе от индивидуальной нормы к нозологическим единицам или переходе в цветовых ощущениях. Примитив способен иметь уклон во все конституциональные различия, особенно резко выраженные на культурном фоне.

Вот наглядная схема таких конституциональных различий или индивидуальных особенностей личностей, замкнутых в один непрерывный ряд, где каждый член наиболее родственен с ближе лежащими к нему (см. стр. 173).

Признаки, по которым их можно определять, описаны в нашей классификации, при чем подобно тому, как в гамме цветовых ощущений мы имеем основные и промежуточные цвета, так и в нашей классификации выделяются по яркости их признаков три *основных* типа: 1) конкретно-эмоциональный, 2) аффективно-абстрактный и 3) интеллектуально-волевой. Все остальные оказываются промежуточными.

Биохимическую основу такая схема получает в своей корреляции с психиатрическими данными, с которыми она находится в тесной связи, и которая в свою очередь коррелирует с данными био-химическими и антропологическими (строение тела, внутренняя секреция).

При нашей многолетней совместной работе с психиатрами установились и те наиболее бесспорные соотношения, какие существуют между единицами нашей психологической классификации и единицами психиатрическими,—по диагнозам профессоров: П. Б. Ганнушкина (Психиатрическая

[1]) См. подробнее нашу Психологическую Классификацию Личностей. Элементарная методика психологического исследования. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1926 г.

[2]) О том, что мы понимаем под примитивом—см. подробнее в нашей работе: *Дети-примитивы*. Вопросы педологии и детской психоневрологии. Изд. «Жизнь и Знание», 1926 г.

Клиника 1 М. Г. У., М. О. Гуревича (Школа Санатория Наркомздрава), Е. К. Краснушкина (Научный [illegible] шители и правонарушения при М[illegible] *общее* соотношение между [illegible] гической формулировке и психиатрическими [illegible]

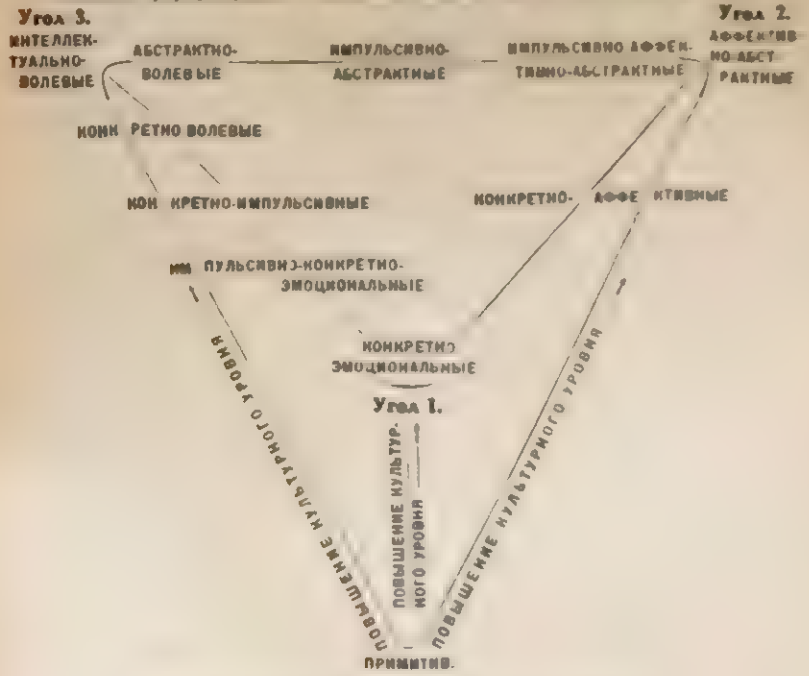

Схема индивидуальных различий личностей.

При конкретном применении нашей психологической классификации к изученной нами группе растратчиков, мы установили, что почти все члены ее оказались здесь представленными в том или другом количестве, с теми или иными изменениями (патологическими) и в той или иной социальной ситуации, наиболее опасной именно для данного типа в момент, предшествовавший растрате [1]).

[1]) Психологическое исследование производилось в различных исправительно-трудовых домах нашими сотрудниками учениками. Исследовано 85 человек. Здесь мы не останавливаемся на *специально* социальных моментах растраты. [illegible] гами. Нас интересует по преимуществу момент *мотива* растраты, *причины*, толкнувшие на нее. Из распределения изученных нами растратчиков по единицам психологической классификации не следует делать вывода об абсолютном преобладании одного типа растратчика над другим, так как при ограниченном количестве изученного нами материала данные цифры могут быть чисто случайными, что, однако, не подрывает обоснованности нашего основного анализа: взаимоотношения между индивидуально-социальными факторами растраты, так как каждому данному типу присуща своеобразная реакция на социальный раздражитель.

Соотношения психических конституций и психиатрических диагностик.

Психические конституции:			Психиатр. диагност.
Основной тип		I. а) Конкретно-эмоциональный.	Циклоиды. Инстабли.
	Промежут. тип.	б) Конкретно-аффективный.	Сенситивные. Истероиды. Гипертимики.
Основной тип.		II. в) Аффективно-абстрактный.	Шизоиды.
	Промежут. тип.	г) Импульсивно-аффективно-абстрактный.	Шизо-эпилептоиды с преобладанием шизоидных черт.
	Промежут. тип.	д) Импульсивно-абстрактный.	Шизо-эпилептоиды с преобладанием эпилептоидных черт.
	Промежут. тип.	е) Абстрактно-волевой.	Небольшой, едва заметный уклон в шизотимическую конституцию.
Основной тип.		III. ж) Интеллектуально-волевой.	Небольшой, едва заметный уклон или в шизотимическую или в циклотимическ. конституцию.
	Промежут. тип.	з) Конкретно-волевой.	Небольшой, едва заметный уклон в циклотимическую конституцию.
	Промежут. тип.	и) Конкретно импульсивный.	Импульсивные. Эпилептоиды.
	Промежут. тип.	к) Импульсивно-конкретно-эмоциональн.[1]).	Импульсивные, эпилептоидные циклотимики.

I. а) Конкретно-эмоциональный тип (основной).

По *конкретности и реальности* своих реакций такая *психическая конституция*, даже на культурном фоне, близко стоит к выделенному нами, по признакам бедности культуры, *примитиву*, но отличается от него большим богатством и большею гибкостью представлений и эмоций. Под эмоцией мы понимаем сложное чувство, реакцию организма, которая возникает из суб'ективной оценки воспринятых впечатлений и связана с тем, что *нравится или не нравится*. При *конкретно-эмоциональной*

[1]) При широте диапазона можно представить себе еще более широкие комбинации: например, тип импульсивно-конкретно-аффективный (черты импульсивные, истероидные и сенситивные).

реакции эмоция господствует над интеллектуально-волевым моментом, разумно контролирующим действие. Конкретно-эмоциональная конституция (при ее норме) вполне соответствует нормальным циклотимическим темпераментам Кречмера, особенно по своей социальной установке: такой тип «реалистичен и легко приспособляется к окружающему». Среди личностей этой категории «ассоциальные качества» «обычно редки» (Кречмер).

Тем не менее, мы встречаем среди наших растратчиков представителей и данного типа.

Это группа лиц от 30 до 53 лет. *Непримитивы* или лишь с некоторою примитивностью. Все они *служащие*. *Партийные* и *беспартийные*. *Образования* среднего. *Уровень развития* средний, с небольшими вариациями. *Общие условия растраты*: первый момент,—деньги или растрачены на мелкие нужды семьи или утеряны; второй момент,—стремление вернуть потерю игрой. Привычка играть и пить во всех данных случаях *привита средой* и сама по себе не существенна. *Общие индивидуальные особенности*: синтоничность (способность приспособляться к среде), внушаемость, неустойчивость, эмоциональный размах. *Патопсихических особенностей* не отмечено. *Социально-правовые понятия* полноценны, но поступки не согласованы с ними.

Этиология правонарушения

1) ***Индивидуальные факторы:*** все лица этой категории легко приспособляются к среде, в данном случае—кутящей. Такая *приспособляемость* (синтоничность) должна быть здесь отнесена на долю конституции, а не примитивности, которой она обычно присуща, так как все эти лица не-примитивны. Всем им присуща *внушаемость*, также чисто конституциональная. В этой внушаемости как слабость, так и сила данного типа, всецело сливающегося со средой как дурной, так и хорошей, вне связи с которой он не может быть рассматриваем, как преступник. Полноценные по своим социально-правовым понятиям лица данной категории осуществляют своим поведением старинный тезис Овидия: «Вижу лучшее и одобряю, но делаю худшее». В этом выражается [illegible] им неустойчивость и *преобладание эмоционального момента* над интеллектуально-волевым, как главная особенность данного типа.

2) *Социальные факторы*: во всех данных случаях [illegible] растраты об'ективно незначительны и самими правонарушителями оцениваются, как таковые. При полноценности их [illegible] правовых понятий, они могли бы честно выполнять возложенные на них функции при поддержке стойкой устойчивой среды и при [illegible] контроле, парализующем соблазн временно воспользоваться вверенными им деньгами на свои нужды. Между тем неустойчивая психика их встречает как раз обратное этому. Кутящая среда поощряет их на антисоциальные поступки, затягивая, как тина, в попойки, игру, кутеж. Неустойчивый суб'ект [illegible] и приговора часто оказывается самым счастливым днем в этой «бесшабашной» жизни: «Успокоился, что выяснилось, сколько сидеть. Мог уснуть, а до этого все думал: надо итти донести,—не спал»... «Попал в такую среду» (часто театральную, или жизнь около азартных впечатлений, например, при службе на бегах и т. п.)—«сломал голову в этой

пьяной среде: вставал и прямо за вино. Тюрьма (Ивановский Исправдом) меня отучила от этого: встаю и пыс кофий». Вот типичные психологические переживания лиц данной конституции.

Ясно, что даже исправительно-трудовой дом, если он на высоте гигиенической и культурно-просветительной задачи, способен отрезвить данный тип, лишь только он уйдет из-под власти опутывающей его своими крепкими щупальцами кутящей, угарной среды. Но здесь возникает вопрос, продлится ли это отрезвление и за стенами исправдома, если правонарушитель вернется в прежнюю обстановку? Кроме того, среда, окружающая его в исправдоме, при наличии в ней искушенного в повторных преступлениях элемента, может оказать еще худшее влияние на его неустойчивую психику, и из случайного преступника он может стать преступником по профессии.

б) Конкретно-аффективный тип (промежуточный).

Этот тип по своим признакам очень близок к предыдущему, но отличается от него чрезмерною чувствительностью, чрезмерною ранимостью, — аффективностью, суб'ективно преломляющей многие факты действительности. Под аффектом, *в чисто психологическом смысле* [1]), мы понимаем эмоцию, достигающую особого напряжения, при котором впечатления воспринимаются не только с тою оценкою, что они нравятся или не нравятся суб'екту, но при котором суб'ективно подбирается и прямо перерабатывается течение представлений сообразно с тем основным впечатлением, которое господствует в сознании.

Все лица данного типа (в возрасте от 28 до 38 лет), как *примитивы*, так и *непримитивы*, оказались *крестьянами и служащими*. *Беспартийные*. *Образование* низшее и среднее. *Уровень развития* средний и выше среднего. *Общие условия растраты:* первый момент,—длительное аффективное состояние под влиянием переживаний личного и семейного характера. Частая переоценка действительных фактов под влиянием излишней чувствительности и ранимости; второй момент,—кутеж, *чтобы рассеяться*. *Сами* ищут общества, в котором можно было бы забыться. Алкоголь не основное. *Общие индивидуальные особенности:* повышенная чувствительность (аффективность, в психологическом понимании этого термина). *Патопсихических особенностей* не отмечено. *Социально-правовые понятия* полноценны. *Отношение к своему правонарушению:* признают себя виновными, однако, post factum. В момент растраты, под влиянием излишней чувствительности, сознание было направлено только на личные переживания, растрата в первое время отчетливо не сознавалась.

Этиология правонарушения.

1) *Индивидуальные факторы:* длительное аффективное состояние, повышенная чувствительность, ранимость, при которой переоцениваются самые факты, потрясающие личность. Такая чувствительность выводит из гармонического состояния, обостряет элементы *неустойчивости*, лишь в некоторой степени присущие данному типу. Самое правонарушение совершается *незаметно для личности*, поглощенной всецело своими

[1]) В отличие от реакции во вне, которую мы называем импульсом (что часто смешивается в психиатрической терминологии).

обостренными переживаниями (ревность, боязнь за здоровье сильно заболевшего члена семьи и т. п.), особенно если помимо потрясения и горя личность, кроме того, переутомлена чрезмерной умственной или физической работой. Все лица данной категории в момент правонарушения оказывались истощенными, печальными, рассеянными, неспособными в нужную минуту собраться с мыслями,—словом, подавленными. Именно в таком состоянии чувствительность еще более обостряется: каждый пустяк поражает, все то, что не производило никакого впечатления в момент гармонического состояния психики, то, что оставляло по себе лишь слабое воспоминание (например, вино),—в момент обостренной чувствительности может развиваться, расти, и тогда вполне понятна та временная *неустойчивость*, в какую впадает такая личность при потрясении (кутеж, чтобы забыться и т. п.). Разумеется, личность, «пришедшая в себя» post factum, осознает свою вину перед обществом, но общество уже лишает ее своего доверия, еще больнее потрясая ее.

2) *Социальные факторы:* что касается социологического момента, то сюда прежде всего приходится отнести те внешние потрясения, которые заостряют чувствительность, конституционально и без того ранимого суб'екта. На долю таких потрясений чаще всего приходится отнести вполне обоснованную ревность, вызванную ситуацией, данной из вне, или болезнь кого-либо из членов семьи: не было бы измены, ухода жены и т. п.,—чувствительность не повышалась бы до таких болезненных пределов; совершенно так же боязнь за здоровье близких людей обостряет аффективность, и без того присущую данному типу. Лицам этого типа надлежит быть скорее артистами, художниками и т. п., чем бухгалтерами и кассирами, несмотря на всю их безукоризненную честность. Между тем, общество вынуждает своих членов заниматься той или иной профессией, не считаясь с их наклонностями.

Пребывание в заключении еще более ранит такого рода психику «Клеймо» преступника парализует их волю и толкает к еще бо́льшей неустойчивости.

II. в) Аффективно-абстрактный тип (основной).

Данный тип представляет собою широкую группу лиц, перемещающихся в направлении или повышенной чувствительности, аффективности, или в направлении к абстрактности, оторванности от действительности, аффективной холодности (перемещение в направлении от гиперэстетического к анэстетическому полюсу шизоидной группы, по Кречмеру). Лица этого типа склонны к абстракциям, отдаленным от реальности и основанным на аффективном переломлении действительных фактов. *Абстракция такого рода—это упрощения данных чувственного опыта*, а так как они основаны на аффективном переломлении действительности, то и вызывают несоответствующую реакцию на раздражение внешней жизни. Этот тип, как мы говорили, соответствует шизоидному типу Кречмера, который определяется им по его социальной установке, как тип, *живущий в самом себе* («аутизм» Блейлера), с расплывчатым восприятием действительности (неприспособляющийся к среде). Все это

заставляет Кречмера характеризовать лиц данного типа «*антисоциальными в банальном смысле слова*, часто переходящими *в криминальную антиобщественность*».

Первый вариант на фоне данного типа (акцент на абстрактности).

Специальное изучение нами группы растратчиков аффективно-абстрактного типа, *примитивов*, с акцентуацией на моменте *абстракции*, т.-е. *оторванности от действительности*, показало нам, что все лица данного типа (а их особенно много, и группа их особенно поучительна) попали в *«криминальную антиобщественность»* только благодаря обществу, снабдившему их функциями, мало подходящими для лиц данной конституции, и перегрузившему их работой. Это все *теоретики*, по преимуществу. Общество хотело сделать из них *практиков*, но для этого недостаточно одной только честности,—необходима конкретная ориентация в действительности.

В данной группе растратчиков (аффективно-абстрактного типа с акцентом на *абстрактности*) (от 21 до 45 лет) [illegible] *примитивы*. [illegible] *работы*. [illegible] *партийные*, [illegible] *работники*. *Образование* [illegible] *Общие условия растраты* [illegible] кавачке и т. п., куда они попадали с деньгами, доверяясь [illegible] *бескорыстие*. *Индивидуальные особенности* [illegible] циональной индифферентностью (холодностью). *Патопсихических особенностей не отмечено*. *Социально-правовые понятия* [illegible] парадоксальны. [illegible] ступки согласованы с ними. Отмечается примитивный эгоцентризм. [illegible] всегда идейно относились к общественному достоянию, и всегда были [illegible] вали всегда преданы, волнует, оскорбляет и часто озлобляет лиц данной категории.

Этиология правонарушения.

1) *Индивидуальные факторы*: все лица данной категории являются отвлеченными теоретиками, нереальность которых, кроме того, осложнена примитивной доверчивостью, мешающей им относиться критически к *реальным ситуациям*, в частности к действиям своих подчиненных.

2) *Социальные факторы*: общественная ошибка в назначении на ответственные должности лиц, вполне бескорыстных, но неподходящих к такого рода обязанностям по своим конституциональным особенностям. Перегрузка их работой. Все лица данной категории вполне полноценны при несении функций, связанных *только* с их личной ответственностью, и остаются полноценными членами общества, несмотря на вмененное им правонарушение. А между тем их наказывают особенно строго, например, выключая из партии. Ясно, что такое наказание кажется им незаслуженным (поскольку это бескорыстные теоретики), вызывает

сомнение в правильности оценки их поведения, парализует их волю и охлаждает их в тех начинаниях, которые могли бы быть общественно полезны.

Второй вариант на фоне того же типа (акцент на аффективности)

Несколько иной характер носит растрата лиц того же аффективно-абстрактного типа, с акцентом на *аффективности*. Это все [illegible] *примитивные* или с некоторой примитивностью (от 23 до [illegible]) [illegible] является больше чувствительности (аффективное отношение к семье, к краже у них казенных денег). Однако, в отличие от лиц конкретно-аффективных, они не ищут рассеяния во вне, как выхода из аффективного состояния, но всецело поглощены тем, как бы им уладить создавшееся положение, что по их нереальности им не удается, и они еще более запутываются. *Патопсихических особенностей не отмечено*. *Социально-правовые понятия* эгоцентричны и субъективно преломляются.

Этиология правонарушения.

1) *Индивидуальные факторы*: нереальность. Повышенная аффективность, обостряющая неумение выйти из временно создавшегося неудачного положения.

2) *Социальные факторы*: тяжелые материальные условия или похищение у них казенных денег. Бесконтрольные деньги на руках как раз в момент повышенной аффективности, когда данные лица хватаются за них, как за первый возможный временный выход из положения.

Все лица этой группы считают наложенное на них наказание слишком строгим, хотя виновными себя признают; однако, находят смягчающие вину обстоятельства: именно временное аффективное состояние (под влиянием нужды, переутомления, [illegible]) [illegible] ность их и без того эгоцентрических социально-правовых понятий еще более понижается в связи с их заключением в исправдома и личной самооценкой, как правонарушителей. Наказание заключением не исправляет их, а только озлобляет: «Теперь уже все равно».

Третий вариант на фоне того же типа (психически неполноценные).

Есть еще группа лиц этого же типа *психически неполноценная*. Здесь-то более, чем в каких-либо других случаях, общество само повинно в том, что доверяет этим лицам какие-либо ценности.

Исследованные нами лица этой группы (от 23 до 36 лет) — [illegible] *примитивы*. *Крестьяне или мелкие служащие*. *Беспартийные*. Ответственных ролей не несли. *Образование низшее*. *Уровень развития ниже среднего*. *Общие условия правонарушения*: все растрачивали под чужим влиянием на мелкие личные нужды, пьянство и т. п., не сознавая, что совер

шают правонарушение. *Общие индивидуальные особенности:* здесь *нереальность*, свойственная данному типу, обостряется интеллектуальной *неполноценностью* и эмоциональной тупостью (отсутствием способности вообразить себе результаты какого-либо действия). *Патопсихические особенности:* дементность, склонность к алкоголизму (иногда контузия). *Социально-правовые понятия:* недоразвиты. Лишь post factum признают себя виновными.

Этиология правонарушения.

1) *Индивидуальные факторы:* нереальность (свойственная их конституции), неполноценность интеллекта, обостряющая эту нереальность, и хотя правонарушения их связаны с их личной заинтересованностью (например, деньги пропиты), но всегда наряду с индивидуальным фактором мы видим и *социальный:* влияние, толчек извне, из среды, состоящей из более ловких, более реальных суб'ектов, которые и делают их орудием для использования растраченных денег в пользу этих вдохновителей, остающихся общественно ненаказуемыми.

Разумеется, заключение в исправдомах не сделает эту категорию неполноценных правонарушителей более полноценными.

Четвертый вариант на фоне того же типа (патологические непримитивы).

Совсем своеобразную группу представляют собой изученные нами растратчики того же аффективно-абстрактного типа *не-примитивы*.

Это лица в возрасте от 23 до 32 лет. *Служащие.* Некоторые из них *партийные*. Особенно интересно отметить, что все они с *высшим образованием*, при чем *уровень развития* у всех *выше среднего*. Здесь приходится начать с того, чтобы подчеркнуть следующие *патопсихические особенности* данных личностей: дисгармоничность психики и наклонность к патологической лживости. Вполне понятно, что *общие условия* растраты при таких особенностях психики испытуемых не могут быть точно расследованы нами, даже при добросовестной сверке их показаний с протоколами их дел [1]) потому что из сухих данных протокола, разумеется, можно менее всего почерпнуть указаний относительно *индивидуальных, психологически обоснованных*, факторов растраты. При психологическом исследовании данных личностей оказывается, что по *общим* своим *индивидуальным особенностям*, главным образом, по своей нереальности, все они относятся к типу аффективно-абстрактному. Но здесь бросается в глаза их *неодаренность*, которая особенно дисгармонирует с общим, сравнительно высоким, уровнем их развития. Свойственное данному типу теоретическое творчество им не удается. Отсюда—стремление уйти в реальную жизнь, которое, при их конституциональной нереальности, ведет лишь к авантюризму. Можно заключить, что общие *условия* их растрат по замыслу скорее напоминают мошенничество, чем чистую растрату. Здесь как раз тот пункт, где преступление, как растрата, сливается с преступлением, характеризуемым, как мошенничество, и часто нелегко установить точную грань, где кончается одно и начинается другое. Здесь часто встречаются групповые преступления, при чем лица данной категории несут главенствующую роль. *Социально-правовые понятия* этих лиц насквозь парадоксальны и вместе с тем недоразвиты. *Отношение к своему правонарушению:* все они не признают себя виновными в растрате (утверждая, что деньги у них украдены и т. п.).

[1]) Такая сверка производилась нами и во всех других случаях, где это было возможно.

Этиология правонарушения.

1) *Индивидуальные факторы:* нереальность, химерические построения, склонность к авантюризму.

2) *Социальные факторы:* временная переоценка таких лиц обществом в силу их уменья импонировать своим образованием, знаниями и т. п. Общество как бы само своей волей участвует в их авантюризме, санкционируя за ними те функции, которые при ближайшем исследовании таких личностей явно оказываются непосильными для них, легко вводящих в обман своим внешне блестящим обликом и разочаровывающих при ближайшем знакомстве своей пустотой, неодаренностью и антиобщественностью.

Лица этой категории больше подлежат ведению психиатра, чем чьему-либо другому, в частности, исправдомов, которые разумеется не способны излечить их и сделать когда-либо пригодными членами общества. Такие лица, подобно инвалидам, подлежат пожизненному надзору за ними общества.

г) Импульсивно аффективно-абстрактный тип.

Здесь на том же аффективно-абстрактном фоне присоединяется еще один момент, именно, *импульсивность*. *Импульс* есть движение, вызываемое эмоцией и направленное на окружающую среду. Это уже действие, а не только аффективное переживание суб'ективно построенных представлений. Импульсивные действия имеют своею целью, суб'ектом часто не сознаваемою, устранить то, что причиняет страдание или сохранить то, что доставляет наслаждение. Отсюда наиболее часты правонарушения (особенно убийства), совершаемые лицами именно с импульсивными элементами психики на любом конституциональном фоне: абстрактном или конкретном.

В изученной нами группе лиц *импульсивно-аффективно-абстрактного* типа мы выделяем две категории: лиц, с акцентом на *абстрактности*, или с акцентом на *аффективности и импульсивности*.

Первый вариант на фоне данного типа (акцент на абстрактности).

Первая группа растратчиков импульсивно-аффективно-абстрактного типа с акцентом на абстрактности по характеру своих правонарушений мало чем отличается от лиц чисто аффективно-абстрактных.

Это все *примитивы* (от 26 до 34 лет). *Рабочие. Ответственные партийные работники. Образование* низшее. *Уровень развития* средний. *Общие условия растраты* те же, что и у первой группы растратчиков, чисто аффективно-абстрактного типа: или недосмотр за подчиненными, или ограбление в пивной после одурманивания. *Общие индивидуальные особенности:* здесь, кроме отвлеченности и нереальности, и эмоциональной индиферентности, мы встречаем резко выраженную *импульсивность*. Люди этого склада действуют быстрее, чем думают, что ставит их в еще более невыгодное положение при несении своих обязанностей. *Патопсихические особенности:* ассоциативные и вообще мыслительные процессы характеризуются вязкостью, делающей этих лиц еще менее пригодными для контроля над подчиненными, чем лиц аффективно-абстрактных, не импуль-

сивных. *Социально-правовые понятия* полноценны. *В отношении к своему правонарушению* виновными себя не считают, признавая лишь недосмотр за подчиненными и свою излишнюю доверчивость.

Этиология правонарушения.

Она уже знакома из изложенного выше 1) *индивидуальным фактором* здесь является нереальность, отвлеченность, осложненная примитивною доверчивостью и импульсивностью 2) *Социальные факторы* несоответствие должности и индивидуальных особенностей психики.

Пребывание в исправительно-трудовых домах не изменит их индивидуальных особенностей и не научит большей реальности.

Второй вариант на фоне того же типа. (Акцент на аффективности и импульсивности).

Несколько отличается по своему характеру растрата лиц аффективно-абстрактного типа с акцентом на импульсивности (и аффективности).

Все лица этой категории (от 28 до 29 лет) *не-примитивы*, или лишь с некоторою примитивностью. Служащие. *Партийные и беспартийные* (*Образования* как низшего, так и высшего. Уровень развития средний и выше среднего. *Общие условия растраты*. Первый момент,—длительное аффективное состояние под влиянием потрясений, *предшествовавших растрате* (иногда осложненных новыми потрясениями); затем, второй момент, влекущий за собою растрату, основанный на *импульсивности*, толкающей найти выход из этого состояния в *азартных* переживаниях. *Индивидуальные особенности:* нереальность, повышенная аффективность и импульсивность. *Патопсихические особенности:* всюду встречаем алкогольную наследственность. *Социально-правовые понятия* полноценны, но не согласованы с действиями («вижу лучшее и одобряю, но делаю худшее»). *Отношение к своему правонарушению:* признают себя виновными, но оправдывают свое правонарушение аффективным состоянием, которое необходимо было как-либо изжить: момент, граничащий с временным патологическим состоянием

Этиология правонарушения.

1) ***Индивидуальные факторы:*** отрыв от действительности в силу особенностей конституции Длительное аффективное состояние до момента растраты импульсивность, дающая выход в азартных играх

2) ***Социальные факторы:*** самые потрясения даны извне. Общественная санкция азарта (казино, бега). Отсутствие регулярного контроля Вверенные им деньги у них на руках, в момент пограничный с патологическим состоянием.

III. ж) Интеллектуально-волевой тип (основной).

В числе изученных нами растратчиков различных конституций мы имеем также представителя интеллектуально-волевой группы (с уклоном в импульсивно-аффективно-абстрактный тип).

Вполне понятен переход от предыдущего к этому последнему основному типу В жизни человека волевые акты проявляются или спорадически, в виде отдельных обособленных импульсов, или же в виде

целого ряда связанных между собою и направляемых к одной общей цели волевых усилий Под чисто волевым усилием (в отличие от бесконтрольной импульсивности) мы понимаем действие, контролируемое интеллектом При интеллектуально-волевой установке интеллект и воля господствуют над эмоцией

На фоне этого типа нам удалось встретить только одного растратчика, [illegible] *Образования* [illegible] [illegible] Не внушаем. Эмоциональная сфера гармонична. *Социально-правовые понятия* полноценны, однако, отчетливо осознанная возможность борьбы между принципом и соблазном. *Патопсихические особенности:* старческая упадочность, выражающаяся в некоторой неустойчивости и большей необдуманности действий (импульсивности), чем это свойственно данному типу вообще. *Отношение к своему правонарушению:* сам недоумевает, как случилась растрата. Раньше постоянно имел на руках доверенные ему большие деньги и ничего не случалось. Объясняет некоторым сдвигом психики, переоценкой всех прежних ценностей «вино молодое влито в мехи старые»,—и тем, что не нашелся, как с честью выйти из положения.

Этиология правонарушения.

1) ***Индивидуальные факторы:*** старческая неустойчивость, несвойственная конституции. Возрастная смена доминанты: уклон в импульсивно-аффективно-абстрактный тип Болезненное самолюбие из боязни сознания собственной возрастной упадочности Несколько некритичное, под влиянием возраста, понимание новых условий действительности

2) ***Социальные факторы:*** новые условия действительности, непосильные для правильного осознания личностью в упадочном состоянии Неосознанность обществом старческой упадочности ответственного перед ними лица. Санкция обществом азартных учреждений (бега) и т. п

Разумеется исправдом его не омолодит и не восстановит прежней работоспособности. Между тем, общество должно было бы давно позаботиться о своем престарелом работнике, в продолжение многих лет честно исполнявшем ряд возложенных на него обязанностей

з) Конкретно-импульсивный тип (промежуточный).

Уже на предыдущем примере мы указали на некоторую близость спорадических актов, которые проявляются в виде отдельных обособленных *импульсов*, к актам целого ряда связанных между собою и направленных к одной общей цели *волевых усилий* От импульсивно-аффективно-абстрактного типа мы перешли к типу интеллектуально-волевому, но импульсивность может проявляться *не только на абстрактном*, но и на *конкретном фоне*.

В изученной нами группе растратчиков конкретно-импульсивного типа мы имеем (в возрасте от 35 до 39 лет) лиц *примитивных* и с некоторой примитивностью, с низшим *образованием, с уровнем развития* ниже среднего. Все они *крестьяне и служащие* (мелкие). *Беспартийные. Общие условия растраты:* деньги растрачены на вино. *Общие индивидуальные особенности:* некоторая эмоциональная и интеллектуальная тупость. Повышенная импульсивность. *Патопсихические особенности:* алкоголизм. *Социально-правовые понятия* недоразвиты. *Отношение к собственному правонарушению:* виновными себя признают.

Этиология правонарушения.

1) ***Индивидуальные факторы:*** недоразвитые социально-правовые понятия. Импульсивная тяга к вину, иногда обостренная потрясениями.

2) ***Социальные факторы:*** деньги, при отсутствии достаточного контроля, вверены лицам — алкоголикам. Потрясения, увеличивающие стремление забыться в вине. Пребывание в исправдомах временно действует на данных лиц отрезвляюще.

к) Импульсивно-конкретно-аффективный тип (промежуточный).

Само собою разумеется, как мы уже говорили, ни один тип не существует в совершенно чистом виде. Всякий чистый тип больше теоретическая фикция, чем действительность: элементы всех типических особенностей присущи каждому в той или иной пропорции. Это обстоятельство и обусловливает собою генетическое взаимоотношение типов, их взаимное большее или меньшее понимание (смотря по степени признаков родства между ними [1]), и, наконец, что очень важно отметить, ту конституциональную предопределенность, которая лежит в основе любой динамической смены конституциональной доминанты, а также бо́льшую или меньшую широту диапазона (более широкое или менее широкое родство одного типа с другими).

Последний тип, на котором мы здесь останавливаемся—*импульсивно-конкретно-аффективный*, отличается именно большей широтой диапазона, чем все другие очерченные здесь типы.

Эта группа может быть особенно поучительна в отношении к явлению растраты. Классический тип такого растратчика представлен Достоевским в его Дмитрии Карамазове.

В изученной нами группе растратчиков этого типа (от 22 до 34 лет) мы встречаем или *непримитивов*, или лиц только с некоторою примитивностью. Все они служащие. Чаще *беспартийные. Образование* среднее и домашнее. *Уровень развития* не выше среднего. *Общие условия растраты:* первый момент,—наличие аффективного переживания (болезнь жены, ревность, развод, кража у испытуемого денег, ему не принадлежащих), и отсюда второй момент,—обусловливающий собою растрату,—импульсивная реакция на первый момент, сдвиг по линии наименьшего сопротивления (кутеж, игра и т. п.).

Этот последний момент вполне диктуется всеми *индивидуальными особенностями* данной психики, всегда синтоничной среде, всегда страстной, увлекающейся, всегда размашистой, ранимой (аффективной), и в то же время импульсивной, быстро, без раздумья реагирующей и потому

[1]) А также возрастные переходы.

часто неустойчивой. *Патопсихические особенности* [illegible] некоторая [illegible] памяти. *Социально-правовые понятия* [illegible] *к своему правонарушению* [illegible] шее» [illegible]).

Этиология правонарушения.

Этиология правонарушения лиц данного типа ясна более, чем какая-либо другая:

1) ***Индивидуальные факторы:*** размашистость натуры, аффективная ранимость, неустойчивость в принципах и страстность, как корень всех действий. Страсть, это эмоция, ставшая привычной вследствие частого повторения (например, страсть к вину, к женщине и т. д.), эмоция более скрытая, более постоянная, наклонность доведенная до крайности. Если эмоция форма острая, то страсть, это форма хроническая, стойкая. Сила и продолжительность, вот ее признаки. Страсть господствует в сознании, занимает весь его центр, подавляет все остальное, пропускает только те впечатления, которые находятся в непосредственном отношении к основному переживанию. Лицам в таком состоянии недоступна последовательная смена удовольствий, страданий и желаний, в умеренной форме, которая обычна в наших повседневных буднях жизни. Таким образом, страсть в порядке [illegible] является тем, же чем idée fixe или навязчивое состояние в порядке [illegible] становится явлением психического [illegible] человека. Это граница между здоровьем и психическим [illegible] уничтожается самолюбие, человек влечется против своей воли, например, к вину, к игре и т. п. Эта наклонность к вину, к женщине и т. д. еще сильнее овладевает человеком в момент потрясений, усталости, переутомления, ослабленности психики.

2) ***Социальные факторы:*** внешние потрясения (уход жены, кража вверенных денег и т. д.). Влияние хищнической среды, жаждущей поживы за чужой счет и соблазняющей правонарушителей на кутеж, игру и т. д.

В данном случае самым ценным исправляющим средством было бы отвлечение внимания от нездоровых эмоций в сторону, так называемых в психологии, высших чувств интеллектуальных, социальных, эстетических и т. п. Между тем, общество само действует [illegible] на такого рода психику, санкционируя кинематограф с его возбуждающими впечатлениями, продажу вина и шуарт. Не само ли оно создает таким образом, как и во всех других случаях, ту рукоятку, без которой топор не мог бы ему повредить?

Если теперь перегруппировать изученных нами растратчиков с точки зрения *опасности, грозящей правопорядку*, то для этой цели лучше всего воспользоваться группировкой, предлагаемой Аллаффенбургом, так как здесь мы имеем наиболее совпадение с нашими выводами. Вот эта группировка: 1) преступники по небрежности, 2) преступники под влиянием аффекта, 3) случайные преступники, 4) умышленные преступники, 5) преступники рецидивисты, 6) привычные преступники, 7) профессиональные преступники.

Для растратчиков мы выделяем отсюда только четыре психологически интересные в данном случае группировки: 1) преступники по небрежности, 2) преступники под влиянием аффекта, 3) случайные преступники и 4) умышленные преступники [1]).

Эти четыре категории вполне исчерпывают все группы изученных нами растратчиков.

I. *Наибольшая группа растратчиков*—это растратчики *по небрежности*, т.-е. те, которые в процессе исследования выделялись нами по типу психической конституции, как *аффективно-абстрактные примитивы* (с акцентом на *абстрактности*). По Ашаффенбургу, «преступники по небрежности—это те, которые вступают в конфликт с уголовным законом вследствие свойственной иным людям беспечности и неосторожности» здесь — нереальности). «О намерении сознательно причинить ущерб интересам общества и права здесь не может быть, конечно, речи» (ib. 160).

II. К преступникам под *влиянием аффекта* мы относим вторую большую категорию растратчиков: именно *импульсивно-конкретно-аффективных* (и вообще всех растратчиков с элементами подчеркнутой *аффективности* при наличии импульсивности или без нее). Здесь также, по Ашаффенбургу, нет сознательного намерения причинить ущерб интересам общества и права. «Страстное возбуждение в минуту аффекта лишает их способности логически мыслить и непроизвольно и слепо увлекает за собою. Преступление вызвано только аффектом, аффект же сам по себе психологически понятен и извинителен» (ib. 160) [2]).

III. Наконец, к *случайным* растратчикам мы отнесли бы тех, которые обобщены нами в тип *конкретно эмоциональный*, отчасти близкий предыдущей группе, но отличающийся от нее большею гармоничностью эмоций, не переходящих в аффект. И Ашаффенбург сближает эту группу с преступниками *под влиянием аффекта*, при чем от первых, и по Ашаффенбургу, «они отличаются меньшею силою возбуждения чувств» (ib. 161). Сюда же Ашаффенбург относит преступления, «совершенные под влиянием алкогольного эксцесса, в которых *аффект* должен быть рассматриваем, как момент *второстепенного значения*». По нашей классификации сюда вполне подходит группа растратчиков *конкретно-импульсивного* типа, однако, во всей этой группе мы отмечаем наличие *хронического* алкоголизма, что заставляет нас характеризовать данных лиц *патологическими*. Совершенно так же мы квалифицируем патологическими и группу растратчиков аффективно-абстрактного типа—*дементных*.

---

[1]) Три последних рубрики для нас не имеют значения. Для нас несущественно [illegible] психологически не играет существенной роли в каждом отдельном случае, так [illegible] повторной растрате. Что касается привычных и профессиональных преступников [illegible] растратчиках, а скорее о мошенниках.

[2]) Правда, мы несколько иначе, чем медицинская психология, понимаем термин *аффективность*, [illegible] термина *импульсивность*, но здесь такая дифференциация не играет роли.

Далее, вместе с Ашаффенбургом, мы можем заключить по поводу приведенных выше групп правонарушителей: «Всем упомянутым до сих пор столкновениям с правовыми нормами обще то свойство, что они обязаны своим возникновением более случаю, несчастному стечению обстоятельств, они только различные формы того преступления, которое международный союз уголовного права называет *«преступление под влиянием минуты»*. Но при более детальном подразделении, ясно одно, что среди виновников этой категории преступлений встречаются люди вполне достойные уважения, отделенные глубокой пропастью от воров—грабителей».

IV. «Совершенно иначе»,— говорит Ашаффенбург,— «следует смотреть на преступления *предумышленные*, предполагающие наличность спокойно обдумывать планы: здесь заранее принятое намерение выполняется без всякой торопливости. Однако в единичных случаях границы эти сглаживаются. Преступление, совершенное под длительным влиянием аффекта, приближается иногда к предумышленному преступлению, когда, по чисто внешним обстоятельствам, немедленная реакция — оказалась невозможной». «Психологическое значение преступления, совершенного непосредственно под действием аффекта и преступления, выполненного после происшедшего замедления, несмотря на внутреннее родство между ними, конечно, различно. «Гораздо опаснее для безопасности законного порядка преступления, выполняемые с планомерным расчетом на все те выгоды, которые обеспечиваются успехом дела. Опасность возрастает, когда преступник умеет приспособить внешние обстоятельства к своим делам и *для совершения преступления вступает в союз с сообщниками*» (ib. 161—162).

К этой последней категории по нашей классификации относятся растраты, совершенные лицами, выделенными нами в четвертую вариацию *аффективно-абстрактного* типа (*патологические де-примитивы*), где растрата граничит с мошенничеством. Однако и эту группу мы рассматриваем, как *патологическую* и потому нуждающуюся в особой медико-психологической оценкой их действий [1]). Тем более, что их склонность к авантюризму, как мы уже отмечали, обычно основана на аффективном отношении к собственной бездарности, абстрактно ясно сознаваемой.

Все сказанное приводит нас к выводу, что *общественное дело в борьбе с растратами заключается не в отмерке того или иного количества лет заключения в связи только с внешними фактами правонарушения, но и в строгом всестороннем, не только судебном и врачебном (психиатрическом), но и социологическом и главным образом психологическом анализе,— во всесторонней экспертизе растратчиков.— Психологически* вполне ясно, что при растрате, как и при всех других правонарушениях, часто легко натолкнуться на ситуацию, где факторы врут. Вспомним факты дела Дмитрия Карамазова. Только всесторонняя экспертиза каждого отдельного случая способна указать на правильный путь к наказанию, сообразно не только с внешними

---

[1]) Сюда же мы относим лиц, совершивших другие преступления после или в связи с растратами, например, убийства.

Соотношение характера растрат с типами психических конституций растратчиков [1]).

Характер растрат	Психические конституции	Примитивы и не-примитивы.	Количество.
I. Растрата по небрежности.	Аффективно-абстрактные (с акцентом на абстрактности).	Только примитивы	Самая большая группа.
II. Растрата под влиянием аффекта.	Импульсивно-конкретно-аффективные (и вообще все растратчики с элементами подчеркнутой аффективности при наличии импульсивности или без нее).	Преобладают не-примитивы.	Вторая по количеству группа.
III. Растрата случайная.	Конкретно-эмоциональные.	Преобладают не-примитивы.	Третья по количеству группа.
IV. Растрата умышленная	Аффективно-абстрактные (патологические).	Не-примитивы.	Четвертая по количеству группа

фактами правонарушения, но также с целесообразным учетом типа психической конституции, которая служит индивидуальным фактором растраты в соотношении с известной социальной ситуацией и является единственным ключом к правильной оценке личности растратчика.

Ведь, кара имеет своей задачей не отсечение каждого отдельного правонарушителя от общества, а, наоборот, целесообразное воздействие на него в целях большей социабильности. Вот почему очень часто усиление меры наказания за растрату может оказаться обратным той цели, которую преследуют, именно, — оздоровление общества.

Мы еще раз *подчеркиваем необходимость тонкой дифференциации каждого отдельного случая растраты*, — таков основной *вывод* из всей проделанной нами работы. Необходимо выяснить, какую полезность можно извлечь из каждого отдельного члена общества, и при какой ситуации, — и только в такой ситуации и развертывать его дальнейшую деятельность, сообразуя наказание с наибольшею целесообразностью.

Наш психологический очерк о растратчиках имел своею целью лишь наметить общие контуры, по которым должна вестись психологическая работа над правонарушителями. Недостаток места и времени лишает нас возможности [illegible] пункты в явлениях растраты, которые психологически нам [illegible] предпослать этой первой психологической работе Института [illegible] соображения [illegible] Е. Г. Ширвиндт, В. Н. Черновым, Н. Н. [illegible], Т. И. [illegible], В. С. [illegible], А. М. [illegible] в обработке данного материала, за что мы им приносим глубокую благодарность.

1) По изученному нами для данной работы материалу.
2) Сюда относятся также 1) хронические алкоголики и 2) дементные (преобладают примитивы).

Некоторые итоги.

В условиях революционного строительства отдельные вопросы иногда приобретают важность и остроту боевых задач, требующих быстрого и энергичного разрешения. В сфере уголовного правосудия такого рода боевые кампании также не раз [illegible]: борьба со взяточничеством в 1922—1923 г., борьба с [illegible] в 1922 году и, наконец, борьба с растратами, начатая в 1925 году.

К сожалению, до сих пор еще не учтен опыт этих кампаний. Впервые Государственный Институт по изучению преступности, осуществляя свою основную задачу — приближения [illegible] исследования к запросам практики, произвел большую работу по изучению социального и личного облика растратчиков, социальных и [illegible] источников растраты. Эта работа, выполненная коллективными усилиями многих лиц, дает ценный материал для некоторых не [illegible] практического значения выводов.

Впервые вопрос о необходимости срочной и [illegible] борьбы с растратами был дан циркуляром НКЮ от 4 июня 1925 г. Указав, что «за последнее время значительно усилились растраты [illegible] денежных средств, что растраты эти подрывают финансовую базу государства и дискредитируют в глазах широких [illegible] авторитет государственных органов», Народный Комиссариат Юстиции предлагал «*обратить строжайшее внимание* на [illegible] данной категории, *усилить репрессию* и принять действительные меры к наискорейшему продвижению этих дел»....

Всего через 18 дней, 22 июня того же 1925 года, НКЮ [illegible] второй циркуляр, который еще в большей мере [illegible] необходимость усиленной борьбы с растратами. «Массовые растраты, указывал циркуляр, как крупные, так и мелкие, приняли эпидемический характер. Из государственных, главным образом, [illegible] растрата перебрасывалась в большом масштабе в [illegible]. Народный Комиссариат Юстиции поэтому [illegible] о необходимости повести планомерную кампанию по борьбе с этим становящимся все более опасным видом преступности». «В целях более действительной борьбы с растратами и для установления [illegible] практики по всей территории РСФСР НКЮ [illegible] понятие должностной растраты, рекомендует [illegible] меры пресечения иметь в виду социальную опасность растраты, [illegible] проводить дела о растратах ускоренным темпом и т. д.

Бесспорно, НКЮ и прежде всего Прокуратура, призванная с особой тщательностью следить за колебаниями преступности в Республике,

имели все основания настойчиво звать к энергичной борьбе с растратами. Достаточно отметить, что по данным прокурора НКЮ, Тагера, не менее 60% всех растрат падаю тна сельские местности [1]). При этом, как видно из материалов, приводимых председателем московского губернского суда, Стельмаховичем [2]), наибольшее число сельских растрат падает на сельскую кооперацию—29,8%. Согласно данным Государственного Института эта цифра еще выше: почти половина (49,5%) всех сельских растрат падает на кооперацию. По авторитетному свидетельству т. Курского, имеются целые «губернии, где нет ни одного кооператива, не пострадавшего от растрат» [3]).

Естественно, пассивно наблюдать эти явления и в особенности этот процесс разложения изнутри ценного элемента социалистического строительства в деревне—сельской кооперации, органы юстиции не могли. Но как в широкой периферии, как на местах был воспринят и осуществлен призыв к противорастратной кампании?

Материалы, собранные Государственным Институтом, относятся к осужденным в 1925 году. Следовательно, значительная часть материалов охватывает период, непосредственно последовавший за июньскими циркулярами НКЮ. Каковы по этим материалам первые итоги начавшейся борьбы с растратами?

Прежде всего останавливает внимание *социальный состав* осужденных за растраты. Как указывает Родин, «в массе растратчики представляют собой совершенно нормальную группу» советских работников. Свыше 40% растратчиков ранее служили в Красной армии. Среди растратчиков почти нет лиц, прежде судившихся за какие бы то ни было преступления. Более $^1/_2$ осужденных за растраты еще за 6 лет до растраты были служащими, $^1/_3$—рабочими. Среди очень значительной группы растратчиков (растратчиков, занимавших должности председателей, членов, секретарей и уполномоченных разных организаций) рабочие играют самую большую роль. Среди сельских растратчиков—почти $^3/_4$ крестьяне, из которых многие деревни и не покидали, а 13,2%—рабочие.

Таким образом, кадры, откуда вербовались растратчики, в огромной своей части принадлежат к тем социальным группам, которые уже в силу своего классового положения являются опорой рабоче-крестьянской власти. Если, не ограничиваясь общим социальным обликом, ближе всмотреться в черты и особенности отдельных растратчиков,— а данные Государственного Института и для этой цели дают достаточный материал—то своеобразие массы преступников, осужденных за растраты, выступит еще более рельефно.

По наблюдениям лиц, ведших по тюрьмам непосредственный опрос растратчиков, последние резко выделяются на фоне основного ядра тюремного населения, так называемой «шпаны». Обследователям растратчиков бросались в глаза их грамотность, более культурный язык

[1]) «Административный Вестник» 1926 г., кн. 1.
[2]) А. Стельмахович. «Борьба с растратами», 1926, стр. 6.
[3]) См. проф. Н. Полянский. «Должностные растраты», 1926 г., стр. 3.

и обращение, какая-то необычайная порядочливость и чистоплотность в одежде и почти всеобщее доверие к обследователю (статья Укше).

По отдельным «громким» процессам, всегда привлекающим широкое общественное внимание, порой может создаться впечатление, что эта средняя трудовая масса, мало отличающаяся от остальных групп советских работников, соскользнула на преступный путь, увлекшись картами, казино, бегами и т. п. Бесспорно, среди растратчиков есть люди, которые государственные и общественные суммы имели время и возможность донести лишь до игорного стола. И было бы весьма поучительно сопоставить суммы, растраченные в казино, с доходами, оттуда поступающими. Но это все же — единичные случаи. Они бросаются в глаза, но они не типичны. Средний, будничный, массовый растратчик, как и средний, массовый советский работник,— совсем иной. Он не несется на лихаче на бега или в казино. Он часто обременен большой семьей и немало усилий тратит на то, чтобы покрыть свой нормальный бюджет.

Действительно, по данным произведенного Государственным Институтом обследования, из всех растратчиков лишь 6,6% были причастны к азартным играм; из них посещали казино 2,7%, игорные дома—0,9%, игорные притоны—1%, тотализатор—0,4%. (Статья Гедеонова). С другой стороны, данные, рисующие материальную обеспеченность лиц, осужденных за растрату, весьма красноречивы. Оказывается, что более $^1/_2$ всех растратчиков городских имели на каждого члена семьи в месяц до 20 рублей; при этом почти $^1/_4$ из них (22%), «повидимому, буквально голодали, так как имели на каждого члена семьи лишь до 10 рублей в месяц». (Статья Укше).

Разумеется, и трудовой состав и материальная необеспеченность ни в какой степени не могут служить основанием, исключающим ответственность за растрату. Более того, если растраты грозят стать ощутимым препятствием на пути к социалистическому строительству, то, быть может, тем более должны избегать растраты и, следовательно, отвечать за растрату слои, идейно и социально связанные с этим строительством,— трудовые слои. Равным образом, серый мало заметный характер большинства растрат—десятки или сотни рублей, растраченных по глухим провинциальным ячейкам—не ослабляет значение этого зла, а, напротив, придает ему особую социальную опасность; именно в качестве будничного бытового явления растраты могут стать факторами, затрудняющими работу государственного и общественного аппарата. В этом отношении—в отношении важности энергичной борьбы с растратами—исследование, произведенное Государственным Институтом по изучению преступности, таким образом, лишь подтвердило верность данного еще в июне 1925 года НКЮ лозунга. Но тем более заслуживают внимание некоторые особенности прошедшей кампании, особенности, которые не представляются случайными.

Кажется бесспорным, что чем большим злом являются растраты, и чем соответственно острее становится уголовная реакция,—тем большая осторожность необходима в повседневной судебной практике. И, конечно, эта осторожность должна повышаться еще и еще там, где

острие уголовной репрессии — в силу своеобразного социального подбора осужденных—обращено фактически в сторону трудящихся.

Об'ективность требует признать, что необходимые грани в проведении антирастратной кампании на местах не всегда соблюдались. Энергичное указание центра—начать кампанию по борьбе с растратами—в некоторых случаях, как это ни странно, видимо, было понято так, что тщательность исполнения циркуляров измеряется количеством возбужденных дел. В повседневной судебной практике антирастратный порыв нашел конкретное выражение прежде всего в игнорировании грани, существующей между растратой, как умышленным корыстным удержанием вверенного имущества (см. ст. Пионтковского) и соседними понятиями фактической недостачи имущества и служебной халатности: в условиях боевой кампании эти детали кое-где считались, видимо, второстепенными. Спустя ½ года после издания июньских циркуляров НКЮ поэтому в новом специальном циркуляре «о мероприятиях по борьбе с растратами» от 1 февраля 1926 года был вынужден отметить, «совершенно недопустимое расширение понятия растраты и присвоения» и подчеркнуть, что «один лишь факт недостачи при неустановленности корысти нельзя отождествлять с растратой и присвоением». Очень скоро и Уголовная Кассационная Коллегия Верховного Суда, куда стала поступать обильная судебная жатва с июньских циркулярных посевов, в инструктивном письме от 10 февраля 1926 года писала: «несомненно, что губсуды во многих случаях применения ст. 113 УК, перегибая палку, увлекаясь проведением кампании по борьбе с растратами и присвоениями, допускают неправильности». В числе этих неправильностей УКК в частности установила: «суды нередко по делам, связанным с недостачей имущества, ограничиваются установлением факта недостачи и без достаточного исследования причин, вызвавших недостачу, выносят обвинительные приговоры по ст. 113 УК в отношении лиц, в ведении которых находилось недостающее имущество».

Параллельно с расширением понятия растраты стала судебная практика искусственно расширять и круг растратчиков. Еще циркуляр НКЮ от 22 июня, выдвигая широкое понятие должностного лица, предлагал привлекать по ст. 113, а не по 185—«коммивояжеров, сборщиков членских взносов, инкассаторов подписной платы, агентов по сбору страховых премий и т. д. в этом роде». Судебная же практика сложилась так, словно растраты ценностей, вверенных частными лицами—редчайшее в природе явление. Так, по данным Государственного Института из общего числа 2273 лиц, осужденных за растраты, лишь 21 человек, т.-е. менее 1% были осуждены за недолжностную растрату по 185 статье. Вместе с тем, наряду с действительными виновниками растрат стали усиленно привлекаться лица, лишь отдаленно прикосновенные к совершенному преступлению. Так и циркуляр НКЮ от 1 февраля 1926 года отмечал «мало, а иногда и ничем необоснованное расширение круга лиц, ответственных в уголовном порядке за растрату или присвоение, имевшее место в данной хозяйственной организации».

Менее заметной для центра, но по существу весьма важной была и общекарательная тенденция, установившаяся по делам о растратах:

здесь все вопросы связаны с существом дела и они, естественно, труднее поддаются кассационной или ревизионной поверке. Но при обозрении материалов, собранных ныне Государственным Институтом, нельзя и тут не отметить некоторых существенных особенностей. И снова вопрос не в единичных приговорах, показательных по обстановке судебного процесса, тяжести содеянного или высоте определенной меры социальной защиты: напротив, заслуживает внимания общая средняя линия, которую избрала судебная практика в отношении растратчиков.

80% всех растратчиков были осуждены на сроки выше года, при этом более 14% на срок от 3—5 лет, более 10%—на срок от 5—8 лет (статья Куфаева).

Таким образом, по всем направлениям—и в сторону расширения понятия растраты, и в сторону расширения круга растратчиков, и в сторону повышения репрессии—по всем направлениям широко распространилась, как река в половодье, борьба с растратами. При таких условиях неудивительно, что уже через полгода после издания июньских циркуляров сам Наркомюст был вынужден принять меры к тому, чтобы ввести в закономерное русло антирастратную стихию. (Циркуляр Наркомюста от 1 февраля 1926 года). Между тем, еще циркуляр Наркомюста от 22 июня предписывал: «При заявках о растрате обязательно выявлять, насколько способствовали ее совершению организационные недочеты в постановке работы данного учреждения или предприятия, обращая внимание в первую очередь на работу ревизионных комиссий». Сами растратчики в ответ на анкетные вопросы почти единодушно указывают на дефекты отчетности и слабости ревизии, как на условия, облегчавшие совершение растрат.

Вся эта бытовая, реальная сторона дела о растратах, все эти житейские корни растрат часто оставались в тени. Усвоив из указаний центра по преимуществу одну мысль—усиление репрессий—места всю энергию сосредоточили на суровых приговорах. Такое положение неизбежно осложняло работу суда.

Ни в одной стране суд не является в такой мере общественным институтом, как в Советской России, ибо нигде он в такой мере не близок и не связан с широкими слоями трудящихся, как в советской республике. Западному суду—аппарату по применению уголовных репрессий,—советская юстиция противопоставляет суд, как один из органов социалистического строительства, суд, всесторонним выявлением дефектов системы и лиц помогающий тресту, кооперативу, заводу выполнять их хозяйственные и общественные функции. Оттого, как порой ни бывает остра уголовная реакция, советский суд не может и не должен сводить своей работы или концентрировать свою работу на одной карательной функции. В этом уклоне перед ним открывается опасность недооценки многих иных моментов хозяйственной обстановки. С полным основанием инструктивное письмо Верховного Суда указывало: «Если же суды, произвольно расширяя понятие растраты и присвоения, начнут применять суровые меры репрессий к преступлениям, не имеющим ничего общего с присвоениями, а иногда и к таким действиям привлеченных к делу лиц, которые вовсе не заключают состава

преступления, то это может повредить не только борьбе с растратами, но и в стремлении упорядочить постановку дела в наших хозяйственных органах. Суровая мера репрессии, применяемая не там, где это необходимо, и не к тому, к кому следует, создает обстановку нервности, неуверенности в работе наших хозяйственных органов, что, в конечном счете, обязательно приводит к вредным для работы результатам».

Естественно, сам суд должен был в первую очередь ощутить эти «вредные для работы результаты». На местах в некоторых случаях складывалось впечатление, что из всей массы преступлений—одни растраты требуют энергичной борьбы. Тогда вместе с передвижением дел, уступивших место процессам о растратах, могло начаться и передвижение судейского внимания и, может быть, передвижение уголовной репрессии. В такой атмосфере *повышенные* приговоры по делам о растратах могли итти рядом с *пониженной* ответственностью за взяточничество, халатное отношение к службе или другие преступления. Словом, равновесие судебной работы могло оказаться под угрозой.

Таким образом, циркуляры Наркомюста, своевременно и с полным основанием звавшие к энергичной борьбе с растратами, на местах были восприняты острее и шире, чем предполагали их авторы. Словно тяжесть, брошенная с высоты, призыв из центра, пока достиг места назначения, в своей силе неимоверно вырос. При авторитете центра и чуткости мест это явление, однако, не было случайным. Необходимо признать, что в приложении к уголовному правосудию принципы боевых кампаний требуют значительных уточнений.

Можно не сомневаться, что уже ближайший период даст картину значительного снижения растрат. Но там, где в законы статистики врывается действие механического роста дел вследствие отнесения к растратам дел о недостаче имущества, халатном отношении к служебным обязанностям и т. п.,— там это падение цифр вряд ли может служить достаточным свидетельством успешно проведенной кампании.

Библиотека
Института Права

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Е. Г. Ширвиндт.
Предисловие 5

А. А. Пионтковский.
113-ая и 185-ая статьи Уголовного Кодекса 7

В. С. Халфин.
Растрата среди должностных преступлений 25

Д. П. Родин.
Социальный состав растратчиков 33

С. А. Ужше.
Детство и семейный быт растратчиков 70

Н. Н. Гедеонов.
Влияние алкоголя и азарта на растраты 97

В. Н. Куфаев.
Репрессия и растраты 117

В. Р. Якубсон.
Растратчики в местах заключения 140

Т. Е. Сегалов.
Растраты. Мотивация преступления 146

А. Е. Петрова.
Индивидуально-социальные факторы растраты 170

А. Н. Трайнин.
Некоторые итоги 189

Издательство Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР.

Москва, Ильинка, 21-а. Телефон № 4-09-60, доб. 54.

Находятся в продаже следующие издания по административной деятельности, уголовно-розыскному делу и исправительно-трудовому делу:

Систематический Сборник действующих руководящих приказов, циркуляров и инструкций по милиции, с алфавитно-предметным указателем, под редакцией Начальника ЦАУ НКВД—Начальника Милиции Республики *Сергиевского, П. К.*, издание 1926 года, цена—4 р., с пересылкой—4 р. 50 к.

Дисциплинарный Устав Р.-К. Милиции, новое издание по приказу НКВД № 123 от 7/VII—26 г., цена—12 к., с пересылкой—15 к.

Служба постового милиционера—*В. Максимов*, цена—45 к., с пересылкой—50 к.

Положение о службе и организации ведомственной милиции, цена—65 к., с пересылкой—70 к.

Сельский исполнитель—*Позднев*, цена—18 к., с пересылкой—20 к.

Положение о видах на жительство для иностранцев, цена—35 к., с пересылк.—40 к.

Административная юстиция и право жалобы—*проф. Загряцков*, цена—2 р. 25 к., с пересылкой—2 р. 40 к.

Охота и охотничье оружие—*А. П. Дьяконов*, цена—1 р., с пересылкой—1 р. 10 к.

Криминалистика (руководство по уголовной технике и тактике)—*И. Н. Якимов*, цена—4 р., с пересылкой—4 р. 50 к.

Современная криминалистика—*Л. Гельвиг*, цена—1 р., с пересылкой—1 р. 05 к.

Практическое руководство для работников Уголовного Розыска—*Штибер и Шнейкерт*, цена—1 р. 25 к., с пересылкой—1 р. 35 к.

Судебная фотография (новинка)—*С. М. Потапов*, Нач. Научно-Технического П/отдела НКВД, цена с пересылкой—2 р. 80 к.

Учебник судебной медицины—*Д. П. Косоротов*, цена—4 р. 75 к., с пересылкой—5 р. 20 к.

Экспертиза почерка и графическая индентификация — проф. *С. Оттоленги*, цена—90 к., с пересылкой—95 к.

Техника расследования преступлений—*Н. П. Макаренко*, цена—1 р. 70 к., с пересылкой—1 р. 90 к.

Собака ищейка—*Фридерикс*, цена 50 к., с пересылкой—55 к.

Дознание и предварительное следствие—*Громов*, цена—2 р., с пересылкой—2 р. 20 к.

Исправительно-Трудовой Кодекс—популярное изложение и постатейный комментарий—*В. Р. Якубсон*, цена вып. I—50 к., с пересылкой—55 к.; вып. II—55 к., с пересылкой—60 к.; вып. III—V—1 р. 50 к., с пересылкой—1 р. 65 к.

Инструкция по ведению хозяйства в местах заключения, цена—1 р. 40 к., с пересылкой—1 р. 50 к.

Инструкция по рабочей части мест заключения, цена—2 р., с пересыл.—2 р. 20 к.

В тюрьме—очерки тюремной психологии—проф. *Гернет*, цена—1 р. 80 к., с пересылкой—1 р. 90 к.

Преступный мир г. Москвы—сборник статей (проф. *Гернет* и др.), цена—3 р. 60 к., с пересылкой—3 р. 80 к.

Инструкция по службе работников административно-строевого состава мест заключения, цена—10 к., с пересылкой—12 к.

Издательство выполняет заказы на литературу других издательств (Юридическ. Изд-во НКЮ, НК РКИ и пр.) по номинальным ценам.

Литература наложенным платежом высылается только по получении 25% стоимости заказа.

Все требования и заказы адресовать: Москва, Ильинка, 21/а, Издательство НКВД.

Издательство Народн. Комиссар. Внутр. Дел РСФСР

(б. Издательство ГУКХ).

Москва, Ильинка, 21, Телефон 4-09-60, доб. 54.

Продолжается подписка на 1926 год НА ЖУРНАЛЫ:

I.

„КОММУНАЛЬНОЕ ДЕЛО“

орган Главного Управления Коммунального Хозяйства НКВД

(ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ)

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ на 1926 год:

На 1 год (с 1 января)—цена 15 руб., на 6 мес.—8 руб., на 3 мес.—4 руб. 50 коп. Цена отдельного номера 75 к., с пересылкой наложенным платежом—1 руб.

II.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„ПОЖАРНОЕ ДЕЛО“

(ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ).

К постоянному участию в журнале „ПОЖАРНОЕ ДЕЛО“ привлечены лучшие пожарные работники как в Москве и Ленинграде, так и в провинции.

Журнал „ПОЖАРНОЕ ДЕЛО“, являясь сейчас единственным общепожарным органом в СССР, должен сплотить вокруг себя всех пожарных работников.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на ЖУРНАЛ „ПОЖАРНОЕ ДЕЛО“

на год—6 р., на полгода—3 р. 25к., на 3 мес.—1р. 75 к. №№ 1, 2, 3, 4 и 5 журнала распроданы, подписка принимается только с 1 июня, с № 6.

ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

МОСКВА, Ильинка, 21. Издательству Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР.